

ВАЛЕНТИН ЖЕЛТОВ

СЛОВО

военкора

Под шланг
и п... картечь
Поговорки **Держиш**

Завтра день третий, четвертый
Сколько наши танки
Держат под Ленинградом
Завтра придет на помощь
Свой танк, свой артиллерийский
Танк наш на помощь
Еще одна неделя войны,
А завтра он развалится
Лезть туда в тесноте
И в Минуске водружат
На Минуску ему при
Он с парусом то
Скоро, скоро Марте
Скорее разстанем,
Наше это войска?
Он прыгнул вылезти:
Он, конечно, думал
Он, конечно, думал
Он, конечно, думал
Он, конечно, думал
Он, конечно, думал

Завтра вобудно малым
И шланг рюмку, стал он
Держит себя ладонью в груди
Мед для немцев, дескать
Потому что в нашей час
Сорок танков разной маст
Держать восемь миномет
Сорок девять пулеметов
Он старается, считает
Шланг на ус молот
Наше весточку черки
А цензуру обмануть
Для него совсем пус
Пшет он, примерно
Сообщаю вам, папаш
Его сосед ваш, неко
Саужит там-то мол
А папаша знает сам
Раз соседа нет танк
Значит ясно для
Что шланг там

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1938 году автора этой книги Валентина Ивановича Желтова, начинающего артиста, выпускника известной театральной студии второго МХАТа, призвали на военную службу на Дальний Восток. Но наступил суровый 1941 год — грянула Великая Отечественная война, и для нашей страны началось самое страшное и тяжелое время.

Потом была знаменитая битва под Москвой... Затем случилось так, что в день своего рождения Валентин Иванович освобождал в Калуге ту самую улицу и тот самый дом, в котором он родился. Были в его боевой судьбе и Курская дуга, и Висла, и Одер, и, наконец, Берлин. Всю войну прошагал В.И. Желтов в составе прославленной 44-й Гвардейской танковой бригады 1-й Гвардейской танковой армии. Был он автоматчиком, минометчиком, танкистом. Победный путь от Москвы до Берлина он заканчивал военным корреспондентом.

...Прославленные «катюши», легендарные «тридцатьчетверки», стремительные ИЛы, безотказные пулеметы приближали долгожданную Победу. Но было и другое оружие — боевое слово, поднимающее солдат в атаку, зовущее к отмщению. И этим мощным оружием в совершенстве владел военкор Желтов. Он громил врага метким словом, поддерживал героический дух солдат веселыми стихами и карикатурами, укреплял веру в скорую Победу, рассказывал

о военных буднях. Через газетные строки Валентин Иванович беседовал с солдатами как старый добрый друг, вместе с бойцами тосковал о доме, вспоминал родных и близких, оставленных в тылу, и в каждой его строчке сквозила вера в нашу Победу...

В один из дней перед битвой на Курской дуге для устрашения русских воинов гитлеровцы сбросили листовки:

*«Поспешайте отступить —
Будем скоро наступать
«Тиграми», «пантерами».
Не то, что ваши «блохи»,
С «тиграми» шутки плохи».*

Фашисты делали большую ставку на эти танки, считали их неуязвимыми. Но наше командование быстро изучило эту «чудо-технику», и военкору сержанту Желтову было поручено за одну ночь написать веселую, легко запоминающуюся памятку для солдат с указанием слабых мест «тигров». Вот что вышло из-под его пера в ту предгрозовую ночь:

*«Загадала вражья рать
Нас, ребятки, запугать:
Смастерила нам «на страх»
Бронелобых черепах.
И на башнях для остростки,
Не жалея желтой краски,
Намазюкала зверей.
«Нет, мол, танка лише, злей!»
Но страшен он лишь на вид,
В бок ударишь — и горит.
В «тигре», братцы, мало проку —
Только бей не в лоб, а сбоку,
Или в башню норови,*

*Иль такой момент лови:
Как он вылезет из ямы —
Бей ему по брюху прямо.
Снизу он не «тигр» — овечка,
Запыляет, словно свечка.
И потом ведь он недаром,
Отступая под ударом,
Задом пятится как рак —
Там у «тигра» бензобак.
Бей его по задней части:
Там броня неважной масти.
Ну, конечно, гусеница —
Та гранат и мин боится.
«Тигр» ползет как черепаха —
Ты встречай его без страха,
Не робей и не спеши,
Лучше целься и кроши».*

Стихотворение это было написано от лица веселого отважного парня Поговоркина, который сразу же полюбился бойцам, каждый узнавал в нем себя или своего товарища. С того дня и пошел по фронтовым дорогам вместе с военкором Желтовым его верный друг — разудалый солдат Поговоркин. Бойцы с нетерпением ждали в газетах новых заметок под заголовком «Под шрапнель и под картечь Поговоркин держит речь».

Жестокими были сражения на Курской дуге. Порой в бой одновременно вступали десятки танков с обеих сторон. На отдельных направлениях противник создавал плотность до 100 танков на километр фронта. Наши танкисты в бою проявляли необыкновенное мастерство и отвагу. Они любили свои машины, как лучшего друга, всеми силами старались

Калуга. Дом, в котором родился В.И. Желтов и который ему довелось освободить от немцев в день своего рождения

спасти поврежденную технику, а если были ранены сами, просили об этом боевых товарищей. Вот в такой напряженной обстановке и появилась в газете первая статья под новым заголовком — «Иван Броня ведет беседу для тех, кто бьется за победу». Это был собирательный образ советского солдата, а фамилия Броня символизировала род войск, в котором служил военкор Желтов.

Часто статьи В.И. Желтова выходили под заголовками «Наши герои» и «Из истории части», в которых он рассказывал бойцам о подвигах товарищей, боевом пути частей, где они служили.

Многие из этих публикаций, предлагаемых вниманию читателей, были написаны буквально за 2—3 часа перед боем, в окопе, когда каждая заметка могла оказаться последней. И тем ценнее сейчас для нас эти опаленные войной строки.

Москва, Измайловский парк. Последняя встреча ветеранов 1-й Гвардейской танковой армии со своим любимым командиром Андреем Лаврентьевичем Гетманом

Ветераны в День Победы у Могилы Неизвестного солдата. Слева направо: Владимир Ярошенко, Валентина Желтова (в девичестве Блохина), Валентин Желтов

НАШЕ ДЕЛО ПРАВО! МЫ ПОВЕДИЛИ! ГЕРМАНИЯ ПОЛНОСТЬЮ РАЗГРОМЛЕНА!

В СЛОВАХ
СОВЕТСКОГО
ВОЙНА
1941-1945

ГРАМОТА

участнику взятия Берлина

(Апрель-май 1945 год)

Смелостью и героизмом проявив себя в боях за
взятие Берлина и освобождение столицы Германии, проявив
мужество и отвагу в боях за освобождение Берлина

Вы до конца выжили свой долг перед Родиной в Ото-
чужденной войне, променяв русское оружие на руки великих
судачей и немецких оккупантов, явили героизм
Сталинской гвардии.

Военный Совет 1-й Гвардейской Танковой Армии отмечает
Ваше героическое участие в исторических боях по освобождению
столицы немецкого империализма — Берлина и подвизает
Вас с победой.

Командир бригады 1 ГТА
генерал-лейтенант полковник
М. КАТУКОВ

Член Военного Совета 1 ГТА
генерал-лейтенант
М. ПОПЕЛЬ

Берлин, 9 мая 1945 г.

ГРАМОТА

участнику взятия Берлина

(апрель — май 1945 год)

Литсотруднику красноармейской газеты «За нашу Родину» 11-го Гвардейского танкового Прикарпатского корпуса гвардии старшему сержанту ЖЕЛТОВУ Валентину Ивановичу.

Вы до конца выполнили свой долг перед Родиной в Отечественной войне, прославив русское оружие на полях великих сражений с немецкими оккупантами, навеки прославив Сталинскую гвардию.

Военный Совет 1-й Гвардейской Танковой Армии отмечает Ваше героическое участие в исторических боях по овладению столицей немецкого империализма — Берлином — и поздравляет с Победой.

Командующий 1-й ГТА гвардии генерал-полковник танковых войск М. КАТУКОВ.

Член Военного Совета 1-й ГТА гвардии генерал-лейтенант танковых войск Н. ПОПЕЛЬ.

Берлин, 9 мая 1945 г.

Под шрапнель

и под картечь

Поговоркин держит речь

Расскажу я вам, братишки
 Про дела и про делишки
 Крикунов и забияк
 Незадачливых вояк.
 Дело было, как обычно,
 Гитлер крикнул истерично:
 Летом русь должна бежать,
 Немец должен наступать!
 Летом немцы в этом деле
 Не одну собаку съели.

Ей положено бежать,
 А она давай нас жать.
 Темной ночью, белым светом
 Бьет зимой и также летом,
 Нестерпим такой нажим,
 День и ночь мы блиц-бежим.
 Словом, лопнули штанишки,
 Провздились их делишки
 Но не думай, друг боец,
 Мне пришел конец,
 Убит — он поднял вой,
 еще живой.
 Ему лишь отдышаться,
 а начнет кусаться.
 жать его и жать
 смело наступать.
 еще Суворов —
 он умерил зоров) —
 сам оред мов...

Горячая утюжка

ПОД ГАРМОНЬ И ПОД КАРТЕЧЬ ПОГОВОРИН ДЕРЖИТ РЕЧЬ

Подошел к нам по
 Яша
 --Как, ребята, деска
 каша?
 Мы, конечно, все
 ответ
 --Слаще каши пиши
 нет!
 И пошла вокруг пе
 теда,
 Только Яше не д
 смеха.
 Как посыпалась ост
 роты
 Про его дела, заботы,
 Про котлы, да пова
 режки,
 Миски, кружки, чаш
 ки, ложки.
 Подвернулся той по
 рой,
 Поговоркин, наш ге
 рой.
 Он за Яшу заступился
 И рассказывать пус
 тился,
 Про походную про
 нашу блат

ПОД ШРАПНЕЛЬ И ПОД КАРТЕЧЬ ПОГОВОРИН ДЕРЖИТ РЕЧЬ

Эх! Досадило-же мне, братцы.
 Кабы мог я разорваться,
 Чтоб сегодня-же, сейчас
 Побывать у всех у вас.
 Кабы крылья мне иметь
 Всех-бы, разом облететь,
 И на крыльях этих весть
 Чрез поля, леса пронести.
 Весть о займе, о военном
 Нашем займе, сокровенном!
 Вы скажите мне, ребята,
 Для кого из нас не свята
 Нашей родины свобода,
 Нашего народа?

Поговоркин держим речь

Парень с русской душой

*Поговоркин, мой герой,
Парень с русской душой,
С прямою благородной
И смекалкою народной,
Расторопен и хитер,
На язык же он остер,
Что подметит — скажет враз.
И не в бровь, а прямо в глаз.
Завернет он козью ножку,
Сам прищурится немножко
И пойдет рубить сплеча
Хлеще всякого бича
Метким словом, поговоркой.
С чувством, с толком, с расстановкой.
И толпой большой вокруг
Соберется тесный круг,
Слово каждое глотают
И на ус себе мотают.*

*По служебным по делам
Завернул он как-то к нам.
Речь вели о том, о сем,
Как фашистов ловко бьем.
Поговоркин тут как тут,
Завернул он самокрут,*

Скинул сумку свою с плеч,
И повел такую речь:
«Чтобы бить фашистов ловко,
Тут нужна, братва, сноровка.
Если снайпер ты, стрелок,
Подчини себе курок,
Чтоб винтовка не дрожала,
Чтобы пуля метким жалом,
Как ученая, летела,
Пробивая вражье тело!

Если ты шофер, мой друг,
Не лови от скуки мух,
Изучай свою машину,
Проверяй почаще шину,
Каждый винтик изучай,
Чтоб не лопнул невзначай,
Не подвел тебя в бою!
Я горой за то стою,
Лучше пот ручьем пролей,
Но машиной овладей!
«Больше поту — меньше крови!»
Тут наука в каждом слове!

Если ты танкист отважный,
Не гуляй персоной важной!
Помни: стоит лишь отстать,
И врагу тогда под стать
Будет бить тебя в бою.
Ты уверенность свою
Придержи пока до боя,
Сам учись без перебоя!
Повышай свою готовность,
В танке каждую подробность
Заучи как дважды два,
Помни Сталина слова:

*«Враг силен еще и лют,
Кто отстал, того и бьют!»*

*Если ты, мой друг, разведчик,
Помни: первый ты ответчик!
Ты — глаза и уши части,
У врага бываешь в пасти,
Должен знать его уловки,
Чтоб, разведав точно, ловко,
В срок доставить донесенье,
Тренируй свое уменье!
Прошлогодним не живи,
Опыт новый наживи!
Чтобы часть, вступивши в бой,
Не была глухой, слепой!*

*Будь ты там артиллерист,
Минометчик иль связист,
Должен так освоить дело,
Чтоб в бою вдруг не заело;
Чтоб всегда готовым быть
Немчуру отлично бить!
Ну пока, до новых встреч!»
Так закончил свою речь
Поговоркин, наш герой,
И пошел своей тропой!*

Про Сашу Растеряхина

Нынче, братцы, второй раз
Поговоркин был у нас.
Дело было на привале,
С кухни завтрак раздавали,
Видим, топает тропой
Поговоркин, наш герой.
Тут, конечно, все к нему,
«Как же так да почему?
Погости-ка, мол, немножко,
Подзаправься на дорожку».
Повар супу наливает,
Каждый ложку предлагает...
«Ложка, брат, всегда
со мной! — отвечает наш герой. —
Потому что ложки, кружки —
Наши верные подружки.
И в походе, и в бою
С ложкой будешь, как в раю.
А без ложки, друг мой милый,
Ты вояка будешь хилый.

Был у нас, во взводе нашем,
Растеряхин, некий Саша,
Что ни дай ему, бывало,
Раскидает, как попало,
А потом свистит в кулак.
И частенько было так.
Вот идет на марше рота.
Все устали, есть охота,
Время дорого, не ждет,
Враг за бандой банду шлет.
Нужно там заслон усилить,
Чтобы враг не смог осилить.

На обед привал короткий:
Распорядок строгий, четкий
«Котелки и ложки к бою!»
У кого они с собою,
Тот и в ус себе не дует:
Сел на травку и пирует.
Растеряхин еле дышит,
От него аж паром пышет.
От котла к котлу летает,
Жадно слюнки лишь глотает,
Видит око — зуб неймет,
Ложку ищет — не найдет!
Про него ты скажешь сам:
«Не вояка, просто хлам!»

Так не будь таким, как он,
И запомни мой закон:
«Без котла, без фляги, ложки
На войне протянешь ножки!»

О военном займе

Эх! Досадно же мне, братцы.
Кабы мог я разорваться,
Чтоб сегодня же, сейчас
Побывать у всех у вас.
Кабы крылья мне иметь,
Всех бы разом облететь
И на крыльях этих весть
Чрез поля, леса пронесть.
Весть о займе, о военном,
Нашем займе сокровенном.

Вы скажите мне, ребята,
Для кого из нас не свята
Нашей Родины свобода,
Счастье нашего народа?
Долго ль будем мы терпеть,
Чтобы злая вражья плеть
Спины близких рубцевала,
Чтоб страна в огне пылала,
Чтобы гибло наше жито,
Все снарядами изрыто?
Вспомни сталинский наказ:
Раз война постигла нас,
Все для фронта, для войны!
Наш народ в тылу страны
Дни и ночи напролет
Нам оружие кует.
Чтоб добить фашиста-гада,
Много пушек, танков надо,
Пулеметов, минометов,
Кораблей и самолетов.

Значит, братцы, разом, дружно
Нам помочь Отчизне нужно:

На заем всем подписаться
И не медлить, не стесняться,
Не скупиться, не жалеть,
Подписаться не на треть,
А на всю катушку разом!
Ты измерь весь край наш глазом
И прикинь себе в уме,
Сколько душ у нас в стране!
Если каждый так поможет,
Государство наше сможет
Столько пушек нам отлить,
Что фашисты будут выть,
Как пойдем мы с этой силой
Награждать их всех могилой!
Так ударим паразитов,
Что забудут и про жито,
И про «яйки», и про сало,
Побегут куда попало!

«Болтовне положь конец!»

*Добрый день, друзья, подружки,
Навострите ваши ушки!
Расскажу про «болтуновых»
(Тема, правда, не из новых,
Но сейчас она, ребятки,
Наступает нам на пятки).*

*Вот один веселый малый,
Ухажер он разудалый.
День, другой в селе прожил
И с Марусей подружил.
Бац! Пришел ему приказ —
Он к Марусеньке тотчас.
Дескать, милая Маруся,
Я с тобою расстаюся,
Нынче еду воевать!
Та как пустится рыдать:
«Ой, залеточка, зазноба.
Обещал любить до гроба!
Ты оставь хоть адресок,
Чтоб увидеться разок,
Чтоб найти тебя сумела».
Тут любовь его заела,
Достает он карандаш
И, войдя в любовный раж,
О святой забыв присяге,
Пишет адрес на бумаге,
Как проехать ей — маршрут,
Разболтал всю тайну, шут.
Вот такая, брат, залетка
Для шпиона клад, находка!*

*Или вот пример другой.
На побыточку домой*

Завернул попутно малый.
Выпив рюмку, стал он бравый,
Бьет себя ладонью в грудь.
Мы для немцев, дескать, жуть!
Потому что в нашей части
Сорок танков разной масти,
Двадцать восемь минометов,
Сорок девять пулеметов.
Он старается, считает,
А шпион на ус мотает!
Надо весточку черкнуть,
А цензуру обмануть
Для него совсем пустяк.
Пишет он примерно так:
«Сообщаю вам, папаша,
Что сосед ваш, некий Паша,
Служит там-то, мол, и там».
А папаша знает сам,
Раз соседа нет такого,
Значит, ясно для любого,
Что сыночек там воюет.
Он мамаше растолкует,
Та бежит куме сказать,
И пошла молва гулять.
Стонут, охают старушки,
А шпион настроил ушки.
Берегись его, боец!
Болтовне положь конец!
Тайну строго соблюдай,
За другими наблюдай,
Кто болтать уж так привык,
Отрубай ему язык!

Про солдатскую кашу

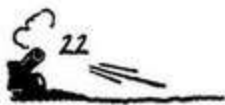
Подошел к нам повар Яша:
«Как, ребята, дескать, каша?»
Мы, конечно, все в ответ:
«Слаще каши пищи нет!»
И пошла вокруг потеха,
Только Яше не до смеха.
Как посыпались остроты
Про его дела, заботы,
Про котлы да поварешки,
Миски, кружки, чашки, ложки.
Подвернулся той порой
Поговоркин, наш герой.
Он за Яшу заступился
И рассказывать пустился
Про походную про нашу
Про солдатскую, брат, кашу.
«Мол, выходит, братцы, так,
Что и каша не пустяк.
Ведь недаром кашевара
Навещал всегда, бывало,
Сам Суворов, генерал,
И пощады не давал.
Если в каше недоварок,
Отпускал по норме палок.
Он и в битвах помнил свято
О питании солдата.
И в «Науке побеждать»
Не забыл он написать,
Чтоб на маршевом пути
Повар ехал впереди.
В своевременном обеде
Есть условие в победе.
Наша Родина богата,
Для защитника-солдата

*Шлет на фронт без перебора
Все, что нужно нам для боя:
И снаряды, и продукты
И табак, и даже фрукты.
Все зависит лишь от нас.
Пусть война не мать, не тетка,
Бьет людей больней, чем плетка,
Но стараться всяко надо
Накормить бойца-солдата,
Помня истину простую,
Словно заповедь святую:
В своевременном обеде
Есть условие к победе!»*

Про неряху-разгильдяя

Расскажу-ка вам, друзья, я
Про неряху-разгильдяя,
Что коптит наш белый свет.
Опишу его портрет.
На руках и под ногтями
Чернозем лежит слоями,
Грязь корой его покрыла —
«Нам на фронте не до мыла.
Мы, солдаты, мол, не утки,
Умываться — предрассудки».
Сухари, махорку, мыло
В ранце зеленью покрыло,
В котелке червям на радость
Киснет всяческая гадость,
Из баклажки воню прет,
Как понюхаешь — сорвет!
Пахнет квасом и вином,
Прошлогодним молоком,
У него резон один:
«Я солдат, не господин!
Наше дело воевать,
Остальное — наплевать!»
А в бою, как пуля свистнет,
Наш «герой» совсем раскиснет,
Станет, бедный, сам не свой
И на все махнет рукой:
«Уцелела б голова,
Остальное — трын-трава!»
Ты надеешься — поможет,
Он же выстрелить не может:
Вся винтовка заржавела.
Раз — осечка, два — заело!
Завозился: тырь да пырь
И подвел под монастырь!

*Он и сам-то грязный, жалкий,
И винтовку сделал палкой!
Разгильдяйство на войне —
Это, братцы, враг вдвойне!
За распущенность нерях
Платим кровью мы в боях!
Эти люди — наш позор,
Чести воинской укор.
И в бою бывают шатки,
Пресекайте их повадки!*

«Спишем все за счет войны!»

*В час вечерний до отбоя
Попросили мы героя:
«Позабавь-ка, мол, друзей
Поговорочкой своей».*
*Он прищурил правый глаз
И повел такой рассказ.
«Поговорок много разных —
И полезных, и опасных,
Об одной из них, друзья,
Потолкую с вами я.
Вот шофер, бывалый малый,
Нагонял расход немалый,
По пути свернул направо
(Там жила в деревне Клава),
Съездил к теще на блины —
Спишем, мол, за счет войны.
До рассвета прогулявши,
Сел за руль, всю ночь не спавши.
На минутной остановке
Прикорнул на руль головкой,
Спит и видит свою Клаву,
А мотор трещит на славу.
Мы бензин на эти сны
Спишем, мол, за счет войны.
Вот пример другого рода.
На мундштук большая мода
Из кусков пластмассы разной —
Черной, синей, желтой, красной.
В ход идут расчески, стопки,
Туалетные коробки,
Банки, мыльницы, футляры,
Табакерки, портсигары.
В этом тоже нет вины —
Спишем все за счет войны.»*

Нужен тряпочки клочок,
Чтоб сменить воротничок.
Выход найден смел и прост —
У сорочки вырвать «хвост».
В результате очень скоро
Остается только ворот.
Не беда, что нет спины —
Спишем, мол, за счет войны.
Спичку лень ему искать,
Он берет патронов пять,
Потрошит их все на доску,
Поджигает папироской,
Вот и все — пылает печь.
А патроны, что беречь?
Их ведь ящики полны —
Спишем, мол, за счет войны.
Не пора ли попытаться
Все привычки эти, братцы,
Раз они стране вредны,
Нам списать за счет войны?
Ты смотри, в тылу у нас
Не смыкают люди глаз.
Там за каждый за патрон
Отдают свой отдых, сон.
Чтобы сшить бойцу сорочку,
Честно трудятся всю ночь.
Как же смеешь ты порвать
То, что шила чья-то мать,
О сынке своем горюя,
Что на фронте год воюет!
Ведь она слезой омыла,
Для тебя свой сон забыла.
Слушай, друг, и не перечь —
На войне умей беречь!
В этом есть, учили деды,
Тоже, брат, залог победы».

О зиме подумай летом

*Жил (когда и где — забыто)
Беззаботушкин Никита.
Был большой руки неряха,
А на нем была рубаха.
Не рубаха — помело,
Всю на клочья повело.
Сапоги лаптей не краше,
Больше года просят каши,
А штаны такие стали,
Будто их собаки рвали.
Кто ни скажет из друзей:
«Ты штаны-то хоть зашей»,
Он махнет рукой лениво —
На сегодня, мол, терпимо,
А про завтра что тужить,
Прежде надобно дожить.
Наступил мороз трескучий,
Небо все покрыли тучи,
Снег с утра до ночи валит.
Он к сапожнику — тот занят,
Он к другому — тот в ответ:
«Под рукой товара нет».
И пока считал пороги,
Поморозил себе ноги.
Вот и басенки конец.
Ну, а ты, мой друг боец,
Следуй дедовским советам:
О зиме подумай летом.
Все проверь: шинель, ботинки
Не нуждаются ль в починке.
И не жди, пока укажут
Да как следует прикажут.
Я совет полезный дам —
О себе заботься сам.*

Если ты шофер — тем паче,
У тебя сложней задачи.
Не гуляй, брат, без забот,
Почини, проверь капот,
Бак прочисти, карбюратор,
Чисто вымой радиатор.
Помни: накипь — это вред,
От нее немало бед.
Есть пословица такая:
«Делай сани среди мая,
А телегу — в январе».
Встань пораньше на заре,
Все проверь и подгони,
А потом уж отдохни.

О людях незаметных профессий

Потолкуем про ребят,
О которых говорят:
«Работяга беззаветный,
Жаль вот только — незаметный».
Много есть таких на свете,
Например, Чертушкин Петя.
Присмотритесь-ка хоть раз,
Как он трудится для нас.
Дни и ночи напролет
Сапоги нам чинит, шьет.
Всем он близок, всем известен,
Исполнителен и честен.
На передний край придет,
Что сносилось — он заменит.
А случись, что в эту пору
Немец вылезет из норы,
Он берет свою винтовку
И с такою, брат, сноровкой
Гансам пули в лоб вгоняет,
Словно гвозди забивает!

Или вот пример другой.
Оськин есть у нас — портной,
Незаметный тоже вроде.
У него, как на заводе,
Без конца трещит машинка —
Тут пошивка и починка.
Он без усталы портняжит.
Про него, брат, всякий скажет:
«Пусть он трижды незаметный,
Но работник беззаветный!»

Уважайте их, ребята, —
Дело их полезно, свято!

*Чтобы гнать фашиста-гада,
Нам и обувь тоже надо.
Каждым крепким сапогом
Он сражается с врагом,
Каждой новой рукавицей
Бьет по танкам и по фрицам!*

*Всем таким вот незаметным,
Но в работе беззаветным
Поговоркин шлет привет
И желает вам побед!
Об успехах напишите
Адрес мой внизу ищите.*

Про немецкие сводки

Плюньте Геббельсу в глаза —
Скажет: «Божия роса».
То вопил он: «В кригер-блиц
Русь падет пред нами ниц!»
А теперь, когда побит,
Он примерно так вопит:
«Дескать, нынче наша раса
С Украины и с Донбасса
Добровольно, эластично,
Выпрямляя фронт частично,
Из советских городов
Производит без трудов
Переброску своей силы
На осенние квартиры».

Или так: «Мол, в Таганроге
Добровольно (дай бог ноги),
Эластично (смазав пятки),
Планомерно (без оглядки),
Выпрямляя Южный фронт,
В Черном море ищет брод».

Но у немцев эти сводки
Застревают все же в глотке.
Что ни день, то пики, крести
Всюду бьют их, всюду крестят,
И настолько динамично,
Что фашисты эластично,
Получивши пулю в лоб,
Добровольно лезут в гроб.

Про Смекалкина Сашу и Отвагина Пашу

Есть у нас друзья-ребята,
Дружба их прочна и свята,
Дружба — воинской закалки.
Одного зовут Смекалкин —
Средних лет, солдат бывалый,
Расторопный, хитрый малый.
Он на выдумки горазд,
Маху, брат, ни в чем не даст,
Хоть куда он попадет —
Выход все-таки найдет.
А другой — Отвагин Паша —
Тому дьявол сам не страшен,
Молодой еще, безусый,
Смелый парень, светлорусый.
Тот и в воду, и в огонь —
Рвет и мечет, словно конь,
Даже смерти не боится,
День и ночь готов он биться.
Часто разум свой теряет,
Да Смекалкин умирят:
«Не спеши-ка, — скажет друг, —
Ты не торопко, не вдруг!
Прежде надо разобраться,
Как сподручней лучше драться.
Пораскинем головой —
Вот тогда уж смело в бой!»
Друг его слегка позлится,
Но в итоге согласится,
И пойдут на поле боя
Чудеса творить герои.

Вот недавно слышал я,
«Тигра» встретили друзья,

Павел крикнул: «Дай гранаты!»
А Смекалкин: «Стой! Куда ты?
Чистым полем не пройдешь,
Только смерть себе найдешь!»
«Что ж, пропустим, значит, гада?»
«Не спеши, подумать надо.
Видишь, вон снопы стоят,
Смастерим такой наряд,
Будто мы снопы, и баста,
Верно, Паша?» «Верно, Сашка!»
Не прошло минуты, братцы,
Стали вдруг «снопы» швыряться,
В танк гранаты полетели,
Немцы просто обалдели:
«Как же так, снопы воют?» —
И руками голосуют.
А к чему я речь веду?
Да к тому, что на беду
Много есть отважных, смелых,
Но нехитрых, неумелых.
Надо, значит, им учиться
И в бою того добиться,
Чтоб отвага, смелость, сила
Со смекалкою дружила.

Будь суворовским солдатом!

Расскажу я вам, братишки,
Про дела и про делишки
Крикунов и забияк,
Незадачливых вояк.
Дело было, как обычно,
Гитлер крикнул истерично:
«Летом Русь должна бежать,
Немец должен наступать!»
Летом немцы в этом деле
Не одну собаку съели.
«С нами, дескать, плохи игры:
Есть у нас стальные «тигры».
Словом, ясно, этим летом
Русь — капут, капут — Советам.
«Овладеть, — орал благой, —
Всею Курскою дугой!
Заказать мне послезавтра
В Курске ужин или завтрак».
«Нет, постой, — сказали мы, —
Пусть там «тигры» или «львы»,
Все равно получишь в срок
Не дугу, а дышло в бок».
И пошли ломить стеной.
Тут подняли гансы вой:
«Хайль, наш Гитлер, нам капут,
Нас и летом тоже бьют.
Русь бежать никак не хочет,
День и ночь бомбит и строчит,
Наши «тигры», «фердинанды»
Гибнут даже от гранаты.
Русь упряма и нахальна,
Поступает не лояльно.
Ей положено бежать,
А она давай нас жать.

Темной ночью, белым светом
Бьет зимой и также летом,
Нестерпим такой нажим,
День и ночь мы блиц бежим».
Словом, лопнули штанишки.
Провалились их делишки.

Но не думай, друг боец,
Что войне пришел конец.
Враг подбит — он поднял вой,
Но пока еще живой.
Дашь ему лишь отдышаться,
Он опять начнет кусаться.
Нужно жать его и жать,
Быстро, смело наступать.
Как учил еще Суворов
(Многим он умерил норы),
Там, где сам орел могучий
Не пронзал крылами тучи,
Там, не ведая преград,
Русский наш прошел солдат.
Смерть и та поджала хвост,
Как прошел он Чертов мост.
Ты — Суворова потомок.
Будь хитер, вынослив, ловок,
Настигай врага врасплох,
Чтоб бежал, не чуя ног.
Будь суворовским солдатом,
Вот тогда капут им, гадам!

СУД ИДЕТ!

Плакат А. Вязникова

Красноармеец Николай Никитин получил от матери и свояченицы письмо из Вязьмы, где они находились в период немецкой оккупации. В письме женщины писали: «Здравствуй, Коля. Посылают тебе низкий поклон твоя мама и Дуня. Только мы пока остались живы. Феклу (жена), Тоню и Колю (дети) угнали немцы. Коля, у нас много угнали людей, хата твоя сгорела и наша тоже сгорела. Живем в окопе. Коля, у нас в селе Песочня немец согнал в один двор и сжег сто девять человек. Коля, не забудь про нас...»

Письмо это читали все разведчики роты. Оно стало широко известно всей бригаде. Подобные письма вызывали в сердцах бойцов еще более сильную ненависть и звали к отмщению в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

К массованному налету наших самолетов на г. Хельсинки Разговор обитателей хельсинкского бомбоубежища

— Боже мой, кромешный ад!
— Все горит, как на вулкане,
— Бомбы сыпятся, как град!
— Кто бомбит нас, англичане?
— Что вы мелите, мисс Тоби!
Геринг ясно заявил:
Ни одной английской бомбе
Не упасть!

— Он очень мид
— Чьи же сыпятся как бусы,
Так что здесь спасения нет?
Кто ж бомбит нас, разве русом?
— Помолчите, мой совет.
Вы забыли, прошлый год
Гиббелль что сказал тогда—
Что воздушный русский флот
Уничтожен навсегда!
— Чьи ж летают самолеты?

— Почему ж горит кварталом?
— То учебные налеты!
— А пожары?
— И пожары.
— Фруу Гроссман, вы не бойтесь!
— Я впои: спокойна. Ах!
— Что там с вами, успокойтесь.
— У меня учебный страх!
Что-то нет большой охоты
(Холодеет даже лоб)
От учебных самолетов,
Попадать в учебный гроб!

Для неученных слов
Припишу я пару слов.
Подождите, дайте трюк,
Всем „учеба“ блу...

Внеочередной

НА ТАРАН!

Новогодняя встреча

По дороге рыжий, босой
Дранка Гасс белокозый:
В сотый раз во мраке ночи
Подкинул он к небу очи.
Натерла снегом богу,
Со слезой молился богу:
— Боже милый, помоги!
Я ж остался без ноги—
Нет ни валенок, ни бот.
Говорят, под Новый год
Ходят добрый дед-Мороз
У него подарков воз.
Много и не буду брать

Мил-бы валески достать,
Но успел закончить речу,
Самшит голос человеческий:
— Ты по этому вопросу
Обратись-ка к комп-лозу.
Он у нас не дед—Мороз,
Но, поскольку ты замёрз,
Он на первый раз поможет,
Он и мой фрид, быть может,
А пока, мой фрид, будь рад,
Ты на саночном будешь рад,
Прогуляйся в етрад.

Откровенный оратор

Недавно Гиббелль устраивала
встречи населения германских
городов и призывала солдат
точного фронта солдатами
своей армии. Речи прозвучали
под суфлера.
О д н и н а з а м е с т у
павших в результате контузии
оказавшихся глухими на правое ухо.
И вот какой получился его

СОЛДАТ: А часть зарплата
Тагаарот
СУФЛЕР: Нам каждый ч
поёт о сани
СОЛДАТ: Немало нас гив
в Подте
СУФЛЕР: Да будут жить
ни арйские гер
СОЛДАТ: Нам не забыть
воросейские поф
СУФЛЕР: Будь поспетим
го
СОЛДАТ: Бьют нас лет
21

На паран!

Как и где мы фрица били,
уму-разуму учили

Рис. А. Вязникова

В Москве назначил он парад,
Да отрезвил его приклад.
Узнал он русский нрав на деле —
Клыки да клочья полетели.

Рис. А. Вязникова

Фашист полез на Сталинград,
Но там был так в работу взят,
Что с той поры лишь скажут: «Клещи» —
Уж он от ужаса трепещет.

Рис. А. Вязникова

И все ж не впрок пошел урок —
Прельщает фрица наш Восток.
«Хочу владеть, — орет благой, —
Я всею Курскою дугой!»
И получил от нас он в срок,
Но не дугу, а дышло в бок.

Рис. А. Вязникова

Стала мина фрица кислой,
Думал спрятаться за Вислой,
Но не вышло. Что ни час —
Бьют фашиста в бровь и в глаз!

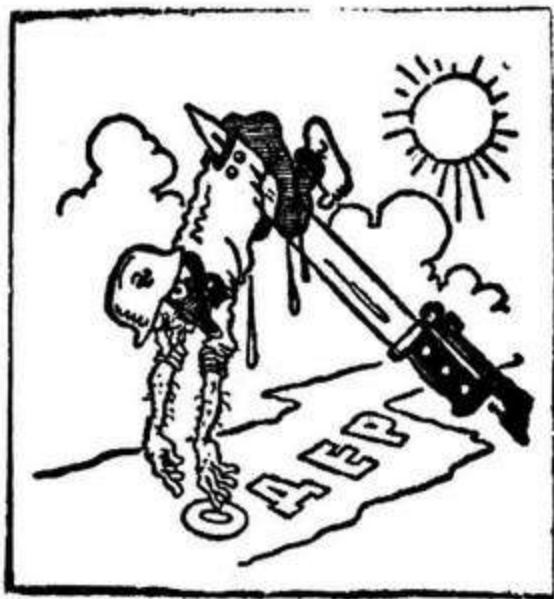

Рис. А. Вязникова

*Вот уж он промокший, тощий
Угодил как кура в ощип.*

Рис. А. Вязникова

*И в Берлине год назад
Превращен был в экспонат
Пригвожденного бандита,
Одного из многих битых.*

Юморески про Антонеску

1941 год

У Антонеску много блеску
И в речах немало треску:
«Мы войной на Русь пойдем,
Украину заберем.
Будет сало, будет мед,
Разевайте шире рот!
Хайль, наш фюрер, хайль, наш бог!»
Лижет Гитлеру сапог,
Льстиво хвостиком виляет
И визжит-то он, и лает.
На подарки щедрый... «Что ж, —
Молвит Гитлер, — пес хорош!
Нам как раз такой и нужен,
Хорошо на лапках служит».

1942 год

С Антонеску пот льет градом —
Горячо под Сталинградом.
У румын не стало блеску,
Лупят их повсюду с треском.
Лижет Гитлеру сапог
Антонеску, умоляя:
«Я в России погибаю;
Помоги мне хоть немного
Ради дружбы, ради бога».
«Прочь пошел, паршивый пес!» —
Рявкнул Гитлер, пнувши в нос
Антонеску, как щенка.
Дослужился до пинка.

1944 год

*В мыльной пене Антонеску
Совершает «драпонеску»,
Не спасла собачья лесть,
Полетела в клочья шерсть,
Нос в крови, обципан хвост,
Растерял свой блеск, прохвост.
Не до сала, не до жиру —
Уцелеть бы только живу!*

26 августа 1944 года

*О чужом добре мечтал,
Да в тюрьму, прохвост, попал.
И теперь его не мед,
А веревка с мылом ждет.
Час пришел его расплаты,
Арестантские халаты
Мы найдем для всей их своры
Вместе с главным обер-вором,
Что пока еще живой
За берлинскую стеной.*

*Но придет ему пора,
Не спасет его нора.
По порядку будут биты
Все фашистские бандиты.
Все, как есть, по алфавиту:
Антонеску и Бенитто,
Все участники «виши»,
А затем подряд пиши:
Гитлер, Геринг, Гиммлер, Гесс,
Гebbельс — тощий, шуплый бес...
Всех их ждет давно уж смерть,
Всем в одной петле висеть.*

«А в общем все благополучно!»

(Популярная песенка)

«Ну как у нас дела идут?» —
Спросил холопов Гитлер звучно.
С ответом Геббельс тут как тут:
«О! Все вполне благополучно!»

Вот только сдали Таганрог —
Там жить зимою несподручно,
Живым уйти никто не смог,
А в общем все благополучно.

Под Курском «тигров» наших били
Всех оптом, в розницу — поштучно —
Дивизий дюжину разбили,
А в общем все благополучно.

По сотням сел сдаем мы враз —
Там слишком пасмурно и скучно,
Недавно сдали весь Донбасс,
А в общем все благополучно.

Вся ось рассыпалась по швам,
И Дуче — друг ваш неразлучный —
В отставку выброшен, как хлам,
А в общем все благополучно.

С лица земли нас всех сотрут,
Уже доказано научно,
Тебе и мне пришел капут...
А в общем все благополучно».

Дружеские эпиграммы

Старшему лейтенанту ПОЛИВОДЕ

*Вот герой наш Поливода —
У него такая мода:
Как подпустит танков ряд,
Залпом грянет — все горят!*

Гвардии лейтенанту КАЗЬМИНУ

*Лейтенант Казьмин хитер,
И глазок его остер —
Где заметил — «тигру» враз
Наступает смертный час!*

Гвардии лейтенанту КАБАНОВУ

*Наш Кабанов — молодец!
Он фашистов, как овец,
Сгонит всех в табун один,
Проутюжит — сразу блин!*

Гвардии лейтенанту САВИЦКОМУ

*У Савицкого забота —
Наступил сезон «охоты».
По тылам врага шныряет,
Зверя мелкого стреляет.
Пара ног, но зверь — не птица,
Называется он фрицем.*

Мастер танковой утюжки

(Дружеский шарж)

Герой Советского Союза Георгий Петровский неоднократно врезался во вражеские колонны и утюжил немцев гусеницами своей грозной машины.

Резал на линолеуме В. Желтов

*Вот Петровский — наш герой —
Неплохой танкист-«портной».
Он врагам всегда услужит —
Прострочит и проутюжит.*

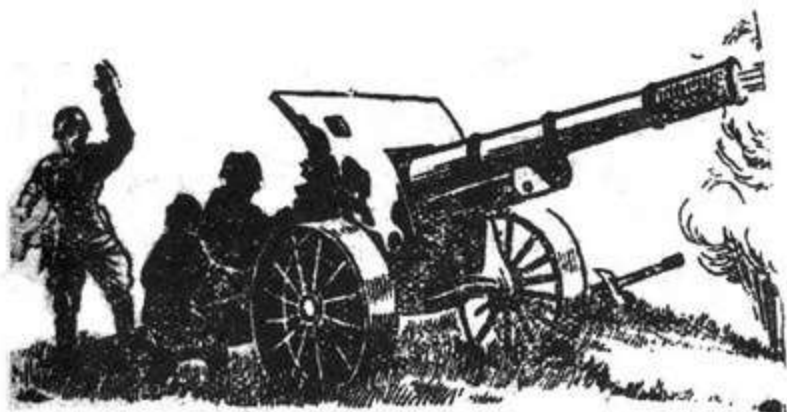
Наши военкоры

*Вот вам наши военкоры,
Что громят фашистов своры.
Их «заметки» необычны
И по стилю все отличны.
«Строки» писаны свинцом
И снарядом-молодцом.*

Стрелковая «заметка»

*Вот таджик Юнус Юсупов
Счет ведет фашистским трупам.
У него, что ни «заметка» —
То без промаха и метко!
Как прошьет «строкой» свинцовой —
У врага могил ряд новый.*

Разгромная артиллерийская «статья»

*Вот Азарова бойцы,
Военкоры — молодцы,
Пишут ливнями снарядов.
И для всех арийских гадов
Их статьи страшнее жал —
Как прочел, так мертвым стал!*

Танковый «двухполосный разворот»

*Вот Гинтовта экипаж.
Как войдет в «газетный» разж,
И пойдет «писать» броней —
Не заметкой, не статьей —
Сразу целым разворотом,
Прошибает немцев потом.
Погоняв их по песочку,
Гусеницей ставит «точку».*

Сидит битый Дуче на навозной куче

(К дню «авиации и империи» Италии)

Рис. А. Вязникова

Рис. Б. Ефимова

Великая ГерМАНИЯ

*Зачем он грабит, убивает?
Затем, что зверь и что мечтает
В своей безумной мании
Об этойкой ГерМАНИИ.*

Плакат А. Вязникова

*На нем кровавые следы.
Убить его обязан ты,
Как сын, чью мать убил злодей,
И как отец замученных детей!*

Рис. А. Вязникова

С каждым днем их бьют все хлеще,
Что ни бой — «мешок» да «клещи».

Шли на нас они с мечом
За пшеничным калачом,
За чужими пирогами —
А удирают с синяками.

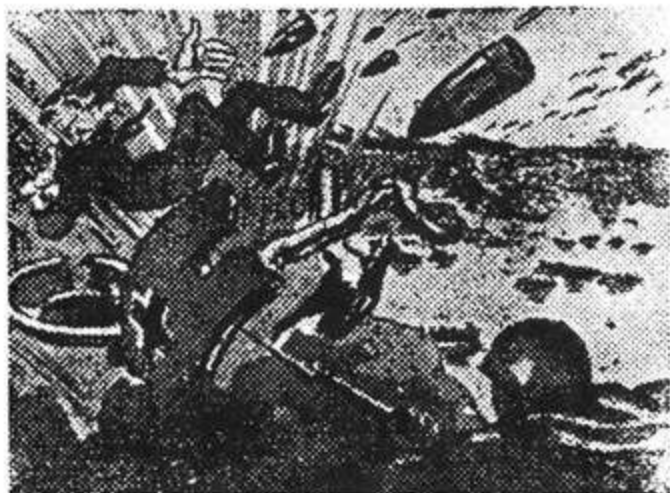

Рис. А. Вязникова

*Наступал с тигриным рыком,
Отступая, стал он пшиком.*

По заслугам

*Для подобных «пташек» вражых
Наш обычай очень прост:
Как заметили — сейчас же
Бьем и в гриву, бьем и в хвост.*

Понапрасну пот он льет,
смерть его везде найдет!

Рис. А. Вязникова

— Что он бежит на месте,
Словно черт, застрявший в тесте?
— Это наш виднейший маршал
Вновь готовится к драпмаршам.

Им качают храбрый дух,
а от них летит лишь пух

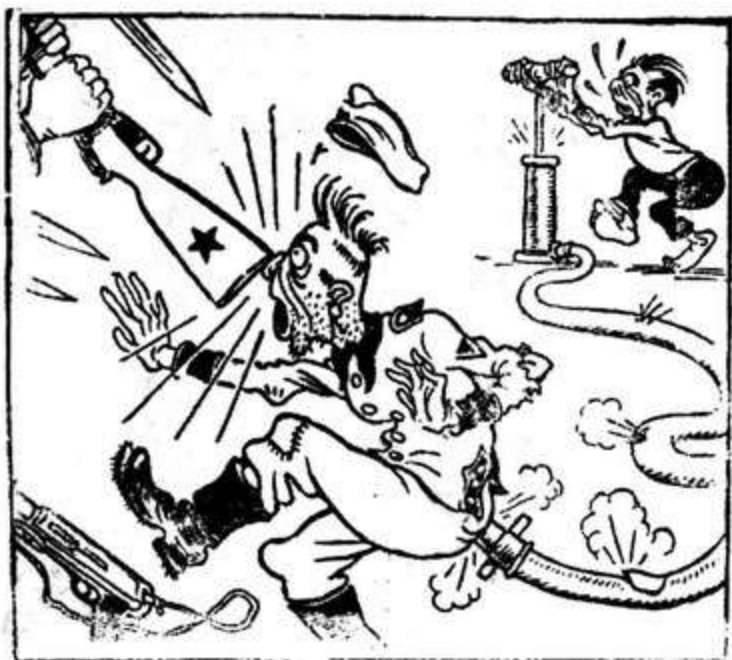

Рис. А. Вязникова

Гейббельс вновь призвал «тотальных»:
Всех калек и ненормальных.
Всем, кто стар и слеп, и глух,
Накачал он «храбрый дух».

Только наш приклад советский
Так по роже бьет немецкой,
Что весь дух обратно прет,
Даже шланг с напору рвет.

Вместо сала — разорвало

Рис. А. Вязникова

Захотелось салом фрицу
В нашем крае поживиться,
Да пришлось остаткам фрица
Выметаться за границу.

Показала Русь, где сало...
Вишь, как фрица раскромсало,
Даже, братцы, оторвало
То, на чем сидел, бывало.

Ослы и сено

Как-то раз в один налет
Вдруг английский самолет,
Над Берлином сделав крюк,
Сбросил сена добрый тюк.
Весь Берлин застыл в вопросе:
«Почему он сено сбросил?»
Собрался тотчас совет,
Но решенья нет и нет!
Вдруг среди унылых поз
Появился Швейкин нос.
И сказал герой наш браво:
«Сено сбросили нам, право,
Для ослов, что верят бреду,
Все ж надеясь на победу».

Телефонный разговор Геббельса с Гитлером

Февраль 1943 года

ГЕББЕЛЬС: «Дайте фюрера! Алло!
Нам слегка не повезло,
Беды сыплются, как град:
Русы взяли Сталинград,
Два миллиона в битвах пали,
Триста тысяч в плен попали.
Как бы это, так сказать,
Нам повыгодней назвать?»
ГИТЛЕР: «Называй, не будь вороной,
«эластичной обороной».

Июль 1943 года

ГЕББЕЛЬС: «Дайте фюрера! Алло!
Нам опять не повезло.

*Нас под Курскую дугой
Бьют и летом, как зимой!
Как бы это, так сказать,
Нам повыгодней назвать?»*
ГИТЛЕР: *«Что тут думать, обормот?
Выпрямляем Курский фронт».*

Ноябрь 1943 года

ГЕББЕЛЬС: *«Дайте фюрера! Алло!
Все пропало, как назло,
Нам с Днепра пришлось удрать.
Как же это мне назвать?»*

ГИТЛЕР: *«Просто — климат Приднестровья
Не полезен для здоровья!»*

ГЕББЕЛЬС: *«Скоро ж русы к нам придут,
Что ж тогда?»*

ГИТЛЕР: *«Ну-ну, довольно!
Скажешь: фюрер добровольно
Приобрел себе капут».*

Телефонный разговор Гитлера с командующим германскими войсками в Южной Франции

(К высадке союзных войск в Южной Франции)

ГИТЛЕР: *«Алло, алло! Какие вести?
Успехи есть ли, генерал?
Как южный фронт, на том ли месте?
Давно я в Ницце не бывал».*

ГЕНЕРАЛ: *«Все хорошо, мой фюрер ненаглядный,
Все хорошо и жизнь легка,
Дела у нас вполне отрадны
За исключением пустяка:*

Тут самолет американцев
Пытался в Ницце приземляться,
А в остальном, мой фюрер ненаглядный,
Все хорошо, все хорошо!»

ГИТЛЕР: «Алло, алло! Скажи мне толком,
Он приземлился или нет?
От них уж я, брат, вою волком,
Не выхожу на белый свет».

ГЕНЕРАЛ: «Все хорошо, мой фюрер ненаглядный.
Он приземлился не один,
Во мраке ночи непроглядной
С ним села тысяча машин.
А в них войска десантной части
С вооружением разной масти,
А в остальном, мой фюрер ненаглядный,
Все хорошо, все хорошо!»

ГИТЛЕР: «Алло, алло! Какое горе!
Я вне себя—опять удар.
Скажи скорей, как берег моря:
Ты отдал им иль удержал?»

ГЕНЕРАЛ: «Все хорошо, мой фюрер ненаглядный,
И я бы берег не отдал,
Но кораблей их караваны
Все шли и шли за валом вал.
И как открыли все пальбу —
Глаза у всех у нас на лбу.
Снаряды сыплются, как град,
Куда ни глянь — кромешный ад.
Затем, как начали бомбить
Да пулеметами строчить,
Земля взметнулась в небеса,
Поднялись дыбом волоса.
В порту не сыщешь и доски,
От всех солдат — одни куски,
А в остальном, мой фюрер ненаглядный,
Все хорошо, все хорошо!..»

Разговор обитателей хельсинкского бомбоубежища

(К массированному налету наших
самолетов на г. Хельсинки)

- Боже мой, кромешный ад!
Все горит, как на вулкане!
Бомбы сыплются, как град,
Кто бомбит нас, англичане?
— Что вы мелите, мисс Тоби!
Геринг ясно заявил:
«Ни одной английской бомбе
Не упасть!» — Он очень мил,
Чьи же сыплются, как бусы,
Так что здесь спасенья нет?
Кто ж бомбит нас, разве русы?
— Помолчите, мой совет.
Вы забыли прошлый год.
Гebbельс что сказал тогда?
Что воздушный русский флот
Уничтожен навсегда!
— Чьи ж летают самолеты,
Почему горят кварталы?
— То учебные налеты!
— А пожары?
— И пожары.
— Фрау Гроссман, вы не бойтесь.
— Я вполне спокойна. Ах!
— Что там с вами, успокойтесь.
— У меня учебный страх!
Что-то нет большой охоты
(Холодеет даже лоб)
От учебных самолетов
Попадать в учебный гроб!

Внеочередной дачный сезон в Хельсинки

Рис. А. Вязникова

Для неученых ослов
Припишу я пару слов.
Подождите, дайте срок,
Всем «учеба» будет впрок.

Рис. А. Вязникова

Неудачные «курортники»

(К освобождению Крыма)

Ноябрь 1943 года

ДИТМАР: «Как составить нынче сводку?
С югом что-то не клеится!»

ГИТЛЕР: «Не дери напрасно глотку,
Напиши: «В Крыму арийцы
Отдыхают без забот,
Там для них сплошной курорт!»

Апрель 1944 года

ДИТМАР: «Как же с Крымом?
Вновь скандал!
В результате трех атак
Все легли, никто не встал.
Что ж писать?»

ГИТЛЕР: «Пиши, дурак,
Жирным шрифтом с новой строчки:
«Загорают на песочке!»

9 мая 1944 года

ДИТМАР: «Нас в Крыму постигло горе:
Русы стали наступать
И спихнули наших в море!
Что ж прикажешь написать?»

ГИТЛЕР: «Что там в панику бросаться:
«Захотели искупаться!»

10 мая 1944 года

ДИТМАР: «Что же, фюрер, Крыма нет.
А солдат на дне лишь сыщешь.
Что писать, подай совет?»

ГИТЛЕР: «Так, дружище, и напишешь:
«Превосходно б отдохнули,
Если б в море не спихнули!»

«...Красная Армия прошла с боями от Волги до Серета, от предгорий Кавказа до Карпат, истребляя вражескую нечисть и выметая ее с советской земли».

(Из приказа Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина)

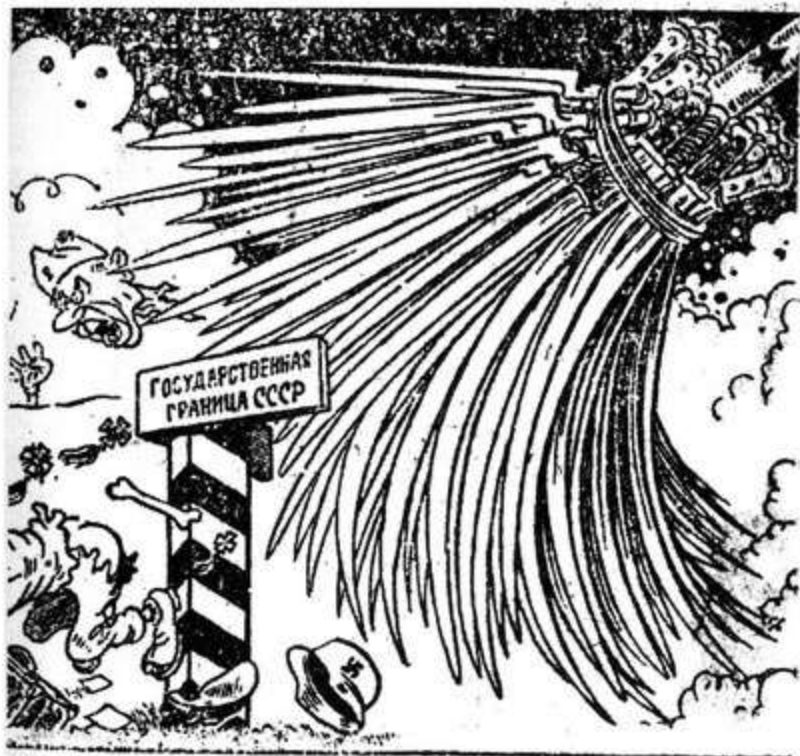

Рис. А. Вязникова

Сколько раз мы говорили,
Чтобы «гости» не сорили.
Мы на Родине своей
Не потерпим сор, ей-ей!
Есть у нас метла такая
И колючая, и злая,
Коль метет — пощады нет,
Выметает на тот свет.
Даже тех, кто изловчится
За границей где-то скрыться,
Всех она везде найдет,
Коль взялась, так подметет!

Тотально-скандально-провальная мобилизация в Германии

Рис. А. Вязникова

«Немцы рассчитывали выправить положение на фронте при помощи «тотальной» мобилизации».
И. Сталин

*Средь берлинских пап и мам
День и ночь и шум, и гам.
Плачут все, скрививши лица,
Что ж такое, мол, творится?
Что же это в самом деле —
Все пеленки опустели!
Лишь дитя распеленают —
По «тотальной» забирают,
Чуть подрос он на вершок,
За штаны — и бух, в мешок.*

Новая Германия в преисподней

*В пекле ругань, шум и драки.
Кроют все «отборными».
Прут немецкие вояки
Целыми колоннами.*

*Все из Крыма прямо в ад,
Сатана в припадке.
«Установим, — говорят, —
Новые порядки».*

*Всех чертей огрели плетью,
Фараонов — палкой,
Изнасиловали ведьму,
Увлеклись свалкой.*

*Ранцы тряпками набили,
Хлам стаскали грудой,
Сковородки растащили,
Пьянствуют с Иудой.*

*Меж собой ведут подсчеты
Шишек, синяков
И горланят: «Прочь заботы,
Нынче лозунг наш таков:*

*«Если Крым для нас сегодня
Отошел в придание,
Создадим же в преисподней
Новую Германию!»*

Рис. А. Вязникова

Так купался он в Днепре,
Так купается в Днестре.
И теперь уж очень скоро
Мы заставим его, вора,
Как уж там он ни скули,
Плавать в собственной крови.

Рис. А. Вязникова

Мораль для волков

(К вопросу о советско-финских отношениях)

*Пытался жадный финский волк
В овчарне русской поживиться,
Но видя, что не выйдет толк,
Решил на хитрость он пуститься.*

*«Я вовсе, дескать, ни при чем.
Меня, мол, просто натравили,
И я прошу вас лишь о том,
Чтоб вы меня домой пустили».*

*«Ну что ж, домой тебя отпустим мы,
Но только так у нас ведется,
Чтоб вновь не вздумал рыскать ты,
Клыки тебе спилить придется».*

«Зачем пилить, — захныкал волк, —
А чем же буду я кусаться?»
«Вот в том-то, братец, весь и толк,
Что честным ты не можешь стать!»

Сказал боец: «Не лебези,
Ты смерти час своей просрочил!»
И в брюхо штык ему вонзив,
Такой моралью речь закончил:
«Ты, братец мой, хитер и сер,
Да знай, что я — СССР!»

Новогодняя встреча

По дороге рваный, босый
Драпал Ганс беловолосый.
В сотый раз во мраке ночи
Поднимал он к небу очи.
Натирая снегом ногу,
Со слезой молился богу:
«Боже милый, помоги!
Я ж останусь без ноги —
Нет ни валенок, ни бот.
Говорят, под Новый год
Ходит добрый Дед Мороз,
У него подарков воз.
Много я не буду брать,
Мне бы валенки достать».
Не успел закончить речи,
Слышит голос человеческий:
«Ты по этому вопросу
Обратись-ка к помпохозу.
Он у нас не Дед Мороз,
Но, поскольку ты замерз,
Он на первый раз поможет.

*А пока, мой фриц, быть может,
Ты не слишком будешь рад,
Прогуляемся в отряд».*

Откровенный оратор

Недавно Геббельс устраивал встречи населения германских городов с прибывшими с Восточного фронта солдатами своей армии. Речи произносились под суфлера. Один из выступавших в результате контузии оказался глухим на правое ухо. И вот какой получилась его речь.

СУФЛЕР: «Где наша раса — там изобилье».

СОЛДАТ: «Я из Донбасса, там наших разбили».

СУФЛЕР: «Где наш фюрер, там и бог».

СОЛДАТ: «Кто не умер, тот без ног».

СУФЛЕР: «Нам открыты все дороги».

СОЛДАТ: «А часть зарыта в Таганроге».

СУФЛЕР: «Нам каждый час поет о славе».

СОЛДАТ: «Немало нас гниет в Полтаве».

СУФЛЕР: «Да будут жить наши арийские герои!»

СОЛДАТ: «Нам не забыть новороссийские бою».

СУФЛЕР: «Будь воспетым, наш герой!»

СОЛДАТ: «Бьют нас летом и зимой!»

СУФЛЕР: «Над нами розы расцветут».

СОЛДАТ: «Уже морозы — нам капут».

Шел он жрать у нас свинину, получил же дышло в спину!

Два наших танкиста — гвардии лейтенант Петровский и гвардии младший лейтенант Угловский разгромили немецкую автоколонну. В одной из раздавленных ими машин был обнаружен офицер, занимавший, как видно, весьма высокий пост в немецкой грабь-армии. Гвардии рядовой Таранов рассказал нам его биографию.

*Он прошел по многим странам,
Днем он грабил, убивал,
Ночь кутил по ресторанам,
Пил коньяк, индюшек жрал.*

*Но мечтал не первый год
Он попасть на Украину:
Там зажиточный народ,
Можно с медом есть свинину.*

*Спешно выучил по-русски
Пару самых нужных фраз:
«Матка, яйки, курки, гуски!
Мы повесить будем вас!»*

*И под самый Новый год,
Наконец сбылась мечта:
Он попал на русский фронт,
Но мечта — увы, не та!*

*Не успел он поживиться
И отведать мед и квас,
Как ударили по фрицам
Сотни пушек наших враз.*

*Подхватился тут вояка,
Жмет педаль на полный газ,
И теперь уж забияка
Учит пару новых фраз:*

*«Русь, сдаюсь, мой хочет в плен».
Только поздно догадался:
Танк берет направо крен,
И от Ганса пшик остался.*

Письмо в стиле Геббельса

*«Здравствуй, крошка моя Тонни,
В новом изданном законе
Геббельс пишет, что арийцам
Должно только веселиться.*

*И теперь мы дни и ночи
Веселимся, что есть мочи.
У меня большое счастье:
Скоро зимнее ненастье,*

*Скоро должен был гадать,
Где тут лапти, что ль, достать.
А теперь избавил бог,
Ибо я давно без ног.*

*И весьма тому доволен,
Что от лишних ног уволен.
Правда, здесь еще вначале
Немцев ноги выручали.*

*А сейчас нам важно, Тонни,
В «эластичной обороне»*

*Только руки сохранять,
Чтоб их вовремя поднять.*

*Ну прощай же, ангел мой,
Остаюсь до гроба твой».*

*Пленный некогда тобой, а ныне
собирающийся в плен к русским, Ганс.*

Сводка из кольца

(К событиям севернее Звенигородка)

*Срочно фюреру в Берлин:
«Фронт имеет форму «блин».
Закрепляемся в болоте,
Отвожу по кочке роте.
Зимовать решили тут.
Верный вам барон Капут».*

Что такое «туго-туго»?

(Диалог в районе Луги)

- Что такое «туго-туго»?*
- Когда русы полукругом.*
- Ну, а что же есть «капут»?*
- Когда русы круг замкнут!*

Ясно без компаса

(К событиям севернее Звенигородка)

- ОФИЦЕР:** «Где ваш компас, ефрейтор Шульц?»
ЕФРЕЙТОР: «Я его потерял, господин обер-лейтенант».
- ОФИЦЕР:** «Как же мы теперь будем ориентироваться без компаса?»
ЕФРЕЙТОР: «Я уже прекрасно сориентировался без него».
- ОФИЦЕР:** «Тогда скажите, что у нас справа?»
ЕФРЕЙТОР: «Советские пушки, господин обер-лейтенант».
- ОФИЦЕР:** «Болван! А слева?»
ЕФРЕЙТОР: «Русские автоматчики!»
- ОФИЦЕР:** «Вперед?»
ЕФРЕЙТОР: «Советские танки».
- ОФИЦЕР:** «Сзади?»
ЕФРЕЙТОР: «Русские минометы».
- ОФИЦЕР:** «Идиот!»
ЕФРЕЙТОР: «Осмелюсь добавить, что сверху, господин обер-лейтенант, советские бомбы, а снизу та самая советская земля, в которую нас очень скоро зарюют!»

Картинки из фронтовой жизни гансов

Выпрямляли фронта дуги...

По пути купались в Луге

Блестящие перспективы

*Гитлер Геббельса позвал
И сердито приказал:
«Доложи, брехун, мне толком,
Как дела у нас с Востоком?»
Тот любезно улыбнулся,
В три погибели согнулся
И с ужимкой подхалима
Доложил певуче мило:
«О, мой фюрер, все прекрасно.
Вы волнуетесь напрасно,
Не печальте ваши очи,
Что ни день, то фронт короче.
Я клянусь, что очень скоро
Он у нашего забора
Будет весь как на ладони.
Нас повесят на балконе.
Будем мы с тобой болтаться,
Нашим фронтом любоваться».*

К взятию нашими войсками
городов Кингисеппа и Тосно

Гитлеру кингисеппится и Тосно.

Рис. А. Вязникова

Боров-Геринг перед вами.
Весь увешался крестами
Всех сортов и всех мастей.
Ждет еще награда вора —
Он получит очень скоро
Крест из собственных костей.

Рис. А. Вязникова

*Призывает немок Лей
Быть полезней и скромней.
Сморщив нос, дает совет,
Что навоз вкусней конфет,
Что стране всего нужней
Заменители мужей,
Что породистый битюг
Неплохой эрзац-супруг.*

Рис. А. Вязникова

*Дитмар — радиодиктатор —
Заменяет инкубатор:
За каких-нибудь полсуток
Он выводит сотни «уток»,
Распускает их в эфир
И враньем смешит весь мир.*

Рис. А. Вязникова

«За последние дни из Румынии бежало большое количество чиновников».

(Из газет)

*Дрожь берет румынских слуг,
Истощился храбрый дух.
Русских «в гости» ожидают
И украдкою мечтают
О таком вот самодрапе:
Сел верхом — и дело в шляпе!*

Рис. А. Вязникова

*Кар, кар! Просто ад!
Сколько их среди Карпат!
Ну, не горе ль, не досада ль,
Опоганили всю падаль.*

Контрастные впечатления

(Разговор между немцами)

- Вам довелось в России встречать и Рождество, и Пасху? Какие у вас остались впечатления?
- На Рождество мне было жарко, а на Пасху холодно.
- Почему? Разве в русском климате наблюдаются такие контрастные изменения?
- Нет, у русских страшная артиллерия!

Случай на реке Нарве

*Вечер был. Сверкали звезды.
Луч луны на льду играл.
Немец, в прорубе скрываясь,
Посинел и весь дрожал.*

*«Боже! — молвил он в испуге, —
Как от русских убежать?
Сколько можно здесь купаться
И от холода дрожать?»*

*Осмотрелся Ганс трусливо
И пополз по льду ужом,
Но советский автоматчик
Угостил его свинцом.*

*Да по-русски, по-гвардейски
Так согрел его ладом,
Что решил тот немец снова
Прохладиться подо льдом.*

Пятое время года

*Однажды главный фюрер банды
Позвал министра пропаганды
И в диком гневе завопил:
«Ты в сорок первом объявил,
Что наступать мы будем летом,
Затем клялся пред белым светом,
Что победим мы Русь зимой.
Смени пластинку, братец мой.
Прошло немало зим и лет,
А на фронтах успеха нет.
Так ты сули успех весной».*

*«Прости меня, владыка мой,
Но о весне я речь уж вел».
«Давно тебя я не порол!
Сошлись на осень, коли так!»
«Уже ссылался!» «Тьфу, дурак!
Нет в мире большего уroda!
Коль все четыре время года
Ты растранижил, братец, враз,
Придумай пятое тотчас!»*

Майские частушки

*Заряжайте, братцы, пушки,
Грянем майские частушки.
Так сыграем на гармошке,
Чтобы фриц откинул ножки.*

*Вперемежку с перебором
Пропоем фашисту хором:
«Не забудь ты этот май,
Салом пятки натирай».*

*Пулей, миной — чем пришлось,
Весели врага до слез,
Припевая: «Знай же, знай,
С чем едят советский май!»*

*Шел ты к нам на Украину
Кушать жирную свинину.
Так запомни ж этот май,
Штык под ребра получай!»*

*Берлин. 2 мая 1945г.
Фото И. Кривцовых*

*Победные дни 1945 года. Художник А. Вязников
(с пистолетом в руке) на здании поверженного Рейхстага*

Иван Броня ведет беседу

Множь счета своих побед!

Лихой танкист Иван Броня — гроза врагам, бойцам — родня. Лет двадцать пять ему от роду, но он прошел огонь и воду. На вид он парень коренастый. Под шлем запрятан чуб вихрастый. Он чуткий друг в беде и в горе, мастак изрядный в разговоре. А служит он с тобою вместе. И тот, кто стал достоин чести, кто в битве смелость проявил, кто вражьи танки ловко бил — о том Иван Броня повсюду расскажет воинскому люду.

Придет во взвод или роту, скажем, молвит слово с экипажем. А там, глядишь, к его беседе примкнут тотчас друзья, соседи, и тут пойдет такой галдеж, что их водой не разольешь! На днях он как-то был у нас и вот какой повел рассказ.

«Вот смотрю я на друзей и гордой радости моей нет предела, нет конца за товарища бойца. В честь победы нашей новой прогремел салют громовый. И у Сталина не выли благодарность заслужили? Ну, а что для нас быть может похвалы его дороже? Коль тебя похвалит Сталин — значит, ты навек прославлен, значит, ты умеешь биться. Вся

страна тобой гордится! И скажу я: вы по праву заслужили эту славу. Среди вас немало смелых, и отважных, и умелых. Ну, а кто отважен, ловок да к тому ж хитер и зорок, — тот становится, ей-ей, раза в три себя сильнее!

Вот, к примеру вам, Петровский. Он с напарником Угловским наскочил на днях с разгону на фашистскую колонну. А в колонне, не шути, пушек больше десяти. «Тигры» где-то рыщут — слышно, солдатни две сотни с лишним да машин незнамо сколько, а у них два танка только. Тут тягаться глупо вроде, да пословица в народе говорит, что лев силен, а ловец хитер, умен!

Поразмыслили ребятки: коль пугнуть — так смажут пятки. Танк на панику помножить — можно десять уничтожить! Подошли к деревне тихо и пошли утюжить лихо. Пока немцы проморгались, двух третей недосчитались: гансов сотни полторы да машин десятка три, плюс к тому десяток пушек — наломали, словом, сушек.

Вот облава так облава, и ловцам хвала и слава! Немца мало только гнать — нужно бить и истреблять. Враг от смерти увернется, с новой силой соберется. Не давай врагу уйти — отрезай ему пути! Бей снарядам, жги огнем — неустанно: ночью, днем. Множь счета своих побед — вот твой Родине ответ!»

БЕЙ ФАШИСТОВ ПО-ГВАРДЕЙСКИ!

Сталина приказ — это Родины наказ

Слово Сталина — наш стяг. С ним бойцу не страшен враг! Священной всех оно законов. В нем — думы, воля миллионов, бойцу наказ страны родной. Ведет то слово в грозный бой стальные русские войска. Победа с ним всегда близка. Ты слышишь, воин, это слово. В нем отмечает Сталин снова твои бессмертные дела. Немало извергов смела стальная армия страны за этот год в огне войны. Зарей победы занялся над нами дымный небосклон, и враг несется под уклон. И уж теперь любому ясно, что враг отныне, ежечасно все ближе мчится к катастрофе. И не кричит, что будет кофе он с русским медом распивать (как видно, стало не под стать). И не случайно к нам на фронт он шлет один «тотальный» сброд.

Уже близка победа, братцы, но нам не стоит зазнаваться. Хоть враг подстрелен, но живой, и близкий крах предвидя свой, он, словно смертник обреченный, как зверь безумный, разъяренный, цепляться рад за каждый пень затем лишь только, чтоб на день отсрочить свой расплаты час, и потому-то он сейчас, чем будет крах его яснее, тем огрызаться будет злее и будет рыскать, как шакал. В приказе Сталин нам сказал, что не велось на ратном поле, когда б враги по доброй воле вдруг в пропасть вздумали бросаться.

Того, мой друг, не может статься. Ты сам их к пропасти сгони и в эту пропасть всех столкни.

Упрямый враг ежом свернется, и биться нам тогда придется во много раз еще упорней, в сраженьях быть хитрей, проворней. Так вести умело бой, как Орехов — наш герой, как Петровский и Замула, чтобы каждой пушки дуло упиралось немцам в спину, посылать за миной мину, поливать дождем снарядов крестоносных, черных гадов. Не давать фашистам спуска, как положено по-русски, по статьям гвардейских правил. Сталин нас в пример поставил и приказ такой нам дал: чтобы каждый воин стал ратным мастером в бою, чтобы выучку свою непрестанно повышал, в дисциплине не плошал, выполнял приказы свято — с честью русского солдата. Чтобы он свой танк или пушку, трехлинейную подружку, знал не хуже, чем себя, и ухаживал любя, чтоб в бою не подводила, безотказно, метко била. Чтоб от техники нам взять все, что может она дать. Чтоб имел боец сноровку разгадать врага уловку, чтобы знал его повадки, где, на что фашисты падки, чтобы опыт всех героев каждый день он множил втрое, чтоб упорнее учился, чтоб потел, а не ленился. Сталина приказ — это Родины наказ, это долг наш, братцы, честь. Так ответим же все: «Есть»! И немедленно, умело воплотим приказ мы в дело!

Мсти немцу!

Идя с врагом на смертный бой, прильни, боец, к земле родной. Ты слышишь тяжкое дыханье — земля хранит, мой друг, страдания живьем замученных семей, седых отцов и матерей. Не видел русский человек, не знал того за целый век, когда бы девушек публично для гнусной похоти циничной под хохот банды раздевали, кинжалом груди вырезали, лишали их ушей и глаз, затем водили напоказ, когда б людей в плуга впрягали, грудных детей в огонь бросали!

Смотри, сиротки все в слезах идут с котомкою в руках. То Нина с Валею Колосковы. Судьба горька их и сурова. Их щечки залиты слезой, их руки тянутся с мольбой к тебе, защитник-избавитель. Ворвался немец к ним в обитель и крикнул грубо: «Матка, ком!» Угнавши мать, спалил их дом. И вот их строки пред тобой, своею детскою рукой их нацарапала Валюша. Присядь поближе и послушай: «Мой милый, родненький боец! Не знаем мы, где наш отец. Избавь от горя нас и сраму, верни, пожалуйста, нам маму!»

И сколько их таких на свете! Среди них твои, быть может, дети; твой сын-малютка или дочь, которых ты качал всю ночь, ласкал их локоны рукой; ты не щадил свой сон, покой; ты их любил отцовскою страстью; любя, не знал пределов счастью! Не для того ты их растил, чтоб враг их по миру пустил!

Ты проезжал и проходил по тем местам, где немец был. От изб ты видел только трубы. Не раз кусал от гнева губы. Все то, что строилось веками с любовью честными ру-

ками, быть может, прадедов, отцов, руками мерзких подлецов теперь разрушено, разбито. Добро, что прожитым нажито, ужель дозволишь растащить? И долго ль будет еще быть в руках фашистов плеть витая?

Иди вперед, преград не зная! Спеша на выручку туда, где без законов, без суда невинных граждан истязают!

И пусть враги твой гнев узнают. Убей бандита-палача! Штыком, прикладом бей сплеча! Сто сот смертей за смерть одну. Стократ возмездие врагу!

Встретим немца-подлеца жгучей лавою свинца!

Завернем-ка козыи ножки, побеседуем немножко о делах насущных наших. Ничего нет в мире краше теплой дружеской беседы.

Посмотри, кругом победы! Что ни день, то вновь салют, там и сям фашиста бьют! Бьют, как следует — на славу!

Своим воином по праву может Родина гордиться. Кто еще умеет биться так, как русский наш солдат?

Вот, к примеру вам, отряд был в засаде у дороги, за большим бугром отлогим. Видят, прямо к ним со склона вражья движется колонна. В ней машин так с полтора — ну, такой улов нечасто. Прямо к самой батарее сами катятся «трофеи», словно с неба в рот галушки. Навели ребятки пушки — не беда, что нас, мол, мало, где, когда у нас бывало, чтобы в битвах мы робели? Встретим немца-подлеца жгучей лавою свинца!

И давай врага крошить, как умеют только бить наши русские герои.

Немцев было больше втрое. Но Финаева бойцы, как один, брат, молодцы! У Цагурия не хуже — и на вид плечисты, дюжи и дерутся, словно львы, не жалея головы — поглядишь, так дашься диву.

«Бей фашистов в хвост и в гриву!» — раздалась команда громко. Залп, другой — у немцев пробка. Заметались по дороге, кто куда, брат, дай бог ноги! Улизнуть живьем пытались, да, столпившись, растерялись, а финаевцы в тот миг в рукопашную на них (такова уж наша хватка).

Целый час кипела схватка. И полсотни храбрецов, славных, доблестных бойцов всех фашистов перебили, а машины захватили.

Всем вот так же нужно драться и в сраженьях добиваться вновь невиданных побед — вот наш Стаяину ответ!

Хорошо вы немца били. Благодарность заслужили, но скажу я, братцы, вам, что таким, как вы, орлам зазнаваться не под стать, а под стать вам клятву дать, что в ответ на честь такую свою хватку боевую мы еще помножим на сто! Там, где мы, там немцу «баста»! Там ему пощады нет — вот гвардейский наш ответ!

Громи врагов, как Рясный иль как Мадьяров, стоек будь!

Садись, дружище, у костра. Беседа — верная сестра — в любой мороз друзей согреет, тоску и горе — все развеет. И кто тебе был

незнаком, в беседе станет земляком. Давно ль, недавно ль в части служит, беседа всех сведет и сдружит. И пусть ты — Петр, а он — Семен, таких солдат, как ты да он (известных ратными делами), — таких зовут богатырями. И коль они подчас сойдутся, у них десятки тем найдутся: когда и где, какой был бой, как нужно немца бить зимой... Ну, словом, тем в их разговорах найдется сразу целый ворох.

А тот, кто в битвах не обстрелян, но стать таким, как вы, намерен — тому отказа тоже нет, и мой ему таков совет: пускай беседу разделяет и все на ус себе мотает.

А речь пойдет на этот вечер о том, кто славою отмечен, чью грудь кремлевские лучи достойно светом озарили, кому на днях у нас вручили за героизм, за подвиг бравый, в знак ратной чести, орден Славы. О ком пройдет молва в народе, в родном селе иль на заводе, что «был парнишка то простой, а стал, смотрите-ка, герой!»

Откроют двери старики, набьются в хату земляки и за сынка подымут чаши. А та, что всех милей и краше, всплакнет счастливою слезой и будет ждать его домой.

О них и я бы был не прочь вести беседу день и ночь. Таким почет, таким хвала за их отважные дела.

К примеру, вот хотя бы Рясный — механик он у нас прекрасный. Недавно, будучи в разведке, заметил, что кусты и ветки растут на пушечном стволе, и все верхушками к земле.

Решив, что это любопытно, наш старшина подъехал скрытно. «Прошу, мол, гансы, извинить, но я решил вас раздавить». И раздавил, как три игрушки — немецкий танк и две их пушки.

Иль вот, возьмем пример другой, Мадьяров вел неравный бой с двумя десятками фашистов. Их натиск бешен был, неистов. Но он сказал: «Назад ни шагу! Ведь нашу русскую отвагу ни страх, ни ужас не берут! И пусть их тысячи идут — назад покатятся все катом». И лег за холмик с автоматом. Шагали немцы строй за строем. Три вражьи пули с диким воем вонзились в тело смельчака. Ослабла правая рука, но он не бросил автомата, и, помня долг святой солдата, присягу русского бойца, стоял до самого конца. Скосивши добрых два десятка, подмазал немцу салом пятки.

Почет и слава кавалерам. Дела их служат нам примером. Врывайся первым в города. Иди вперед везде, всегда! Громи врагов, как Рясный иль как Мадьяров, стоек будь. И ты украсишь свою грудь почетным орденом войны и станешь гордостью страны.

Ты — суворовский солдат, так не ведай же преград!

«Кто на Русь с мечом войдет — от меча и сам падет», — так сказал великий Невский подлым рыцарям немецким. И загнавши их под лед, показал им «русский мед». Для «гостей», мол, есть у нас в каждом море «мед» и «квас»; хватит в озере воды для любой шальной орды. Если ж вы земли хотите, мы дадим, но, извините, в руки каждого громили по аршину для могилы.

Мы теперь добавить можем всем фашистским наглым рожам: «Шли вы к нам, вертя хвостами, за железными крестами, мы ж даруем для «гостей» крест из ваших же костей.

Шел за легкой победой, так испробуй и поведай, что могучей русской силе нету равной во всем мире! Кто в штыки сходиться хват? Только русский наш солдат! Кто побил Наполеона (войско шло с полмиллиона)? Наш солдат, никто иной! Кто ни шел на нас войной, как ни прятался за щит, был всегда в России бит! Потому что наш народ страх и ужас не берет! Там, где сам орел могучий не пронзал крылами тучи, — там суворовский солдат шел, не ведая преград.

Да и в наши дни меж нами мало ль храбрыми делами наши воины в бою славят армию свою. Вот, к примеру вам, Азаров. Нет страшней его ударов для фашистских подлых псов. У него закон таков — коли служишь ты Отчизне, не щади ни сил, ни жизни!

Шел недавно сильный бой. «Тигры» яростной гурьбой окружили батарею. Но не справиться им с нею, потому что в ней комбат — наш Азаров — парень хват! Посмотрел, подумал малость: «Не пройдет им эта шалость! Не для нас ли, мол, ребята, клятва воинская свята? Не сдадимся мы живьем — через сопку перейдем! Заводи машины, братцы, будем на гору взбираться! Кто штыком, а кто руками емастерим дорогу сами!»

И пошла кипеть работа. Не щадя ни сил, ни пота, без кирки и без лопаты наши славные солдаты в ночь построили дорогу. Там, где конь не ставил ногу, наш солдат проехал с пушкой. И запел фашист кукушкой!

Ясно, братцы, всем без споров — нашим предком был Суворов. Ты — суворовский солдат, так не ведай же преград!

СЛАВА СТАЛИНСКИМ БОЙЦАМ!

Святыня

*Полощется гордо гвардейское знамя,
С ним буйные ветры войны говорят,
В нем курских сражений колышется пламя,
Степей украинских зарницы горят.*

*В нем подвиги наши боев Заднепровья,
Что будут веками бесчисленными жить,
Оно завоевано потом и кровью —
Ты честь его должен, как око, хранить*

*Клянись же, гвардеец, под стягом священным,
Клянись своей жизнью, клянись головой,
Что славой овеешь его беспримерной.
Кто с этой святыней — тот в битвах герой.*

*Промчатся, затихнут военные бури,
Травую забвенья окоп зарастет,
Где бой бесновался — заблещут лазури,
Но дело твое, богатырь, не умрет!*

*И знамя вот это, что реет над нами,
Что с нами изведает жгучий свинец,
Потомки украсят живыми цветами,
На древко повесят из лавров венец!*

Отомсти врагу!

*Ты слышишь, товарищ, гремит канонада,
И взрывами стонет простор голубой —
Бесстрашных гвардейцев стальная армада
Идет на священный, решительный бой.*

*Припомни, как жгли твою Родину гады,
Детей для потехи бросали в костер.
Так бей же, товарищ, врага без пощады
Штыком и прикладом, и пулей в упор.*

*Сестра твоя, воин, в неметчине стонет,
Прикована к тачке в лихой кабале.
Иди ей на помощь — смерть смелых не тронет,
Убей паразита в змеиной норе.*

Воину-богатырю

*Русский воин-богатырь,
Весь народ тобой гордится!
Грудь расправив во всю ширь,
Ты умеешь лихо биться!*

*Слышишь — снова над Москвой
Громы залпов раскатились,
Над Кремлевскою звездой
В честь тебя ракеты взвились.*

*О твоей победе весть
Облетела мир стрелою,
Мать омыла твою честь
Гордой, радостной слезою.*

За слезы матери

*Когда луна взойдет над Украиной,
Над степью хмуρο встанет ночь.
Посмотрит мать на мертвые руины —
Ей тяжких слез сдержать не в мочь!*

*Так пусть гремит над степью канонада,
Пусть месть и ярость речь ведут.
Советских танков грозные армады
В село лавиною идут.*

*Пусть выйдет мать с простертыми руками,
И просиявши в эту ночь,
При встрече с долгожданнами бойцами
С лица унынье сгонит прочь!*

*Ты слышишь, воин, гром орудий,
Ты слышишь сталинский салют?
По всей стране советской люди
Нам честь и славу воздают.*

*Прими ж венец бессмертной славы
И поклянись стране родной,
Что будешь ты врагов оравы
Громить с отвагою двойной!*

*Сотни сталинских орудий
Прогремели над Кремлем,
И поведали все люди
Вновь о подвиге твоём!
Вновь ты славы стал достоин,
Прикарпатский чудо-воин!*

Таганрог наш!

*Вновь над нашим Таганрогом
Солнце Сталина взошло.
Счастье вновь пришло к порогам,
Пали рабство, мрак и зло.*

*Слышишь грохот канонады?
Над Кремлем гремит салют!
Люди сталинским армадам
Честь и славу воздают.*

*Боевой привет южанам!
Слава сталинским штыкам!
Смерть захватчикам поганым!
Смерть грабителям-врагам!*

*Вновь Черновицы за нами!
Сколько радости сердцам,
Пусть гордится Русь сынами,
Честь черновицким бойцам!
Да восславит их салют —
По-гвардейски немцев бьют!*

Баллада о солдатской любви

Три товарища служили
В Ленинграде до войны.
В одном доме с детства жили,
Вместе выросли они.
Был один артиллеристом,
А другой — танкист лихой.
Ну, а третий — неказистый,
Пехотинец был простой.
Крепко воины дружили:
Друг без друга никуда.
Даже девушку любили
Все втроем одну... Да-да!
Первый был из них речистым,
А танкист настойчив, смел.
Ну, а третий, неказистый,
Перед девушкой робел.

Час настал им всем расстаться —
Разыгралась война.
Забегали попрощаться,
И спросила их она:
— Что бы, милые ребята,
Вам на память подарить?
Чем порадовать солдата
И на подвиг вдохновить?
Был ответ артиллериста:
— Ты скажи лишь мне «люблю»,
Чтоб в бою, в шрапнельном свисте,
Знал я точно цель свою.

А танкист громит, известно,
Оборону в глубине.
Говорит он прямо, честно:
— Подари ты сердце мне!

*Пехотинец неказистый
Долго голову ломал —
Разобрали ж все начисто!
Наконец, вздохнув, сказал:
— Ты сорви мне с василечка,
Что ты носишь на груди,
Два хотя бы лепесточка,
Их на память подари.*

*Молча вынула с петлицы
Наша девушка цветок,
Приколола пехотинцу
К гимнастерке василек.*

*В бой ушли три верных друга.
Срок большой прошел с тех пор.
Улеглась сражений выюга,
Смолк и пушек разговор.
Возвратились с поля боя
Три товарища домой —
Три отважные героя.
Тотчас к девушке гурьбой.
Рапортует первый честно:
— Хоть ты слова не дала,
Был всегда прямой наводкой,
Потому что цель была!
Говорит танкист: — Ты знаешь,
Я громил врага в тылу,
Потому что знал, что там лишь
Путь мой к сердцу твоему.
Пехотинец молчаливый
Ничего не говорит,
Только, где цветок носил он,
Орден золотом горит.*

Три огненных года

Залечит страна наша тяжкие раны
И вновь расцветет широка, велика.
Но три этих года, как три великана,
Войдут, громыхая боями, в века.

Возьмут наши внуки три тома тяжелых
С простым и коротким заглавьем «Война».
Листая страницы сражений суровых,
Не раз прочитают те книги сполна.

Познают вначале всю боль отступленья,
Тоски безграничной и горечи груз,
Когда, покидая родное селенье,
Ты в том пересохшим шептал: «Я вернусь!»

Прочтут о победах под нашей столицей,
Где бой бушевал, как гигантский вулкан,
Где клятву ты дал, что врагу не пробиться,
И в танке горящем ходил на таран.

Узнают о Курском сраженьи великом,
Увидят равнины со взрытой землей,
Где ползали «тигры» с неистовым рыком,
Услышат стервятников яростный вой.

Познают той схватки лихую пучину,
Где Мирсиков с ротой неравный вел бой,
Где выскочил он из горящей машины
И крикнул пехоте: «В атаку, за мной!»

Предстанет пред ними плеяда героев,
Таких, как Максаков, Петров, Соколов.
Прочтут наши внуки, как славные трое
Пожгли в эшелоне все танки врагов.

Прочтут наши внуки последние главы —
Как вышли к границе Отчизны войска,
В боях озаренные ратною славой,
И Сталин сказал им: «Победа близка!»

Фронтальная дружба

Что дружбы солдатской прочнее и крепче?
Скажи мне, товарищ, не мы ли с тобой,
Повесив винтовки да скатки на плечи,
Без страха шли в битвы под шквал огневой?
Не рядом ли спали в окопе промерзшем,
Одною шинелью укрывшись порой?
Ах, если б не таять тем снежным порошам,
Которыми шли мы на Запад с тобой,
Следы наши были бы, знаю я, рядом
От самой Москвы до берлинских руин.
И кто б ни окинул пороши те взглядом,
Сказал бы: «Вот дружба вдвоем, как один».

Но битвы утихли. Нам время расстаться.
По разным дорогам теперь мы пойдем:
Поедешь туда ты, где сопки теснятся,
А я буду там, где лишь степи кругом.
Но дружбу солдатскую, дружбу военную
Вряд ли кто сможет когда позабыть.
Нет, суждено ей остаться нетленной,
Нет, суждено ей в сердцах наших жить...
Только теперь не порошей исхоженной
Сможем измерить мы дружбу сполна,
Доблестью, в труд наш нами же вложенной, —
Вот чем измерит ту дружбу страна.

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Залей врага дождем свинца!

«Вперед, боец!» — таков приказ, таков страны родной наказ. Иди вперед, громи врага! Кому из нас не дорога свобода Родины своей? Пусть слезы наших матерей наполнят яростью сердца и хлынут лавою свинца на своры гнусных палачей.

Средь бела дня, во тьме ночей преследуй гадов неотступно и знай — пощада им преступна! Они разграбили твой дом. Взгляни-ка, братец мой, кругом: от сел остались только трубы. Спроси, как немцы тычат в зубы, как свищет плеть у них в руках, как пашут, словно на быках, в ярмо людей гуртом впрягая.

Стране на верность присягая, ты поклялся, мой друг, Отчизне не пощадить ни сил, ни жизни в борьбе за Родину свою, быть смелым воином в бою.

Изведал ты боль тяжких ран. Не раз ходил ты на таран. Тебе знаком «тигриный рык». Назад идти ты не привык, ты знал один лишь путь — вперед! Тобой гордится весь народ. Ты с сердцем, вылитым из стали, тебя, мой друг, отметил Сталин!

Взгляни, в одном строю с тобой стоит Петровский — наш герой. Его узнала вся страна. У вас дорога с ним одна. Ты вместе с ним и пил, и ел. Один костер вам руки грел. Твоей семьи он славный воин, так будь и

ты его достоин! Громи, как он, бандитов
своры, освобождай свои просторы!

Залей врага дождем свинца! Гони на За-
пад подлеца! Лови его, дави броней и даже
прах мешай с землей!

И пусть в ответ на этот бой над нашей древ-
нею Москвой салют победный прогремит, все-
му народу возвестит о славном подвиге твоём!

И прилетит в твой отчий дом та весть
большим крылатым счастьем. И пусть на
улице пурга, ненастье — на сердце матери
твоей огнями солнечных лучей заблещет
радость за тебя.

И в мыслях, кудри теребя, она погладит
твое фото. Пусть на лице нужда, забота сре-
ди морщинок залегла. Случалось — плакала
от зла, услышав немцев лай собачий, те-
перь от счастья пусть поплачет!

Иди же в бой, иди сквозь ад! Пусть эти сле-
зы вдохновят тебя на подвиг беззаветный. Твой
путь суров, но он победный! Теперь-то наша,
брат, берет. Вперед, боец, смелей вперед!

Наш путь — вперед!

*Не жди пощады, подлый враг!
Опять идем мы в бой рядами,
И скоро вновь гвардейский стяг
Прославим храбрыми делами.*

*Немало доблестных побед
Мы в битвах тяжких одержали.
Наш путь — вперед! Другого нет!
Стране мы в этом клятву дали.*

*Шагают с нами в этот бой
Среди огня, стрельбы и гула
Танкист Петровский — наш герой,
И рядом с ним герой Замула.*

*Так будь и ты достоин их!
Пусть воля станет крепче стали,
Чтоб вновь о подвигах твоих
Стране сказал великий Сталин.*

За свободу родной Украины!

*Отбушует война,
И воспрянет страна
Под счастливой кремлевской звездой.
Соберемся в кружок
И припомним, дружок,
Как на битву шагали с тобой.
Как по селам мы шли,
Где лишь трубы одни
Вопиуще нагие торчали.
И как нас, брат, с тобой,
Обступивши гурьбой,
Со слезами крестьяне встречали.
Как пошли мы стеной
На решительный бой
За свободу родной Украины,
Где под вопли и стон
Чужеземный барон
Рубцевал еще русские спины.
Много дней фронтовых
И друзей боевых
Мы припомним с тобою в тот вечер.
И в беседах своих
Мы расскажем о них,*

*Чтобы слово осталось навечно.
Как Боридько, Цибрук
И Рыбалко (их друг) —
Украинской земли исполины —
Шли бесстрашно вперед
За родной свой народ,
За свободу родной Украины.
Но победа, мой друг,
К нам не явится вдруг —
Эту истину сам ты поведал.
На решительный бой!
Помни, Сталин с тобой!
Так смелей же вперед, за Победой!*

Иди без усталости вперед!

Как раз получен был приказ. Броня свой шлем танкистский снял. И вот какую речь держал:

— «Вперед, боец!» — таков приказ, таков страны родной наказ. Иди вперед, громи врага! Кому из вас не дорога свобода Родины своей? Пусть слезы наших матерей наполнят яростью сердца и хлынут лавою свинца на своры гнусных палачей. Среди бела дня, во тьме ночей преследуй гадов неотступно и знай — пощада им преступна! Они разграбили твой дом. Взгляни-ка, братец мой, кругом: от сел остались только трубы.

Стране на верность присягая, ты поклялся, мой друг, Отчизне не пощадить ни сил, ни жизни в борьбе за Родину свою, быть смелым воином в бою.

Изведал ты боль тяжких ран. Не раз ходил ты на таран. Тебе знаком «тигриный рык». Назад идти ты не привык. Ты знал один лишь путь — вперед! Тобой гордится весь народ. Ты с сердцем, вылитым из стали, тебя, мой друг, отметил Сталин!

С его великой похвалой пойдем, друзья, на грозный бой, стальной лавиной как хлынем — заслоны вражьи опрокинем и пустим нашу хватку в дело. Уж тут орудуй быстро, смело, стремись не просто гадов гнать, а брать в кольцо их, истреблять. Коль хочешь сам в живых остаться, спеши с фашистом рассчитаться, ни сил, ни пота не жалей, гонись за ним, нагнал — убей! Теперь-то наша, брат, берет. Иди без устали вперед!

Но будь всегда расчетлив, зорок. Коль сбоку есть овраг, пригорок, следи, чтоб там не скрылся враг, ловушки нет ли где в кустах, следи за флангами, боец. Пусть в ратном деле ты и спец, но ведь пословица не нова, что мудреца возьми любого — в нем вдоволь будет простоты. Вот так же, братец мой, и ты: пустяк из виду вон упустишь, кругом не глянешь и пропустишь врага к себе во фланг или в тыл — и все, что кровью ты добыл, тотчас, глядишь, и потеряешь. А наш закон каков? — ты знаешь: что с бою взято — трижды свято! Врагу не смеешь вновь отдать, пришлось уж если умирать — умри на месте, как герой, но пусть рубеж священный твой пред силой вражьей не падет! Солдат наш стойкостью слывет. Так будь достоин этой славы, богатырем тебя по праву Отчизна наша назовет. Во имя Родины — вперед!

Вперед, герои-пехотинцы! Отваги вашей смерть боится, умен и меток ваш свинец, а штык — бесстрашный молодец. В бою вас каждая канавка, лесок, кустарник, даже травка от вражьих глаз всегда укроют. Пусть над тобой осколки воют, коль есть лопата да сноровка, коль научился быстро, ловко вставать и делать перебежки, упав, тотчас ползти, не мешкать — тебя и пуля не возьмет. Иди, ползи, беги вперед! По ямкам скрытно пробирайся, проникнуть в стан врага старайся, внезапно сзади налетай, дождем свинцовым поливай, штыком, гранатой и прикладом пиши расчет фашистским гадам!

Вперед, танкисты удалые! Пусть ваши кони боевые врага без промаха разят. Пусть каждый танковый снаряд броню «тигриную» пропорет иль пушку вражью в воздух взмоет, пусть гусеничный ход стальной врага хоронит под собой!

Вперед, отважные саперы! Туда, где реки, кручи, горы, где враг мосты успел взорвать и мины в землю закопать. У нас машин и танков много, но им нужна, мой друг, дорога — спеши вперед их пропустить. Где вязко — нужно наместить, где взорван мост — построй другой. Там впереди грохочет бой, там бьются наши батальоны. Для боя им нужны патроны, нужны снаряды им и мины, и чем скорей пройдут машины, чем меньше будет им помех, тем больше будет наш успех!

Вперед, разведчики лихие! Для вас и ночи не слепые. Поглубже к немцам проникайте, врага подробно изучайте: где есть

окопы, пулеметы, где пушки, танки, минометы. Давайте цель артиллеристам и пусть их залпы по фашистам гремят без устали в степях — громят врага и в пух, и в прах!

Вперед, связисты! Слава вам и вашим вещим проводам! Тяните нити — нервы боя — пусть будет связь без перебоя!

Вперед, друзья, смелей вперед! Нас генерал Сталина ведет!

БЕСЕДЫ БЫВАЛОГО ВОИНА

Смелость, находчивость, расчет

Как-то речь зашла о том, что в бою нужнее: отвага, риск или расчет и выдержка.

Долго спорили. Наконец, подошел гвардии старшина Семенов и сказал:

— Все, друзья мои, нужно бывает в свое время. В доказательство я могу вам привести пример из моей боевой практики. Вот хотя бы взять весеннее наступление 1944 года, — начал Семенов, облокотившись правой рукой на небольшой, стоявший у стены, шахматный столик. — Прорвали мы оборону противника. Несколько дней немцы так бежали, что мы их догнать не могли.

Наш минометный взвод был придан десантной роте. Командира взвода тогда ранило, и взводом командовал я. Продвигались мы с такой быстротой, что боеприпасов доставлять нам не успевали, и поэтому мы действовали как автоматчики. Подошли, помню, к небольшой речушке, а за нею... Вот, смотрите сюда, — сказал Семенов молодым товарищам, взяв в руки несколько первых попавшихся шахматных фигур и расставляя их в том порядке, в каком примерно располагались огневые точки противника в тот момент боя, о котором он рассказывал.

— Прямо против нас — две немецких батареи. Бьют по нам с фронта. Слева и справа большие группы автоматчиков ведут кин-

жальный огонь. На левом фланге — небольшие кустики, на правом — осока, и река делает небольшой изгиб в сторону противника. Как бы вы тут действовали? — спросил Семенов своих собеседников.

— Я бы в обход пошел по кустарникам, — ответил ефрейтор Сингатулин.

— И не прошел бы, — возразил ему Семенов. — Во-первых, кустики немногим лучшее укрытие, чем осока, а во-вторых, по логике вещей, противник, безусловно, предполагал возможность этого варианта и вел за кустарником тщательное наблюдение.

Я принял другое решение. Повел свой взвод по осоке. Во-первых, потому что на этот вариант нашей атаки немцы меньше всего рассчитывали и, во-вторых, потому что там река была уже под самым носом у противника, и внезапное наше появление в такой близости от немецких траншей неизбежно должно было вызвать среди них замешательство, что гарантировало нам успех переправы. Вот вам расчет. И должен вам сказать, расчет мой оказался правильным. Воспользовавшись еще, к тому же наступившими сумерками и моментом, когда немцы сильно увлеклись перестрелкой с левофланговой группой наших бойцов, мы переправились через речку совершенно незаметно для противника и стремительной атакой выбили с занимаемых позиций вражеских минометчиков.

Но справа и слева от нас оставались еще автоматные роты противника, которые тотчас бросились на нас в контратаку. Тогда мы, не теряя времени, развернули на врага за-

хваченные нами минометы и немецкими же минами отбили атаку гитлеровцев. Вот вам находчивость.

Нельзя сказать, что нужнее в бою: расчет, риск, отвага, выдержка или находчивость. Иной раз помогает то, а иной раз — другое. Мы должны обладать всеми этими качествами и в нужную минуту применять их, — закончил Семенов.

И все согласились с доводами бывалого воина.

Выстоять, отбить — это значит победить!

Спокон веков твердили в мире, что ног у лошади четыре, но лишь о камешек споткнется, на землю бац — и расшибется! А речь к чему? Да все к тому, что враг пока еще ногаст, но наш боец стоять горазд! И коль уж принял он присягу, стоит в огне, назад ни шагу! Я приведу пример простой. Вот Загитбаев, наш герой — один с пятнадцатью сражался. Они к нему, а он не сдался. Последний выстрелив патрон, схватил свою винтовку он — и ну крошить врагов прикладом. И четверем фашистским гадам тупые лбы их разможил, потом пришел и доложил: атака немцев, мол, отбита, пятнадцать извергов убито!

Иль, скажем, вот Голышкин, братцы, учитесь все, как он, сражаться. Он богатырь не раз, а дважды. Его оружие однажды с полсотни «тигров» осаждало.

«Назад идти нам не пристало, — сказал пред боем он ребятам, — не нам ли, вои-

нам-солдатам, своя Отчизна дорога? Умрем же, хлопцы, но врага и на полметра не пропустим!»

Не только страха, даже грусти в его глазах не промелькнуло, когда он поднял пушки дуло и встретил гитлеровских гадов сплошною лавою снарядов. И шайка «тигров» заметалась. И как уж только ни старалась прорваться к пушке смертоносной, но не могла и с миной постной трусливо пятилась назад.

То был не бой — кромешный ад. Земля и та в огне горела. Но, маñеврируя умело, Голышкин вместе с экипажем огнем спалил шесть «тигров» вражьих. За то ему почет и слава, за то гордятся им по праву.

Ты, парень, знаю я, не трус, но все ж мотай себе на ус: коль враг лазейку где найдет и на тебя ордой попрет, замри и стой — назад ни шагу.

И как бы подлый враг не рыскал, давай отпор по-богатырски. Сломай ему рога, гадюке, а там бери гранаты в руки, и пусть фашист отбой играет.

В горах-то, знаешь, как бывает? Один лишь камешек сорвется, за ним, глядишь, другой несется, а там уж третий поскакал — и загремел большой обвал.

Уж коль стоять, так стой стеной! А час придет и грянет бой, когда ты двинешься сквозь пламень, старайся сдвинуть первый камень.

Один лишь враг покажет спину, и подвиг твой родит лавину.

Запомни: выстоять, отбить — значит, братец, победить!

Дума о знамени

Смотрю я на наше гвардейское знамя — горит оно ярко на солнце, как пламя. И думаю, братцы, я думаю свою: не даром ведь ратную нашу семью страна удостоила чести высокой, изведали гарь мы той битвы жестокой, что десять дней кряду гремела под Курском. Фашисты стянули на выступе узком десятки дивизий отборных своих и сотнями «тигров» пускали стальных, и как уж «стервятники» в небе ни выли, но мы своей клятвы, друзья, не забыли. Стояли мы на смерть врагам на пути и немцам не дали рубеж наш пройти. За это нам честью воздала страна и эту святыню вручила она.

Что может быть выше награды такой? Отчизна, гвардеец, гордится тобой! Неси эту гордость достойно вперед. Кто с этой святыней на битву идет — великая слава тому воздана, тому уж, ребята, и смерть не страшна.

Коль трудно придется средь грозной пучины: вокруг загрохочут снаряды и мины, земля раскалится, как в огне медь, и легче покажется враз умереть, чем видеть той битвы крошечное пламя, — взовется над нами гвардейское знамя, и встанем мы, братцы, и грянем «Ура!», как некогда грозное войско Петра.

С тех пор уж ведется у нас на Руси: коль трудно — так знамя вперед выноси!

Хранится в нем наша солдатская слава, на жизнь нашу, братцы, в том знамени право, вся честь твоя, воин, и доблесть твоя. Погибнет то знамя — позор для тебя такой,

что и смертью своей не искупишь, ты славу и доблесть всей части загубишь, поступок твой честных друзей заклеямит — такого позора народ не простит!

Так лучше умри перед знаменем этим, молвою народной себя обессмертив. Пусть правнуки скажут: вот он был герой, за честь свою ратную пал головой, все отдал он в жертву и жизнь, мол, свою, но спас-таки знамя святое в бою.

А вы-то уж, братцы, умеете драться, как львы настоящие, с лютым врагом. И слава былая порукою в том, что подвиги ваши умножите втрое, что каждый гвардеец наш станет героем таким, как Карюкин, Гинтовт, Соколов, что в пламени яром победных боев, как сталь, закалится ваш воинский дух, у каждого будет сноровки на двух, сердца преисполнятся ваши отвагой, и в битвах кровавых с фашистской ватагой вы новою славой овеете стяг. Падет перед вами поверженный враг. И знамя вот это, огнем опаленное, кровью героев в бою окропленное, знамя гвардейское — знамя победное — слава священная наша заветная вещим свидетелем тяжких годов будет храниться во веки веков!

БЕЗ БЕСЕД — СОЛДАТА НЕТ!

Раз машину в рейс ведешь — все равно, что в бой идешь

Много было разговоров про водителей-шоферов. Все рассказано уж вроде, но половица в народе: «Век живи и век учись». И в учебе не ленись, не чурайся, брат, совета — пусть проехал ты полсвета, за баранкой суший хват иль, как люди говорят, съел собаку в этом деле, — все равно, уж будь уверен, что всего ты не познал. Я совет такой бы дал: что полезно — замечай и на ус себе мотай! Забывать того не смеешь, что и ты, мой друг, имеешь вес немаленький в бою — на машину-то твою грузят нам боеприпасы, продуктовые запасы — все, что требует война. Этим, братец мой, страна вдоволь нас всегда снабжает. Тыл наш рук не покладает, сил в работе не щадя. Все зависит от тебя: коли груз доставишь в срок, для победы будет прок! Ну, а как того добиться? Это, как уж говорится, дело мастера боится.

Есть у нас шофер Степнов. Он не любит лишних слов, но коль все его советы и шоферские секреты ты продумаешь, друг мой, пораскинешь головой, — будет прок тебе немалый. Вот, к примеру, ночь настала — не включай, брат, полный свет — то приказ, а не совет!

Сквозь стекло обзор плохой — дверь кабинки приоткрой, глаз получше наостри

и внимательно смотри. Как бы ни было темно, но дорогу все равно рассмотреть всегда сумеешь и, как часики, доедешь. Если ж свет не выключаешь — поздно ль, рано ль, но поймаешь от «стервятника» фугас. В темноте не жми на газ. Ведь дорожки фронтовые не бывают, брат, пустые. Здесь во все глаза гляди и с боков, и спереди. Позевал на белый свет — глядь, полкузова и нет!

Если пыль, туман иль дождь — осторожность лучший вождь. Перекресток, поворот — дай машине тихий ход, руль держи всегда правее, а сигнал давай длиннее.

Там, где есть подъем крутой, дай разгончик небольшой, чтоб мотор не перегрелся. Я недавно насмотрелся, как один «лихой» шофер по горе машину вел: снизу первую включил, весь подъем на ней «пилил». От машины валит пар, словно тульский самовар на колесах, а не «ЗИС» — вот таких вещей стыдись! Это воину позор, чести воинской укор. Над машиной-то трудились не за тем, чтоб так глумились. Лучше дай остыть мотору и потом взбирайся в гору. А при спуске с этих гор — выключай совсем мотор. Если ж будет круто очень, тормозам держать нет мочи, — жми на низкой передаче, тут нельзя уже иначе.

Нужно вброд ручей проехать — посмотри, где лучше съехать, где поменьше глубина, поплотнее почва дна.

Но на всякий случай, братец, ты имей с собой домкратец, в рейс не ездь без лопаты, без цепей на оба ската. Без топорика и троса не высывай и носа, ломик также не забудь. Все проверь, тогда — и в путь.

Знай, шофер, свою машину, проверяй почаще шину. Перед тем, как ехать в путь, все проверить не забудь, каждый винтик осмотри и снаружи, и внутри, все ли есть ключи в наборе, чтоб не мыкать тебе горе, коль сломается что в рейсе. Ты на дядю не надейся.

Чтобы груз был в срок на месте — это дело твоей чести.

Раз машину в рейс ведешь — все равно, что в бой идешь. Не доставил груза в бой — отвечаешь головой!

О водителе машины

Нынче в нашем разговоре потолкуем о шофере. О шофере фронтовом, кто в бою своим трудом бить врага нам помогает, кто под градом пуль бывает, расчищая грязь под шиной, пробирается с машиной по любому бездорожью. Про него не будет ложью так сказать: что он — герой наравне, мой друг, с тобой, не щадя ни сил, ни жизни, защищает честь Отчизны.

Вот сержант Андреев, Сластин — шофера из нашей части — сами немцев хоть не били, но геройски подвозили и патроны, и снаряды — все, что нам для боя надо.

Ночь, полночь, пурга, грязища, тут над ними пули свищут — знай везут свой груз вперед, и ни что их не берет! Разве это не геройство? Есть у них такое свойство: лучше сами недоспят, но машины оглядят, и уж те их не подводят — по любым дорогам ходят.

Вот такими шоферами вы гордитесь даже сами. Их не грех в пример поставить. Мало знать, как надо править, как баранкою вертеть. Нужно, братец мой, иметь и уменье, и сноровку, пробираться быстро, ловко не по гладкой мостовой — по дорожке фронтовой, где и рытвины, и ямы, и воронки, и изъяны, и при всем при этом сверху ожидай еще помеху. А чуть-чуть заморосило — и дорогу размесило. Тут уж, братец, без цепей запоешь, как соловей. Да цепей одних и мало — ты во что бы то ни стало припаси домкрат, лопату, две колодки под скаты да буксир на всякий случай. Вот тогда не бойся тучи. Коль усердно попотеешь, так в любую грязь проедешь.

И мотай себе на ус: коли в срок доставишь груз, подвезешь на фронт снаряды, значит будут немцы-гады завсегда с лихою биты, а кто бил их — не забыты. Среди них и ты, как воин, тот, что славы стал достоин службой верною стране, героизмом на войне.

О старшинах

Подходи, садись в кружок, побеседуем, дружок.

Речь пойдет о старшине. От него ведь на войне наш успех зависит, братцы. Ты попробуй-ка сражаться без патрон, без мин, снарядов. И сумеешь ли ты гадов гнать и бить так ловко, шустро, коль в желудке твоём пусто, коль тебе обед не носят, коль ботинки «каши просят»?

За каптером, кашеваром наблюдал всегда, бывало, сам Суворов — генерал. И пощады не давал. Если в каше недоварок — отпускал по норме палок. И в «Науке побеждать» не забыл он указать, чтоб на маршевом пути повар ехал впереди, чтоб обед в боях был к сроку, кухарь был неподалеку. В своевременном обеде есть условие к победе. Коль одет, накормлен воин, он в бою сильнее вдвое.

В ротах ваших я бываю и старшин немало знаю. Много есть среди них примерных, долгу воинскому верных. Вот Рубцов, Дьяченко, Бабкин — не сидят, зарывшись в тряпки. Не найдешь ты их в тылах. С термосами на плечах ты найдешь их там, где бой, в одном ровике с тобой. Сами воина накормят и того уж не позволяют, чтоб боец был неопрятен. Видно, им давно понятен тот суворовский завет, что в неряхе проку нет. Раз дозволил не умыться, не постричься, не побриться, не сменил бойцу рубашу — он привык и стал неряхой, а неряха на войне может стать врагом вдвойне. Нынче лень зашить спецовку, завтра — вычистить винтовку. Ты надеешься — поможет, он же выстрелить не сможет — вся винтовка заржавела. Раз — осечка, два — заело. Завозился, тырь да пырь и — подвел под монастырь. Сам-то стал он грязный, жалкий и винтовку сделал палкой.

А виновен кто, брат, в этом? Не замедлю вам с ответом: старшина, никто иной! То его был долг святой — за бойцом своим следить и, как начал он дурить, не давать ему поблажки. С непочиненной ру-

башки начинается такое, что врага страшнее вдвое. Всем понять пора нам толком, что бойцам нужны иголки не формальности лишь ради, чтобы значились в тетради, а затем они давались, чтоб неряхи не рождались! И таким старшинам честь, у кого порядок есть, кто следит, как мать, за ротой, окружает всех заботой. Но позор тому и стыд, кто украдкой норовит увильнуть от всех забот, жить без горя и хлопот.

Шел недавно я домой. Вижу, топают связной по фамилии Хорольский. На дороге грязно, скользко, а на нем ботинки, братцы, — не дай господи, приснятся: вроде дамских сандалет. От верхов помина нет — одни ленточки остались, каблуки совсем стоптались, ну как есть одни подметки, разноцветные обмотки. А шинель — жилета вроде. Вот, попробуйка в походе ей укрыться, постелить и подушку смастерить, если вся она, ей-ей, гимнастерки не длинней!

Кто же ввел такой фасон? Сам Хорольский? Нет, не он! Так одел своих бойцов старшина их Воронцов. Тут уж он один в ответе. Есть такой закон на свете — коль замены нет порой, есть сапожник и портной. Сделай все, но чтобы воин и по виду был достоин чести, звания бойца, не позорил бы лица нашей армии народной — самой славной, благородной. Весь народ бойцом гордится, день и ночь в тылу трудится, и снабжает нас богато всем, что нужно для солдата. Грузы к нам за валом вал! Кто ж нам с вами право дал исказить лицо солдата? Вы ответьте мне, ребята.

КТО ПРОВОРНЕЙ — ТОТ СИЛЬНЕЙ!

В быстроте — залог победы!

Глянешь сводку, аж отрадно — до чего ж воюем ладно! Что ни день — в Москве салют, в честь победы пушки бьют. Значит, где-то город взяли, где-то немцам перцу дали. Лихо стали мы сражаться. На фронтах дела творятся, что ни день — все горячей. И не время б для речей, раз пошли мы наступать — впору немца гнать да гнать, чтоб бежал он без оглядки, да привык я к вам, ребятки. Горе ль, радость накопится, так и тянет поделиться. Это, как уж говорится, без бесед — солдата нет! Зверолов, солдат, рыбак на рассказы, брат, мастак. Где собралось больше двух да присесть им есть досуг — враз свернут по самокрутке, и пойдут тут прибаутки, шутки, рассказы, побаски, были-небыли и сказки про бои, про отчий край — только слушать успевай! Кто солдат душой и телом, тот, брат, грешен этим делом. Уж таков закон солдатский — пусть хоть в бой идет он адский, но с товарищем-бойцом перекинется словцом. Я скажу, ребята, так: что скорее свистнет рак, чем солдат между боями не поделится с друзьями. Так обычаю и быть, будем, братцы, говорить!

Потолкуем меж собою о делах насыщенных боя. Вот идем вперед мы с вами богатырскими шагами. В этом наш залог успеха.

Враг не ждет, где есть помеха: там трудна, мол, переправа, лес — налево, лес — направо, есть лишь просеки местами — так пристреляны все нами. Не пройдет, мол, Русь так скоро, и спокойна вражья свора. Ну, а мы гигантским шагом по лесам да по оврагам тот участок обогнем, прямо в тыл к ним маханем и, как снег в разгаре лета, сзади вдарим — песня спета! Так учил нас сам Суворов: не чурайся, брат, просторов. Враг надеется, ты — где-то, что угрозы пока нету. Ты же мысли будь быстрее, сил в походах не жалея, богатырский шаг ускорь, проберись незрим, как хорь, и внезапно напади. Сбил врага — за ним иди, настигай его и бей! Кто проворней — тот сильнее!

Тут закон для всех один — для бойцов и для старшин. Коль идешь в рядах стрелков бить, колоть, громить врагов, — не задерживай в атаке! Суп несешь солдатский в баке — от бойцов не отставай, в срок и вдоволь их снабжай всем, что нужно им в бою. Тут на совесть, брат, твою труд немаленький ложится, и стремись того добиться, чтоб снабжение героев не имело перебоев. Не плетись в хвосте — позорно! Действуй сметливо, проворно, чтоб не слышал ты упрека, что в тебе, мол, мало прока.

Будь вершителем успеха. Пусть и трудность, и помеха не задержат твой порыв. Коль пошли бойцы в прорыв, жизнь отдай свою для дела, чтобы часть успех имела.

Если ты сапер, мой друг, тут работай уж за двух. Дела много там и сям: по болотам и лесам проложить дорогу надо; там, где водная преграда, обеспечить мост и брод,

чтобы шло на полный ход продвижение частей — быстрота всего важнее! Минометчик ты, связист, пехотинец или танкист, на штыки в атаку ходишь, для бойцов продукты возишь, доставляешь ли ты мины, ремонтируешь машины, тянешь связи провода — помни всюду и всегда: в быстроте залог победы — так, брат, нас учили деды!

Спорт — брат родной подготовки боевой

Чтоб в походах и в бою, и в атаке, и в строю, и в быту нехилым быть, чтоб легко переносить все невзгоды фронтовые, испытанья боевые, — закаляйся каждый день.

Там, где мог пройти олень, там и ты пройти обязан — так Суворовым был сказано для солдат один завет. Он живет уж много лет и доказан, брат, на деле. Ведь суворовцы ж сумели через Альпы перейти, пушки, ядра пронести. Там, где сам орел могучий не пронзал крылами тучи, русский наш прошел солдат.

Да и в наши дни, меж нами, мало ль ратными делами наши воины в бою удаль славили свою. Помню шел за Вислой бой. «Тигры» яростной гурьбой батарею осаждали и к бугру ее прижали. В ней Азаров был комбатом, говорит бойцам: «Ребята, мы ли выход не найдем? Через холм перемахнем. Кто штыком, а кто руками — смастерим дорогу сами».

И пошла кипеть работа. Не щадя ни сил, ни пота, без кирки и без лопаты, наши слав-

ные солдаты в ночь построили дорогу. Там, где конь не ставил ногу, наш солдат проехал с пушкой. И запел фашист кукушкой.

Хороша в бою смекалка, но нужна, брат, и закалка. Кто выносливей, ловчее, тот всегда в бою сильнее. Враг надеется, ты — где-то, и угрозы, дескать, нету. Ты же — мысли будь быстрее. Сил в походе не жалея, богатырский шаг ускорь, по кустам пройди, как хорь, и застань врага врасплох.

А чтоб вынести ты смог переходов все лишения, тренируйся на учењях: чаще ползай по-пластунски с полной выкладкой-нагрузкой.

Кто проворен да смышлен, тот в бою вдвойне силен

Хоть ты как гадай заранее, но всего на поле брани никогда не предусмотритишь. Все проверишь, все просмотришь, но подчас случится так, что какой-нибудь пустяк станет вдруг большой преградой. Глядь, столкнулся ты с засадой или мины на пути, как задумал — не пройти.

Вот, к примеру, случай был. Проскочили к немцам в тыл лейтенанты Шамрай и Зайцев, да как стала огрызаться сзади вражья батарея, что была в лесу левее.

Танки, вишь ты, пропустила и дорогу преградила — не проехать, не пройти. Вот теперь и посуды: две машины без поддержки. Только б им часок помешкать, немцы б танки попалили и танкистов перебили. Да смышлены хлопцы были, знать, закон тот

не забыли, что находчивость в бою жизнь всегда спасет твою. Пораскинули умом, порешили враз на том, чтобы вражью батарею уничтожить поскорее, подойти вплотную с тыла и «всадить им в спину шило» — по снарядику на пушку да фашистов по макушкам угостить из пулемета. Ну, а там, глядишь, и рота с фронта разом поднажмет — наша, дескать, и возьмет. Так и сделали ребята. Засверкали немцев пятки — батарея нам досталась и атака состоялась.

А к чему рассказ мой, братцы? Да к тому, чтоб не теряться! Командира старше нет — ты за все несешь ответ. Принимай свое решение, проявляй свое уменье. Коль проворен да смышлен, будешь ты всегда силен. Только есть завет простой — перед тем, как ехать в бой, все узнай: район, задачу, кто командовать назначен, как и где его найти, где обходные пути, кто воюет по соседству и какие будут средства вас поддерживать в бою.

Я всегда на том стою, чтобы каждый наш солдат в нужный час сумел отряд повести, брат, за собой, чтоб во взводе мог любой обстановку оценить, командира заменить, коли выйдет тот из строя, чтоб умел на поле боя сам задачи все решать, был способен разгадать вражью хитрость и уловку, приобрел свою сноровку маневрировать, хитрить да врага смекалкой бить. А не то бывает худо.

Вот на днях сержант Забруда с отделением был в разведке. Ну, идут, а справа ветки пожелтевшие лежат. Тут ребята говорят: «Посмотреть бы, дескать, надо, нет ли там фашиста-гада?» А Забруда им в ответ: «Тут

глазеть нужды нам нет! Есть приказ проникнуть в тыл, ну, а здесь, мол, кто б ни был, для меня неинтересно. Наше дело, мол, известно — делай то, что нам прикажут».

Что ж, то верно все, брат, скажут. Но не будь слепым кутенком — озирайся по сторонам и, коль видишь, что не так, сам решай — не будь дурак. А не то, так пропадешь, да и взвод весь подведешь, как подвел сержант Забруда. Тыл разведал он не худо, но лишь там, где приказали, а где кустики лежали — там сидел в засаде враг и простреливал овраг. Но разведку бить не стал — видно, так уж рассчитал: «Вслед за ними, дескать, здесь вся пехота будет лезть».

Вот вернулся наш сержант (так он парень смелый, хват): «Я, мол, путь нашел для роты». И повел всех без заботы. А фашист того и ждал, да как очередь-то дал, так Забруду ранил, гад, да еще двоих ребят (хорошо, что только в руку).

Вот она, браток, наука! Парень вроде непорочный и приказ исполнил точно, да смекнуть-то сам не смог — и, пожалуйста, итог!

Так что верен будь приказам, но и свой имей, друг, разум. Что случится невзначай — сам решение принимай и в бою уж не теряйся, а пред боем сам старайся все подробней разузнать, чтобы было, брат, под стать, коль случится что, иначе самому решать задачу.

НАКАЗ СОЛДАТАМ

Проявляй в учебе рвенье

Что ж, ребятаки, перекурим да меж делом потолкуем, как с учебой — все ль в порядке, все ль изжиты недостатки. Очень скоро, может статья, нам придется крепко драться. Зверь немецкий не добит и, конечно, норовит всеми силами сейчас оттянуть свой смертный час. Смерти он своей боится — значит, братцы, будет биться день и ночь с упорством волчьим. Не беда, что шерсть, мол, в клочья, лишь бы только был живой: «Пусть хоть день, да будет мой». И за каждую ложбинку, за лесок, за куст, травинку, за тропу и за дорожку он цепляться будет кошкой. Словом, будем мы, ребятаки, биться с ним у каждой складки.

Битвы будут те жестоки, тяжелы, и тем, кто сроки все в боях давно просрочил, кто смотрел смертям, брат, в очи, кто сквозь огненный буран шел на яростный таран. А для тех, кто бой не бачил, — для таких бойцов тем паче!

И случись один во взводе недоучка, Тришки вроде, что в короткой перебежке раз, другой, глядишь, замешкал. Надо лечь, а он присел, окопаться не успел, распустил тотчас же слюни да взгрустнул еще по Дуне, позабыл и то, что знал, растерялся и пропал. Враг имеет тоже хватку — снимет враз, как куропатку. Сам боец тот пропадет, да и взвод весь подведет! Кабы в землю врос он

пупом, не скакал бы зайцем глупым, был бы парень цел и смел, да и взвод тогда б сумел подобраться скрытно к немцам и поддать им соли, перцу. Ну, а тут, заметив Тришку, враг огня подбавил лишку. Где один, мол, там и десять, и пошел, брат, куролесить.

А к чему я речь веду, да к тому, что на беду вот такому, братцы, Тришке впрок не идут уставы-книжки. Он первейший лодырь мира. Все уроки командира он сквозь уши пропускает. Солнце спинку пригревает, он лежит себе на брюхе, и по нём елозят мухи. А про что там говорят — он бы век не слушать рад. Спросишь его: «Понял, нет?» У него готов ответ: «Я на фронте первый год и к тому ж болит живот, ползать, бегать не умею — темный я, не разумею!»

Вывод мой совсем простой: наш первейший долг святой, коль отыщутся где тришки, тут же брать их за штанишки на гвардейский наш манер. Помогает! Вот пример. Говорили мне в народе, есть Сорокин в энском взводе. Не совсем он, правда, Тришка, но пол-Тришки было с лишком. Сам оброс он глиной разной, да и танк в земле весь грязный. Тут случись, парторг Лиманский:

— Как же так, мол?

— Бой был адский! Нервы, знаете, усталость, отдохнуть бы треба малость, — отвечал Сорокин вяло. — Что там грязь — не то бывало!

Тут его Лиманский в шоры:

— Ты ворочать можешь горы! Просто, дескать, обленился и бесстыже распустился!

Что ж бы думали вы, братцы, — стал Сорокин умываться на день раза три-четыре. Чище нет его и в мире. Все бояться просто стали, чтоб сороки не украли. А про танк и речи нет — обойди весь белый свет, чище, краше не найдешь. Словом, парень стал хорош!

Самому примерным быть, сил в учебе не щадить — это только лишь полдела. У тебя спина вспотела, ты познал науку боя, ты растешь в себе героя, проливая пот свой градом, а другой с тобою рядом, как огурчик, чист и сух, на уроках ловит мух. Он (я слово в том даю) подведет тебя в бою! Не давай ему лениться, заставляй его учиться! Недоучку тербя, ты спасаешь сам себя!

Честь солдата береги

Помню, в детстве я когда-то слышал басенку, ребята, про овчарню, мужика да про жадного волка. Как решил однажды волк, что для брюха будет толк, коль овчарню всю как есть с потрохами разом съест. Да забрел-то не в овчарню, а прямехонько на псарню и попался в переплет, глядь, а тут еще идет сам мужик здоровый, дюжий. Пробрала тут волка стужа — глянул он на мужика, а мужицкая рука — не рука, а во, махина! Да в руке еще дубина. Зачесал затылок волк: «С ним тягаться мне не в толк». И, чтоб смерть свою отсрочить, стал он псарне тут пророчить: «У меня лишь зуб да клык, а за дверью-то мужик с пребольшущею дубиной, потрещат, мол, ваши спины. Не пускайте-ка пока вы на псарню мужика...»

Басни той мораль простая: шкуру волк свою спасая, спрятал клык и хвост поджал, с головы преступной стал на здоровую кивать. Ну, а немцы, впрямь сказать, все сродни такому волку. Как набили мы им холку, так они за лоб схватились, враз на хитрости пустились. И в берлогу пятясь раком, всем румынам и полякам стали так, брат, напевать: «Русы будут убивать, будут грабить все и жечь. Коль хотите дом сберечь, не пускайте русов в дом!»

Да не вышло проку в том. Нам народ повсюду рад, потому что наш солдат братьев польских не обидит — и поляк, брат, это видит. Не наживы русский ищет. По овчарням он не рыщет, со двора кола не тронет. Слышит он, как Польша стонет, под пятою немца смята. А ведь встарь еще когда-то, кто с тевтонами сражался, с одного котла питался, по одним шел бурекам — русский с чехом и с поляком. И теперь уж больше года войско польского народа по полям боев шагает, немцев бить нам помогает.

Так и мы ж поможем им. Будь он подданным любим — будь поляк он или чех — взгляд у нас один на всех: раз в неволе он лихой — помогать наш долг святой. Враг у всех у нас один, лозунг наш теперь един: «Добивай фашиста-зверя, раскрывай пред всеми двери к счастью, к мирному труду, привлекай убийц к суду».

И теперь уже поляки ни во чьи не верят враки, сами видят — русский воин благодарности достоин. Он пришел как избавитель, защищает их обитель и несет

всему народу счастье, благо и свободу. Честь твоя огромна в этом, но внимай моим советам.

Помогая братьям кровным, в поведении будь скромным, незаносчивым и честным. Помни: грубость неуместна, а неряшливость — позор, чести воинской укор.

Нет погон, пилотка смята — не похож ты на солдата. Каждым грязным сапогом, распоясанным ремнем ты срамишь себя и роту. Разве ж малую заботу проявляет наш народ, разве ж малый льет он пот, чтоб солдат был чист, опрятен, в каждом обществе приятен, вежлив, скромн, деликатен?!

Избавителя-бойца чтят народные сердца, за народ проливший кровь сыщут вечную любовь. Не порочь же честь солдата — сохраняй престиж свой свято!

Сохраняй добро народа

Вот, воюем мы, ребятки, и от нашей русской хватки подлый враг не раз дрожал. Вспомни, как фашист бежал, хвост поджав, из Украины. Наши чудо-исполины как ударят да нажмут — немцы в панике бегут. И тогда даешься диву, как их бьют и в хвост, и в гриву наши славные бойцы. И летят во все концы о победах наших вести, о военной нашей чести. И гремят в Москве салюты. И сквозь смерч свинцовый, лютый мы идем с тобой вперед. А повсюду нас народ с гордой радос-

тью встречает. Каждый в нас души не чаёт, каждый рад и благодарен, что от врага избавлен. И родных своих бойцов на руках носить готов, потому что знает, видит — русский воин не обидит! Из хозяйства, со двора не возьмет он и кола. Не в пример фашистским псам, он в беде поможет сам. С издавна был русский воин скромный, честный и достоин всенародной похвалы. Не слыхал о нем хулы никогда, никто вовеки.

Знай, что скромность в человеке ценит каждый и любой. Вся страна, мой друг, тобой потому так и гордится, что идешь ты с немцем биться, истреблять фашистских гадин не добра чужого ради — ради Родины своей, ради счастья всех людей!

Ты идешь на смерть за то, чтобы наш народ никто не посмел отныне грабить. И за то нас будут славить, что несем мы людям счастье, вырываем их из пасти кровожадного врага. Нам их воля дорога. Их добро, хозяйство, дом — все, что нажито трудом, честной сделано рукой, сохранить — наш долг святой!

В ряды воинов вступая и присягу принимая — честно Родине служить, ты клялся беречь и чтить все, что нажито народом. Так веди борьбу с уродом, коли есть такой среди вас, что небрежно подчас обращается с добром. Пусть сарай пригож на слом, пусть забор уж развалился, но над ним народ трудился, мы народу не враги, значит, щепку береги!

Не сыщи себе укора, чтоб ни пятнышка позора не ложилось на твою трижды славную семью!

Будь честным, доблестным в труде!

Садитесь, хлопцы, все гурьбой да потолкуем меж собой. Ну что гадаешь, не робей — с беседой будет веселей. Кто был знаком и не знаком — в беседе станет земляком, давно ль, недавно ль в части служит, беседа всех сведет и сдружит. А речь пойдет на этот вечер о тех, кто славою отмечен и, долг исполнив честно свой, вернется скоро в край родной.

Какому счастью там бывать — и слов не сыщешь передать! В селе родном иль на заводе тотчас пройдет молва в народе: «Вот, парень, дескать, был простой, а стал, смотрите-ка, герой!»

Раскроют двери старики, набьются в хату земляки и за бойца подымут чаши. А та, что всех милей и краше, всплакнет счастливою слезой и скажет: «Здравствуй, милый мой. Ждала тебя четыре года. Случались беды и невзгоды, но слез не знала никогда. Моя мечта неслась туда, где ты с оружием в руках в атаку шел врагам на страх. А нынче вот и не сдержалась». Ну что ж поделаешь — заждалась. Простить придется, как-никак не камень сердце, знает всяк. Пришлось немало пережить, но что о прошлом зря тужить. Свалилась с наших плеч гора, и счастьем вновь пришла пора.

Ударят сваты по рукам — не все же дочкам и сынкам сидеть по хатам в одиночку, играем свадьбу, да и точка!

Поздравят все счастливцев наших, и жизнь их будет мая краше.

Однако встреча, свадьба, ласки — все это радостно, как в сказке, но это, хлопцы, лишь полдела. Пусть будет счастье без предела, все ж помнить твердо нужно нам, что по дорогам и полям, по нашим селам и аулам прошел бушующим разгулом пожар войны, что враг лихой коснулся хищною рукой до наших фабрик и полей. И мы должны теперь скорей все раны эти залечить, чтоб мог народ наш снова жить счастливо, радостно, в достатке.

И уж придется нам, ребятки, немало с вами потрудиться, чтоб 'не оплошать, не осрамиться, чтоб и в тылу героем слыть, страны достойным сыном быть.

Еще Суворов сам когда-то сказал, что звание солдата, мол, знаменитое для всех. И слава наша не на смех слагалась долгими веками. Ты сам своими же руками приумножал ее в бою. Так береги же честь свою. Будь честным, доблестным в труде и помни всюду и везде, что ты, солдат, войны герой и первым быть — твой долг святой!

Наши герои

Письмо друзьям

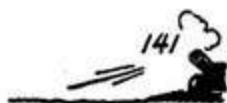
Письмо танкистов монгольскому народу,
построившему на свои средства танки для
Н-ской части.

*Монголы, слушай наше слово.
Танкисты вам дают ответ:
Громить фашистов нам не ново,
Наш путь — вперед! Иного нет.*

*За сердце Родины сражаясь,
Мы дни и ночи напролет
Сквозь чащу леса пробивались
И двигались вперед.*

*На ваших танках с новой силой
Пойдем фашистов бить в упор.
Мы наградим того могилой,
Кто к нам сюда пришел, как вор.*

*Спасибо вам, друзья монголы,
За вашу помощь в час лихой.
На ваших танках вражьи своры
Пойдем громить стальной рукой.*

На Берлин!

*Монгол и русский дружбой слиты,
Свободой дышат лишь одной.
Их пот и кровь в боях пролиты
За край свободный, край родной.*

*Могучий люд Страны Советов
Друзьям монголам руку жмет.
Примите тысячи приветов.
Привет вам каждый воин шлет!*

Боевая слава «Революционной Монголии»

В.И. Желтов прошел в составе танковой колонны «Революционная Монголия» победный путь до самого Берлина.

Шла суровая осень 1941 года. Фашистские войска рвались к Москве.

На подмогу защитникам советской столицы с Зауралья, из Сибири, с Дальнего Востока прибывали свежие воинские части, соединения. Среди них была и 112-я танковая дивизия. В свое время две ее бригады участвовали в боях на Хасане, Халхин-Голе. Героями тех сражений стали командир вновь созданной дивизии полковник Гетман, начальник штаба полковник Леонов и многие другие опытные танкисты.

...Вспоминается первый бой дивизии на подмосковной земле. Необходимо было прорвать линию вражеской обороны на нашем участке, однако перед нами стоял густой лес, пройти через который легким танкам не под силу, обходы же обстреливались гитлеровцами шквальным огнем.

Подъехал тогда к нашим позициям на машине комдив. Оценив обстановку, он подумал и приказал прорубаться через чащу, и сам, взяв топор, первым пошел делать проход для танков. Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев и скрыть наши планы, на ложном направлении имитировалось сосредоточение тяжелых танков. Для этого использовали тракторы-тягачи со снятыми глуши-

телями. Под рев тракторов танкисты прорубались через лес всю ночь, а с рассветом обрушились на фашистов из чащобы танково-десантной атакой. Выбить вклинившихся в его позиции закаленных в боях на Халхин-Голе танкистов враг не смог.

Небольшим был тот отвоеванный у врага «пятачок» родной земли. Но и по сей день памятна эта победа — первая на боевом пути 112-й танковой по фронтам Великой Отечественной войны.

Всю зиму, весну, лето и осень 1942 года дивизия, переформированная в бригаду, теснила отброшенного от Москвы врага. С боями встречала она и новый, 1943 год.

В январе 43-го, в дни короткой передышки под Наро-Фоминском, танкистов 112-й посетила делегация братской Монголии. Возглавлял ее маршал Чойбалсан. Монгольские друзья еще за год до этого приняли решение собрать средства на танковую колонну для сражавшихся тогда под Москвой воинов-дальневосточников, которые вместе с монголами бились за независимость их родины на Халхин-Голе.

И вот настал волнующий день церемонии передачи бригаде этих танков. Маршал Чойбалсан с обтянутой кумачом трибуны зачитывает решение правительства МНР о присвоении 112-й танковой бригаде (тогда уже Краснознаменной) наименования «Революционная Монголия». По поручению правительства он передает бригаде тридцать два танка Т-34. Поблескивая свежей краской, они стояли на платформах железно-

Командование 1-й Гвардейской танковой армии с гостями — посланцами трудящихся Монголии. Второй справа — М.Е. Катукوف

дорожного эшелона с надписями на башнях — «Сухэ-Батор», «Маршал Чойбалсан», «Хатан Батор Максаржаб»...

Перед боями начальник политотдела бригады Василий Трофимович Помазнев рассказал танкистам о тех героях, чьи имена начертаны на вверенных им танках. О Сухэ-Баторе, Чойбалсане слышали все, а вот о Хатан Баторе Максаржабе, например, танкисты, получившие танк с его именем, не знали.

— Соратник Сухэ-Батора, богатырь, которого, по народной молве, не брали ни копье, ни пули, — пояснил Помазнев.

На танке «Сухэ-Батор» воевал лихой комбат майор Боридько, на танке «Маршал Чойбалсан» — экипаж лейтенанта Леушина. В батальоне майора Орехова были танки «Хатан Батор Максаржаб», «Чекист Монголии», «Монгольский арат», «От интеллигенции МНР», «Совет Министров МНР» и другие.

Делегация МНР вручает 44-й Гвардейской танковой бригаде знамя. Март 1944 года

Одной из славных страниц в летописи бригады «Революционная Монголия» стало ее участие в сражении на Курской дуге. В первых же июльских боях 43-го у Верхопенья, в так называемой Долине смерти, батальон Боридько уничтожил девять «тигров», двенадцать средних танков, два самоходных орудия, тридцать пушек, свыше ста солдат и офицеров врага. Боридько первым в бригаде был удостоен высокой монгольской награды — ордена Боевого Красного Знамени. Всего бригадой за восемь дней боев было уничтожено семьдесят два вражеских танка, в том числе тридцать один «тигр». Полковник Гетман в Курском сражении был уже командиром корпуса, и командовал бри-

гадой бывший начальник штаба, Герой Халхин-Гола, полковник Леонов. За проявленный подвиг и героизм бригада была награждена монгольским орденом Боевого Красного Знамени. Победителем из схватки с пятью «тиграми» вышел в тех боях экипаж танка «Маршал Чойбалсан». Его командир лейтенант Леушин, механик-водитель старшина Токарев и стрелок-радист сержант Окунев были отмечены монгольскими орденами.

Экипажем «дружбы народов» называли в бригаде танкистов старшего лейтенанта Маслова. Сам Маслов был русский, механик-водитель Наумов — тунгус, заряжающий Беккуров — осетин, башенный стрелок Бондарь — украинец. Ну, а их машина — дар монгольских братьев.

Особое задание получил экипаж Маслова в первых же июльских боях: перекрыть дорогу, по которой фашистские «тигры» пытались обойти позиции бригады.

Тактику боя отработали заранее. Исходили из того, что тяжелый «тигр» неповоротлив, а Т-34 — маневренен. Следовательно, пока «тигр» развернется, на «тридцать четверке» можно с короткой остановки успеть выстрелить и тут же уйти в укрытие, чтобы затем появиться в новом месте и проделать то же самое. Именно так действовал экипаж Маслова. Не прошли «тигры» на его участке в обход бригады. Три танка масло-вцы подбили, а остальные, пятась, поспешно отошли. За этот бой весь экипаж был удостоен советских и монгольских правительственных наград.

В конце июльской битвы осколок снаряда смертельно ранил комбрига полковника Леонова. Командование принял начальник штаба бригады подполковник Гусаковский. Будучи раненым, с забинтованной рукой, он сам повел батальоны в наступление.

Бригада за те незабываемые бои 43-го года была удостоена звания Гвардейской и переименована в 44-ю...

Яркой страницей на боевом пути бригады стали бои за украинский город Бердичев. Мужеством и храбростью отличился в тех боях на танке «Монгольский чекист» гвардии лейтенант Петровский, ставший потом Героем Советского Союза, генералом.

Одно время фашисты объявляли по радио для своих летчиков: «Внимание! В воздухе Покрышкин!» Это о легендарном советском летчике. Примерно так же оповещали по танковым рациям друг друга гитлеровцы, когда на поле боя появлялся «Монгольский чекист». Двумя меткими залпами по головной и задней машине застопорил однажды Петровский целую колонну вражеских автомашин и орудий, а затем, воспользовавшись минутным замешательством врага, при поддержке танка «От промокооперации МНР» огнем и гусеницами уничтожил сразу тридцать автомашин, десять пушек, сто пятьдесят вражеских солдат и офицеров.

Так же по-геройски громил вражеские ряды воевавший на танке «От интеллигенции Монголии» гвардии лейтенант Самыш-

кин. «Будут фрицы уважать интеллигенцию Монголии», — шутили тогда в бригаде.

Бесстрашно и дерзко действовал в боях за Бердичев батальон гвардии майора Орехова. Штурмом прорвались ореховцы сразу к центральной площади города. Опомнившись от замешательства, гитлеровцы бросили против прорвавшегося батальона чуть ли не целую дивизию. Лишь превосходившими по численности силами они сумели окружить ореховцев, но заставить батальон отойти не смогли. Пять суток фашисты держали шквальным огнем танкистов в машинах, а приданный батальону десант — под танками. С десантниками батальона был тогда и начальник политотдела бригады Помазнев. Никогда не забыть ему этих пяти суток.

— Что не было у нас пищи — полбеда, — вспоминал он. — Хуже с водой. Запасы во флягах иссякали, и мы слизывали проступавший по утрам на камнях мостовой иней, тем и спаслись от истязавшей жажды.

У батальона кончались боеприпасы. Особо рьяно обстреливали гитлеровцы танк комбата Орехова «Совет Министров МНР». Вся его броня была исполосована осколками снарядов, но рация в нем еще работала. Орехов решил на последнее: он вызвал на себя, на занимаемую батальоном площадь, шрапнельный огонь своих орудий. Только так можно было еще сдержать на какое-то время наседавших со всех сторон фашистов.

Связь с командованием бригады стала прерываться. Но из обрывков ответа комбрига он понял: у стен города стоят готовые

прийти на выручку батальоны Боридько и Карабанова. Но как им прорваться к занятой Ореховым площади? Как разведать возможные проходы через развалины домов? Прорыв ночью без проводника, вслепую, обречен на провал.

Орехов обратился к саперам-десантникам. Добровольно вызвался разведать подходы гвардии старшина Янченко. Проскользнуть через цепи фашистов даже ночью было невероятно трудно. Янченко решил проползти в белом маскхалате по льду реки. Местами, где лед был разбит снарядами, ему приходилось плыть в ледяной воде. От ударившего ночью мороза вся одежда на старшине превратилась в гремящий, как доспехи рыцаря, ледяной панцирь. Выбравшись на окраину города, Янченко обнаружил, что здесь почему-то не было фрицев. И тут же понял: подтаявший снег обнажил множество противотанковых мин — 50 штук он сам разминировал. Здесь и прошли на выручку батальону наши танки.

Увидев потом своего десантника в ледяном панцире, Орехов удивился: «Как же ты выжил?» — «Надо было выжить, товарищ гвардии майор, вот и выжил», — услышал он в ответ.

Время не стирает из памяти подвиги танкистов «Революционной Монголии». О них помнят и те, кому довелось пройти сквозь огненные годы Великой Отечествен-

ной войны, и те, кто знает о войне из книг и по кинофильмам.

Неподалеку от мест первых боев бригады в подмосковном городе Чехове при средней школе № 1 создан музей боевой славы бригады «Революционная Монголия». В том же городе в память о павших танкистах воздвигнут монумент — легендарный Т-34, установленный на пьедестале.

Газета «Новости Монголии», 24 февраля 1982 г.

Сталинская похвала

(Отрывок из поэмы «Полковник»)

Он шел в солдатском полушубке
С драгункой старой на спине.
Тянулся дым из тонкой трубки.
Подсумок, фляга на ремне...
Металл свистел над полем боя.
Тот бой судьбу страны решал —
Уже на землях Подмосковья
Гудериан в ту ночь стоял.
Но вот полковника с драгункой
Нагнал боец среди села
И доложил, застыв, как струнка:
— К прямому вас зовет Москва.
Свернув с проторенной дорожки,
Село полковник миновал,
Вошел в холодную сторожку
И торопливо трубку снял.
Знакомый голос слышит он:
«Был только что я у наркома...»
И вдруг кремлевской башни звон —
Часы пробили полшестого.
А голос внятно продолжал:
«Доволен вами очень Сталин,
Богатырями всех назвал,
Хвалил за то, что устояли...»
И слово каждое сквозь вой
Свинцовой вьюги долетало,
Врывалось в сердце, как прибой,
И песней радости звучало.
Над лесом встал уже рассвет.
Полковник вышел на дорогу.
— Нет, не сдадим Москвы мы, нет! —
Промолвил, сгорбившись немного...

*И вот уж он стоит на танке,
Вокруг него буран вихрит.
Окинув строй, вдруг снял ушанку.
— Орлы, — солдатам говорит, —
Вы честь себе завоевали.
За то пред вами шапку снял,
Что сам Нарком — товарищ Сталин —
Богатырями вас назвал.
Что есть превыше этой чести?
За словом Сталина — народ!
Так нам ли снег топтать на месте?
Даю приказ — идти вперед!*

*Пошли... Гремит, бушует бой,
Слились разрывы в дикий вой,
Свинец по снегу строчки пишет,
Но каждый помнит, каждый слышит:
«За то я шапку снял пред вами,
Что вас назвал богатырями
Товарищ Сталин и народ!» —
И, смерть презрев, идет вперед.*

*Но вот преграда — дот врага.
В ложбине рота залегла.
— Прощай, земляк, — боец сказал
И руку друга крепко сжал.
— Умрешь, Иван, ужель охота?
— Умру один, прорвется рота!
Иван подполз, Иван встает
И грудью падает на дот.
Предсмертный блеск в его очах
И слово «Сталин» на устах.
Оно бойцов на штурм ведет.
Вот с ним другой под танк ползет.
К груди прижал он две гранаты,
Вот пальцы рук его разжаты,*

У сердца грянул мощный взрыв.
В последний раз глаза открыв,
Он, умирая, шепчет: «Сталин».
Смертельно танк врага ужален.
Еще один бросок вперед —
И рота в рост уже встает.
Гремит победное «Ура!» —
Отвага русская взяла.

Спустился вечер сизой дымкой,
В сторожке светится коптилка.
С лица смахнувши черный пот,
Полковник трубку вновь берет:
— Алло... Центральный, штурм, Москва...
(С трудом слетают с уст слова.)
— Отброшен враг, иду на Тулу!
Уже не слышно битвы гула.
Идут по городу бойцы,
Победы славные творцы.
Они прошли в огне суровом,
Неся в сердцах своих два слова,
Что их в атаку поднимали.
Два слова тех — «любимый Сталин».

А.Л. Гетман

Поэма «Полковник» посвящена Андрею Лаврентьевичу Гетману, командующему 112-й танковой дивизии, прибывшей с Дальнего Востока осенью 1941 года. Он воевал на Хасане, Халхин-Голе и во время боев в Подмоскowie показал себя талантливым полководцем. Впоследствии командовал прославленным 11-м Гвардейским танковым корпусом, стал Героем Советского Союза, вырос в звании до генерала армии и на всем своем боевом пути проявлял ярчайший талант военачальника.

Ю. С. Соколов

Отец и сын

Посвящается Герою Советского Союза
Юрию СОКОЛОВУ

*Выл свинец и кони ржали,
Шашки змеями сверкали,
Мчались конники лихие —
Усачи и молодые —
По степям, вдоль буераков,
Гнали прочь белополяков.*

*Сумрак наземь уж ложится,
Ночь спустилась черной птицей.
Кони, люди задремали —
Эскадроны на привале.*

*Но не дремлет подлый враг,
Он тайком, за шагом шаг,
Пробирается в тиши
По степной ночной глуши.*

*Вот уж он со всех сторон.
Грянул бой — и снова стон,
Снова все вокруг грохочет,
Едкий порошок горло точит.
День прошел, закат пылает,
Битвы гром не утихает.
Вдруг среди горящих нив
Разнеслось — «Убит комдив!»*

*Ночь, расправив крыльев ширь,
Вновь спустилась. Спит ковыль.
Но не дремлют эскадроны,
У раскинутой попоны
Стяг дивизии склонили,
Прах в могилу опустили...
Не забудь, родимый край,
Их последнее «прощай».
Снял папаху с лентой алой
Командир полка удалый
И сказал:
— Комдив наш, братцы,
Дал наказ нам не сдаваться.
Чужда русскому неволя,
Так играй, горнист, «по коням» —
Иль свобода, или смерть!*

*Прозвучала горна медь
Трелью бисерной проворной.
В бой помчались эскадроны,
В мыльной пене удила,
Вот уж грянуло: «Ура!»*

*Вот и польские траншеи.
Засверкали шашки-змеи.
Миг, другой — и враг бежит,
Степь от топота дрожит.
Впереди всех с лентой алой
Командир полка удалый,
Конь под ним ретив и лих...*

*Но прервись на этом, стих,
Дай годам пройти немалым.
Под советским флагом алым
Расцветал Союз могучий,
Пока вновь свинцовой тучей
Не нагрянула война.
Поднялась на бой страна.*

*Поседевший генерал
Сына-воина обнял,
Слез не выронил из глаз,
Только дал ему наказ:
— Был я конником когда-то,
Знал одно я твердо, свято:
Шашка в ножны не кладется,
Пока сердце твое бьется,
Пока есть хоть капля крови! —
Молвил он, нахмутив брови.
Проводил отец... И вот —
Сын-танкист пришел на фронт.*

*Степь молчит, и ночь тиха —
Тишина в тылу врага.
Вот железная дорога
Протянулась по-над логом.
Паровоз, столбы считая,
Шпалы тяжестью вминая,
Тянет танков эшелон,*

*А в саду — готов заслон.
Сын седого генерала
Ждет момента для начала...*

*Развернулся танк на месте,
Паровоз на перекрестье,
Выстрел — искры, пар и дым,
Плотным облаком седым
Все вокруг обволокло,
Затуманилось стекло.*

*Вражьи пушки развернулись,
Залпом злобно огрызнулись,
Засвистел болванок град —
Вкруг заслона суций ад...*

*Но герой стоит на месте,
Танк восьмой на перекрестье.
Помнит сын наказ отца,
И смертельный шквал свинца
Не страшит его нимало,
Слышит голос генерала:*

*«Шашка в ножны не кладется,
Пока сердце твоё бьется,
Пока есть хоть капля крови!»
И опять по вражьей своре
Бьет из пушки воин славный...*

*Злись, беснуйся, враг коварный,
Ты силен, но ты умрешь,
Здесь могилу обретешь,
Потому что здесь, у вала —
Сын седого генерала!*

Из истории части

В конце 1943 — начале 1944 были освобождены города Житомир, Новоград-Волынский, Белая Церковь, Бердичев и другие. Наступавшие в составе ударной группировки фронта войска 38-й и 1-й танковых армий теснили врага в направлении Винницы. Противник имел задачу отбросить наступавших на Винницу, обеспечить окончание работ по подготовке оборонительного рубежа по реке Южный Буг, а в дальнейшем нанести контрудар в северном направлении.

Разгадав замыслы врага, командование фронта обеим армиям поставило задачу: наступлением на винницком направлении разгромить вражеские резервы и парализовать их дальнейшую переброску.

...Умело обходя опорные пункты противника, передовой отряд 45-й Гвардейской танковой бригады в составе батальона автоматчиков и танковой роты стремительно двигался к железной дороге южнее Винницы. Первым прорвался к железнодорожному полотну в районе деревни Янков танк лейтенанта Ю.С. Соколова с группой разведчиков на броне. Поставив машину в засаду, танкисты совместно с разведчиками взорвали несколько участков железнодорожной линии. В это время они увидели вдали дымок паровоза. Вскоре из-за поворота показался состав. Он шел со стороны Жмеринки к Виннице. В голове и хвосте эшелона — вагоны с солдатами, в середине — девять платформ, груженых самоходными орудиями.

*44-я Гвардейская танковая бригада
«Революционная Монголия» на марше*

Лейтенант Соколов принял решение уничтожить эшелон. Дождавшись нужного момента, он первым выстрелом пушки разворотил котел паровоза. С шумом вырвался пар. Тяжелый состав, пройдя по инерции еще несколько метров, остановился. А выстрелы следовали уже один за другим. Пламя охватило вагоны и платформы. Фашистские солдаты и офицеры выскакивали на землю. Многие из них тут же были уничтожены огнем пулемета и автоматов. Но значительное число гитлеровцев уцелело, и они начали окружать танк. Экипаж и разведчики заняли круговую оборону. Кончились боеприпасы. Казалось, врагу удастся расправиться с горсткой смельчаков, но в самый критический момент подоспели остальные танки роты. Экипажи ее командира старшего

лейтенанта А.И. Мазалова, а также лейтенантов В.Н. Максакова, Петрова и других с ходу вступили в бой и довершили начатый танком Соколова разгром вражеского эшелона.

В результате этих смелых действий было уничтожено свыше трехсот вражеских солдат и офицеров, а также пять самоходных орудий. Прорывом к железной дороге Жмеринка — Винница движение по ней было прервано на трое суток.

К исходу дня передовой отряд 45-й Гвардейской танковой бригады прорвался к Ярышевке и с боем захватил в районе этого населенного пункта переправы через Южный Буг.

За проявленные доблесть и отвагу участники этого боя были награждены орденами и медалями, а лейтенант Ю.С. Соколов удостоен звания Героя Советского Союза.

Продолжались бои в том же районе. 10 января противник начал выдвигать крупные силы со стороны Винницы и из района южнее Жмеринки. Мы же располагали там лишь ослабленными в боях передовыми отрядами. В результате уже в тот день передовые отряды подверглись первым вражеским контратакам. Однако, усилия противника отбросить наши части от Южного Буга не увенчались успехом. Переправы остались в руках советских воинов. В боях, продолжавшихся весь день, гитлеровцам был нанесен немалый урон.

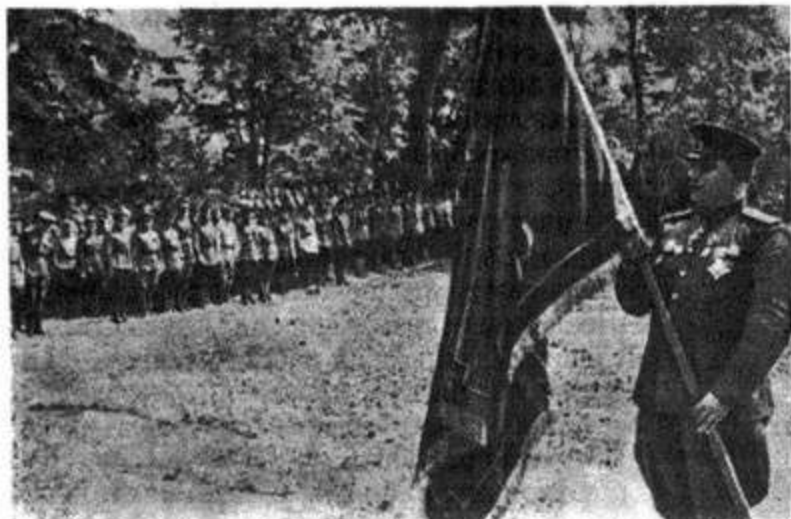
Умелые и отважные действия передовых отрядов получили высокую оценку. Весь их

личный состав был удостоен правительственных наград, а механику-водителю танка В.М. Гинтовту, заменившему командира — старшего лейтенанта А.И. Мазалова, павшего смертью храбрых в боях за переправу, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Еще более ожесточенными были бои 11 января, когда противник бросил в контратаку две группы пехоты с сотней танков. Этим он не только воспрепятствовал выходу наших главных сил к Южному Бугу, но и поставил в тяжелое положение передовые отряды обоих наступавших корпусов. Им был дан приказ отступить.

Отходили с боями в исключительно сложных условиях. Нередко прорывались через заслоны обходившего нас врага. Не раз контратаковали. Умело маневрируя, наши танки небольшими группами с десантами автоматчиков заходили во фланг и в тыл наступавшего противника и внезапными ударами дезорганизовывали его действия. Трудно перечислить всех отличившихся в этих боях воинов корпуса. Например, экипаж танка лейтенанта В.Н. Максакова, геройски сражавшийся во время наступления, продолжал громить врага и в дни отхода. Только с 14 по 17 января он уничтожил три вражеских танка, из них два «тигра». Все члены экипажа получили высокие награды, а их командиру было присвоено звание Героя Советского Союза.

В истории части отмечен еще один герой по имени Юрий Соколов. Его часто путают с Героем Советского Союза Ю.С. Соколо-

*После боев на Курской дуге. Вручение 11-му
Гвардейскому танковому корпусу Гвардейского знамени*

вым. Оба герои, но первый из них погиб очень рано — в девятнадцать лет — в жестоких боях в 1943 году на Курской дуге. Друзья героя написали его матери письмо.

«Мы, друзья и боевые товарищи Юрия Соколова, вместе с Вами глубоко переживаем тяжелую утрату. В жестоких боях с врагом погиб замечательный патриот нашей Родины, отважный комсомолец, верный друг и товарищ, Ваш сын — Юрий Соколов.

Вы можете гордиться Юрием. Он пал смертью героя и заслужил вечную любовь нашего народа. В тяжелом бою Юрий Соколов вел себя достойно и храбро и не уронил чести русского офицера и гвардейца. Его экипаж в открытом бою с численно превосходящими силами противника уничтожил широко рекламированный нем-

цами тяжелый танк «тигр» и один средний танк. Юрий был одним из тех, кто грудью своей преградил путь врагу, сорвал его коварные планы. В своей записной книжке Юрий писал: «Мне не страшно умереть, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ».

Юрий ненавидел всей душой, всей своей молодостью заклятого врага. Он рассчитался с ним сполна. Мы, его товарищи-гвардейцы, обещаем за смерть нашего любимого комсорга отплатить врагу потоками его черной крови. Мы это сделаем.

Крепко жмем Ваши руки. Боевые товарищи Юры».

В ответ на это письмо мать Соколова писала: «Дорогие друзья и товарищи моего сына Юрия Соколова!

Получила ваше соболезнование. Потеряла я сына, мою гордость. Все девятнадцать лет его жизни приносили мне только радость и утешение...

...Я была уверена, что и на ратном поле сын мой будет передовым офицером. Юрий писал мне, что счастлив и гордится тем, что служит в провозглашенной гвардейской части. Немецкая погань вырвала у меня моего Юрия. Нет в ваших рядах смелого и отважного офицера. Отомстите, товарищи-гвардейцы, за смерть Юрия, мстите извергам за наших павших героев-гвардейцев.

Опишите, как погиб друг и товарищ Юрия — Вова Шаландин, с которым они вместе закончили училище. Он дорог мне, как и мой Юра, как и все вы, наши советские воины.

Желаю Вам успеха. С приветом — мать Юрия Соколова — О.Г. Соколова»

Вот как погиб Владимир Шаландин

Жестоко обстреливали немцы массированным артиллерийским огнем и бомбардировали при помощи авиации один из наших оборонительных рубежей. Двинувшись в атаку, немецкие танки с ходу открыли огонь. Впереди шли «тигры». Танк гвардии лейтенанта Шаландина метким огнем поджег три немецких танка. Немцы поспешно повернули назад, но, перегруппировавшись, снова бросились в атаку.

Немецкие танки зашли во фланг роте гвардии капитана Бочковского. Перед комсомольским экипажем Шаландина встала задача принять на себя удар врага и защитить своих товарищей.

Танк Шаландина смело бросился в атаку и, стреляя с ходу, метко бил по врагу. Но немецкий снаряд поджег его.

Когда после боя танкисты отыскивали сгоревшую «тридцатьчетверку», они увидели в ней обуглившийся труп Володи Шаландина. Герой сидел в танке, склонившись за пушкой.

П.И. Орехов

Майор Орехов

Шел огненный 1941 год. Над красной столицей нависла угроза. По мерзлой земле Подмосковья алчно рыскали немецкие танки. В небе кружились стаи «стервятников».

В эти горячие дни и прибыл на фронт молодой офицер Петр Орехов. Воспитанный на лучших традициях танкистов-дальневосточников, он отличался исключительной военной четкостью и выучкой. Все это сочеталось с проникновенностью в отношениях со своими подчиненными. И каждый воин его роты гордился своим талантливым командиром.

...В те дни земля и небо дышали зноем. Пыль разъедала потные лица. Едкая гарь точила горло. Десятки километров русской земли были объаты свирепым огнем сражений.

Офицер Орехов был впереди — в боевых порядках своего подразделения. В панораме танка ему хорошо были видны бугор и волнистое море ржи, превратившиеся в целое кладбище горелых немецких танков. Подразделение Орехова уничтожило уже около трех десятков этих бронированных гадин, но враг упорно лез напролом.

На дымном горизонте показалась новая партия вражеских танков, раза в три превосходящая по силам подразделение Орехова. Наступила решающая минута. Орехов смело выдвинулся вперед и метким огнем лично уничтожил шедшего впереди «тигра». Следуя примеру своего командира, танкисты стремительным броском вперед и умелым маневром на поле боя отбили и эту атаку.

Новый, 1944 год пришел к нам в самый разгар зимнего наступления Красной Армии. Подразделение Орехова вновь совершило героический рейд в тыл неприятеля, отрезая ему пути отхода...

Ожесточенно сопротивляясь, немцы закрепились в городе. Всесокрушающей лавиной танкисты Орехова ворвались в самое сердце города. Пять непрерывных дней и ночей разъяренные фашисты осаждали смельчаков, но танкисты Орехова превратили свой четырехсотметровый плацдарм в неприступную крепость, разделявшую оборону противника в самой ее середине.

Слава русскому офицеру — герою Петру Орехову! Слава его доблестным воинам-танкистам! По праву гордятся они своим командиром. Такими, как он, гордится Родина!

Из истории части

Танковые батальоны гвардии майора Орехова и гвардии капитана Карabanова, достигнув предместий города Бердичев, совершили короткий артиллерийский налет по обороне противника и, продолжая вести огонь, с ходу ворвались в город.

Немецкое командование немедленно подбросило в город свои резервы и, не считаясь с потерями, повело бой на окружение. Утром 31 декабря противнику удалось замкнуть кольцо вокруг ворвавшихся в город батальонов майора Орехова и капитана Карabanова.

В руках наших танкистов осталась одна городская площадь не более четырехсот метров в диаметре. На этом куске земли гвардейцы, осаждаемые со всех сторон противником, продержались пять суток. Тяжелыми были эти дни. Танки противника нередко подходили к площади на расстояние 30—40 метров, но танкисты, искусно маневрируя за домами, смело и решительно контратакуя врага, неизменно побеждали его своей богатырской стойкостью, умением, мужеством и отвагой.

Наивысшего напряжения бой достиг 3 января 1944 года. В этот день на крышах домов появились немецкие пулеметчики. На площади невозможно стало передвигаться даже ползком. На улицах появились «тигры».

Под прикрытием их огня двигались большие группы автоматчиков.

Майор Орехов обратился по радию ко всем экипажам с призывом стоять насмерть. Выстроив свои танки в каре, гвардейцы приняли бой. Первым огонь открыл лейтенант Субач. Находясь в засаде, он заметил, что к мосту подбирается группа немецких саперов с толом. Меткой пулеметной очередью он скосил гитлеровцев, не дав им заложить взрывчатку. В это время справа появилась «пантера». Маневрируя за постройками, она подошла к танку Субача на расстояние около двухсот метров. Находчивый танкист немедленно сдал назад, проломил стену деревянного сарая, вышел «пантере» во фланг и зажег ее первым же снарядом. В двухстах метрах от танка Субача, на перекрестке двух улиц стоял другой наш танк. Он был подбит немцами три дня назад. Из экипажа невредимым остался только радист — гвардии младший сержант Беликов. Несмотря на контузию, он не покинул своей машины и в течение трех суток непрерывно отбивал атаки нападающих на него танков и автоматчиков врага. За это время он уничтожил одну немецкую пушку, тринадцать автомашин и более тридцати солдат и офицеров. Теперь немцы двигались на него одновременно по двум улицам. Но гвардеец продолжал отбиваться. Короткие очереди его пулемета вынуждали гитлеровских автоматчиков прятаться. Весь день пытались фашисты подползти к советскому танку, но все их попытки оставались безуспешными.

Так же стойко обороняли свои рубежи и многие другие.

Когда танкам противника удалось прорваться к площади, гвардии старшина Миронов по узким переулкам города вывел свою машину в тыл наступающим немцам и внезапным налетом сорвал их атаку. Весь этот день старшина Миронов действовал в тылу врага и уничтожил одну «пантеру», десять автомашин, четыре пушки и около тридцати немецких солдат и офицеров.

Один танк, находившийся в засаде, немцам удалось подбить. Командир, механик-водитель, башнер были ранены. Гитлеровцы окружили машину и предложили экипажу сдаться в плен. В ответ на это радист Новиков открыл пулеметный огонь. Вскоре он оттеснил немцев и быстро исправил машину. Опомнившись, гитлеровцы вновь бросились к танку, вскарабкались на броню, но гвардеец резким разворотом башни сбил их с танка, отвел машину в укрытие и вновь обрушился на фашистов меткими очередями своего пулемета.

Весь день немцы пытались захватить площадь, на которой находились гвардейские танки. С наступлением сумерек к площади подошел «тигр» и, укрывшись за домами, открыл методический огонь. Тогда сапер Кальченко взял три противотанковые гранаты и, пробравшись к «тигру» под шквальным пулеметно-автоматным огнем, взорвал его, уничтожив при этом весь экипаж. В полночь немцам удалось ворваться на площадь.

Орехов вызвал на себя огонь нашей артиллерии, затем гвардейцы бросились врукопашную. И атака врага была вновь отбита.

Г.С. Петровский

Кончались боеприпасы, но тут к площади прорвались наши наступавшие части. За один только день гвардейцы Орехова и Карабанова уничтожили девять немецких танков, семь самоходных орудий и более двухсот пятидесяти солдат и офицеров противника.

За время Казатинско-Жмеринской операции 1-я танковая армия нанесла противнику большие потери в живой силе и технике. Родина высоко оценила стойкость и массовый героизм личного состава 44-й Гвардейской танковой бригады. В приказе Верховного Главнокомандующего от 5 января 1944 года ее воинам была объявлена благодарность. Бригада полу-

чила почетное наименование Бердичевской. Ей в числе других соединений, освобождавших город, в тот день салютовала столица нашей Родины — Москва. Почти все воины бригады были награждены орденами и медалями. Командиру 2-го танкового батальона майору П.И. Орехову и командиру взвода лейтенанту Г.С. Петровскому были присвоены высокие звания Героев Советского Союза. Они, а также капитан А. А. Карабанов, майор Ф.И. Боридько и многие другие офицеры бригады стали кавалерами ордена Красного Знамени Монгольской Народной Республики. За доблесть и мужество комсомолец младший сержант П.А. Беликов был награжден орденом Славы 3-й степени.

Во имя Родины

В этот вечер, как и всегда, в ленинской комнате собрались почти все бойцы и сержанты подразделения. Кто-то из молодых бойцов прочитал вслух написанные на кумачовом щите слова присяги: *«Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом».*

— Только это правильно понимать надо, — вступил в разговор старшина Янченко.

— Что? — не понял молодой боец.

— А вот эту фразу: «Не щадя своей крови и самой жизни», — пояснил старшина. — На

войне подчас кажется, легче умереть, а надо жить. И если уж отдавать свою жизнь, так не задаром.

Помню ворвались мы в Бердичев. И пока уличные бои вели, немцы нас обошли и отрезали. В наших руках осталась одна городская площадь — не более четырехсот метров в диаметре. Справа, за домами, — немецкие «тигры», слева — артиллерийская батарея, а на крышах кругом автоматчики. Голову поднимаешь, по тебе сразу же со всех сторон огонь открывают. А ночью, проклятые, как только слышат разговор где-нибудь, так по звуку и начинают строчить, не жалея ни патронов, ни времени.

Четыре дня лежали мы на этой площади. Есть не хочется — еда на ум не идет, а пить — кажется, бочку бы выпил. И до колодца рукой подать, да немцы сдвинуться не дают с места. Кто руками, кто штыком выкопал себе окоп, чтобы от пуль укрыться, и сидели. Губы у всех от жажды потрескались. Иней с камней слизывали. Умереть было бы легче, чем жить, перенося такие муки, да нет тебе на то права, чтобы умереть. До последней крайности жить должен — вгрызться зубами в завоеванную землю и не отдавать ее врагу — чего бы это ни стоило.

Связи у нас не было. Стали наш город обстреливать. Смотрим, пристреливаются как раз по нашей площади. Ну, сами понимаете, дело — табак. Как работает наша артиллерия — известно. Командир наш, майор Орехов, и спрашивает: «Кто возьмется пробиться к нашим?» Дай, думаю, попробую. На войне всякое бывает: иной раз пилотка

как решето делается, а ты жив и невредим, а иной раз и куском земли пристукнет так, что не встанешь.

Прихватил я с собой гранат штук пять и с двумя автоматчиками пошел. А ночь — ни зги не видно. Ползем прямо по речке. Поверх льда вода уже пошла. Немцы-то, думаем, народ квелый, насморка боятся, на реке в обороне лежать не будут. Ползем, пальцы на руках заостенели, тельняшки, брюки, валенки — все насквозь мокрое, хоть выжимай. Вот и судите сами, что было легче — умереть или жить? Да нет, думаю, умереть — полдела. К своим обратиться да товарищей выручить — вот что должен я сделать и для этого обязан все перетерпеть и остаться в живых.

Подползаем мы к мосту. И вдруг слышим: «Хенде хох». Этого еще не хватало. Попали, значит, прямо к немцам в лапы. Вскочил я на ноги, метнул две гранаты, слышу, немцы коваными сапогами по льду затопали — разбежались кто куда. Мы вперед... И прорвались!

Приходим к своим. Так, мол, и так — пока держимся. Ну, говорят, герои вы, богатыри, а мы, дескать, танки к городу подтягиваем, утром в атаку пойдем, не знаем только, свободна ли дорога.

Не по себе мне стало. Товарищи там, думаю, муки переносят, а я вот даже и дороги к ним показать не могу.

Хлопцы меня в хату зовут, переодеться предлагают «Простудишься, — говорят, — разве зимой холодные ванны принимают?» А мне не до шуток. Доложил я все, что знал о противнике, и пошел назад — дорогу решил разведать.

Тельняшка на мне замерзла, скрипит, того и гляди немцы услышат. Решил ползти. Проползу по дороге метров двадцать и поперек раза два пошарю, нет ли мин.

Подполз к немцам уже метров на пятьдесят, слышу, как они в траншеях по-своему лопочут. Присмотрелся и вижу — впереди меня вся дорога в черных точках. Снег за день стаял, и мины все оголились.

Всю ночь ползал я по дороге перед самым носом у противника, пока все мины не вытащил. Тогда вернулся к командиру и доложил, что дорога разминирована.

Через час танки двинулись в атаку. А немцы не беспокоятся — «впереди, дескать, минное поле». Только через это минное поле наши танки полным ходом прогазовали. Подхватились немцы и бежать. На первом танке я приехал к Орехову. Пожал он мне руку, хотел по плечу похлопать, а на мне тельняшка, как из камня сделана. «Ты, — говорит, — словно пушкинский «Каменный гость». Марш в санчасть и без записки от врача о том, что не простудился, назад не возвращайся».

Что же будешь делать — приказ есть приказ. Пошел за запиской. Принес и докладываю: «Товарищ гвардии майор, гвардии старшина Янченко здоров»!

— Живуч, — говорит, — ты, парень, на диво.

— Надо было жить, — отвечаю ему, — потому и выжил.

Так и с присягой. Жизнь отдать за Родину — это благородно, но отдать ее можно по-разному. Поэтому уж если требует от тебя этого обстановка, пусть дорого заплатит враг за твою жизнь!

В.Н. Максаков

Рождение героя

Посвящается Герою Советского Союза
Владимиру МАКСАКОВУ

*Одна лишь ветхая сторожка
В лесной заснеженной глуши
Да к ней прорытая дорожка
Смогли б поведать, как в тиши
Трещал мороз сухой и колкий,
Как выли волки за бугром,
Когда, щекой прильнув к двухстволке,
С утра покинув отчий дом,
Владимир долгими часами
Удачи миг в азарте ждал,
И каждый шорох за кустами
В нем трепет сердца пробуждал.*

*А там в селе, у края лога,
Ждала его с тревогой мать.*

*И, встретив сына у порога,
Не смела долго укорять,
Подчас лишь молвила: «Бесстыжий,
Как ни корми, все смотришь в лес!»
И, взяв у сына сумку, лыжи,
Сама несла их под навес.*

*В избе Владимира встречали
Сам дядя Федя и отец,
И, как всегда, спросив вначале:
«С чем возвратился наш ловец?»,
Сажали мальчика с собою
И рассуждали до утра —
Охота с луком и стрелой,
Псари Великого Петра,
И чья пушнина встарь ценилась,
И где зимой живет енот...
Ну, словом, тем там находилось —
Не исчерпать за целый год.*

*И так текли под отчим кровом
Володи юные лета,
Пока над мирным Алтуховом
Не пролетело штук до ста
Крестатых желтых самолетов.
И мать, тревогою полна,
Смахнув слезу полой капота,
Сказала с ужасом: «Война!»*

*Позамело все те дорожки
В орловских чащах и лесах.
Теперь Владимир не в сторожке
И не с двустволкою в руках —
В советском танке с пушкой грозной*

*Чрез ширь украинских степей
Шел ночью ветрено-морозной
На смертный бой среди огней.*

*В безбрежном пестром небосводе
Косилась яркая луна.
И что припомнилось Володе,
Быть может, знала лишь она:
В пыли мелькающие тени
Фашистских танков за селом,
Огнем охваченные сени
И плач малютки за окном,
Под крик взведенные затворы
Иль посиневший женский труп,
Три дня качавшийся у школы,
Ужасный рот, лишенный губ.*

*Иль, может быть, отцово слово:
«Володя, знай, твоя семья
Лишилась хлеба, счастья, крова.
За это буду мстить и я,
И мать, и сестры—все, сыночек,
Мы здесь останемся в лесах
(Побольше б только темных ночек).
А ты на совесть, не за страх,
Им отомстишь вдвойне, я знаю,
Их зло искупит лишь свинец.
И бей ты эту волчью стаю,
Как бил когда-то твой отец!»*

*Вихрит за танком снег колючий,
Морозный ветер лижет бронь,
Ревет мотор стальной, могучий,
Несется в бой стоногий конь.*

Он дышит ровно, полной грудью,
И не страшит его буран,
Ему знаком оскал орудий,
Знаком и яростный таран.

И мчится он простором снежным,
Штурмуя ветер на лету.
Глотая жадно воздух свежий,
Владимир смотрит в темноту.
Вдали чуть слышен звон вечерний,
А где-то там грохочет бой.
Но вот он видит у деревни
Машин и пушек плотный строй.
— Вперед, механик, цель правее! —
Вскричал Владимир. — Полный газ!
«Смотри, отец, смотри скорее,
Как сын исполнит твой наказ!»
Машина врезалась в колонну,
Как конь, поднятый на дыбы,
И затряслась земля от стонов,
От лязга стали и пальбы.
Во прах броней все обращая,
Могучий танк огнем дышал.
«Ты отомстишь вдвойне, я знаю!» —
Как клич Владимир повторял.

Луна по-прежнему косилась,
Машина мчалась по полям,
И небо черное искрилось
Огнями вспышек там и сям.
Но вот в степи блеснули змейки
Гигантским росчерком пера,
Как будто кто-нибудь из лейки
Пролил две струйки серебра.

— Вот та железная дорога, —
Сказал герой своим друзьям, —
Стоять мы будем здесь, у лога,
Пока придут на помощь нам.
Держаться насмерть до победы,
Давать отпор любым «гостям».
И пусть, как встарь сказали деды,
Пройдут по нашим лишь костям!
Хотел сказать еще он что-то,
Но голос грохот заглушил.
И видит он — у поворота,
Оскалясь пушками, застыл
Фашистский черный бронепоезд,
Усыпав искрами весь луг,
И в темноте, как будто роясь,
Повел он жерлами вокруг.

— Такого зверя не упустим! —
Сказал герой, прищурился глаз. —
Ты что-то стал, механик, грустен.
Давай в обход, не в первый раз! —
Владимир, дав из пушки выстрел,
Снарядом рельсы будто смыл,
А танк помчался вихрем быстрым,
Стремясь зайти «дракону» в тыл.
— Гони скорей, чтоб не удрали, —
Кричал Владимир. — Скройся в сад!
Но поздно. Немцы разгадали
И дали полный ход назад!

Машина вновь ушла в засаду,
Где час казаться стал за год.
— Вперед бы нам! — Изрек с досадой
Радист, со лба смахнувши пот.

— Больших зверей берут измором! —
Сказал Владимир. — Стоек будь!
И не зачтут тебе позором,
Что ты отрежешь немцам путь.

И вновь гнетущее молчанье,
От темноты слезится глаз,
Лишь бронепоезда ворчанье
Тайком приблизится подчас.

И так, незримый, у развилки,
У рельс изорванных и шпал,
Владимир грозной невидимкой
На страх врагам три дня стоял.

Но только помощи дождался,
Тотчас же двинулся вперед,
И скоро вновь уже сражался
За Русь! За волю! За народ!

Приказ был дан трем нашим танкам —
Во имя Родины святой
Занять разъезд у полустанка,
Держать его любой ценой.

И вот три славных, верных сына,
Как древних три богатыря,
Как три могучих исполина,
Пошли вперед сквозь вихрь огня!

Одним из них там был Владимир,
Другим — отважный Соколов,
В чьем сердце страх давно уж вымер,
И третьим был танкист Петров.

*Навстречу к ним у деревушки
Спокойно выполз эшелон.
На нем машины, танки, пушки
И немцев полный батальон.*

*Огнем гвардейским, беспощадным
Герои встретили гостей...
И там поныне ворон жадный
Кружит над грудами костей.*

*Всю ночь три витязя там бились.
Злой враг редут их не прошел!
И три героя там родились,
А враг могилу там нашел!*

*Винница — Жмеринка,
конец 1943 г. — начало 1944 г.*

Сыны Украины в борьбе за Родину

— Эх, хлопцы, руки у меня чешутся, — гневно воскликнул Шулежко, пристально всматриваясь в черную даль тревожной предбитвенной ночи. Вот уже два года по Украине рыщет кровавый враг, и, может быть, сейчас в его родной живописно раскинувшейся деревушке Пищики свищет безжалостный ветер, шаря по свежим, еще дымящимся пепелищам.

— Сел бы сейчас на машину, один бы поехал, хоть душу отвел бы, — вырвалось из сердца Шулежко.

— Горячий ты парень, — заметил на это ему земляк Иван Рыбалко. — Ну да это ничего. Я вот тоже полагаю курс взять прямо на свою хату. Хорошая у меня хата, и мать-старуха давно уже, поди, поджидает.

— Кто где родился, тот там и пригодился, — пробасил майор Боридько в тесном кругу танкистов, расположившихся у своих машин. — Украина породила нас, и мы должны ее отвоевать. Так что ли, младший лейтенант?

— Так, товарищ майор, — ответил Виктор Цибрук, и в его светлых глазах искрилось нетерпение. Вот уже совсем небольшое расстояние отделяет его от родной Сумской области, откуда он выехал учиться в танковое училище еще в начале войны и дал слово вернуться с победой. С тех пор он словно видел перед собой изрубцованную спину отца, вытянувшееся от горя лицо матери, изрытые минами цветущие сады своего родного края. Сердце жаждало

мести, и сила этой жажды тянула его вперед, на Запад.

...Первые лучи солнца скользнули по волнистому морю ржи. Лязгая сталью гусениц, по полю поползли «тигры», их было более тридцати. Они стали обходить роту Рыбалко.

Но не удалось панцирникам перехитрить такого мастера маневра, как Иван Рыбалко. Не раз он побеждал врага хитростью и умением. Скрытой местностью вышел он со своей ротой во фланг немцам и, пропустив вражеские танки вперед, атаковал их сзади. Сорок пять минут длился упорный бой, и Рыбалко оказался победителем. Шесть вражеских танков, два орудия и одну бронемашину — вот что приплюсовал он в этот день к своему боевому счету мести за родную Украину.

Бесстрашным исполином стоял на своей грозной машине лейтенант Шулежко. Не смущали его свистящие осколки, пули и болванки. Безмерна месть его за родную землю. В упор била его пушка.

— Есть один, — кричит Шулежко, высунувшись из башни, и, показывая рукой на клубы взметнувшегося черного дыма, приказывает: — Заряжай, Рипенко, заряжай!

Снова выстрел, и огромные языки пламени лижут броню второго немецкого чудовища. Шедшие сзади «тигры» насторожились, но напрасны их усилия обнаружить тщательно замаскированный танк Шулежко. Выждав, пока развернется очередной фашистский «дракон», Шулежко открывает огонь, и третий немецкий танк, распус-

тив свои гусеницы, замертво застывает на месте. «Тигры» устремляются в обход. Но там их достойно встречает Цибрук. Теперь этот юноша с детским лицом стал беспощадным мстителем. Вот распластался от верной руки Виктора Цибрука первый фашистский панцирник. Немцы попятились назад.

В тот же день Цибрук получил приказ произвести разведку боем. Стремительным броском он достиг деревни и там уничтожил еще одного «тигра» и десять автомашин противника.

Много дней бушевало жаркое сражение, и все это время командир Боридько со своим подразделением без усталости громил озверевшие банды фашистов. Более тридцати танков, двадцать одно орудие, тридцать семь автомашин, три самолета и более тысячи уничтоженных вражеских солдат и офицеров — вот боевой счет его подразделения.

Так сыны Украины мстят врагу за свою родную землю!

Ф. П. Боридько

Учитель

Последний урок закончился, но школьная детвора не спешила к выходу. Шумной гурьбой столпилась она у дверей, над которыми висела дощечка с надписью «Учительская».

— Тише, идет! — оповестил ребят рослый быстроглазый мальчуган. Из учительской вышел молодой мужчина.

— Дорогой Федор Петрович, — бойко начал мальчуган, торжественно выступив вперед, — в день вашего отъезда в армию мы, ваши ученики, преподносим вам этот скромный подарок. Он протянул учителю небольшую продолговатую коробочку с пестрой этикеткой и тоном, каким обычно произносят малозначимые, не относящиеся к торжественной речи реплики, сказал:

— Это, Федор Петрович, самопишущая ручка. — Но тут же, спохватившись, вдохновенно продолжил:

— Этой ручкой мы просим вас писать нам о вашей боевой жизни, а мы будем писать вам о своей учебе. И потом, дорогой Федор Петрович, мы, мы, — дважды повторил мальчуган, как бы готовясь произвести самое важное, — вызываем вас на социалистическое соревнование.

Учитель добродушно рассмеялся. Детвора осмелела, и скоро Федор Петрович сидел уже в тесном кругу внимательно слушающих его детей и говорил:

— Соревноваться будем, ребята, непременно будем. Я ведь тоже учиться еду. Хочу стать танкистом.

Ученики слушали его с таким уважением, что Федору Петровичу стало вдруг невыносимо больно расставаться со своими питомцами, но что решено, то решено — он должен быть в армии.

Учитель в последний раз погладил ручкой белые, как лен, волосы мальчугана, превосходно уже было устроившегося у него на коленях, и, распрощавшись с детьми за руки, покинул порог сельской школы.

Время бежало вперед. Настал 1941 год. Над Родиной нависла угроза. Немецкие мины и снаряды рвали землю Подмосковья. На защиту столицы прибыли танкисты-дальневосточники.

Старший лейтенант Боридько не охотник много говорить. Его речь к бойцам была кратка, но убедительна:

— За нами Москва — сердце нашей Родины. Назад ни шагу — таков приказ народа.

Он окинул взглядом сосредоточенные лица танкистов. Полные решимости, воины внимательно слушали своего командира. Когда-то его с таким же вниманием слушали дети. Тогда он был учителем в школе, теперь он будет учителем-командиром в бою.

Озверелые немецкие полчища с иступлением осаждали рубежи героических защитников Москвы, в чьих рядах сражались и танкисты старшего лейтенанта Боридько. Это они плечом к плечу с героями других частей и соединений остановили врага и отбросили его на запад.

Оттремели те жестокие битвы. Далеко позади остались поля сражений 1942 года. Наступил незабываемый 1943 год — канун июльского побоища. Готовые к бою танки стояли в лесу. Дни проходили в напряженной учебе. И только лунными вечерами собирались танкисты в тесный кружок и делились между собой тем, что на фронте бывает самым сокровенным. Кто-то с восторгом рассказывал о солнечной Грузии, кто-то вспоминал таежную Сибирь, кто-то отводил душу рассказами о Волге. Один только Виктор Цибрук становился в эти минуты грустным, словно ему чего-то недоставало...

Вот и теперь речь зашла о письмах из тыла. И Боридько, глянув на Виктора, заметил в его глазах мгновенно скользнувший оттенок грусти. «Тут что-то неладное», — решил командир и, подсев к молодому офицеру, участливо спросил:

— О чем задумались, товарищ младший лейтенант?

— Так, ни о чем, — торопливо ответил смутившийся юноша.

— Сами родом откуда?

— Из Сумской области.

— А семья там осталась?

— Там.

— У немцев, значит?

Цибрук кивнул головой, и Боридько понял причину его безысходной грусти, но, не промолвив больше ни слова, удалился в свою машину. Через полчаса он вызвал Цибрука к себе. И когда тот сел в машину, по всем правилам устава доложив о прибытии, Боридько попросту усадил его подле себя и протянул ему маленькую фотокарточку.

— Дочка? — спросил Цибрук, рассматривая фотографию, на которой было запечатлено беззаботно смеющееся лицо курчавой девчушки.

— Дочка, — с еле уловимым вздохом сказал Боридько.

— Далеко?

— В Полтавской области.

— Значит... у немцев? — не сразу решившись произнести это страшное слово, спросил Цибрук. Боридько утвердительно кивнул.

Что произошло с ним, Виктор не знал, но ему захотелось во что бы то ни стало сказать командиру, что он очень хорошо его понимает и разделяет его горе. И Цибрук впервые произнес вслух все то, что камнем лежало у него на сердце, и сразу же после этого почувствовал облегчение, словно сделал первый шаг к своей самой заветной мечте — увидеть семью.

А когда первые лучи солнца прорезали предрассветные сумерки, Боридько протянул Виктору руку и сказал:

— Ничего, дружок, скоро мы вместе с тобой зайдем в твою хату, сядем за стол и разопьем за нашу победу свои солдатские 100 грамм.

— Далеко еще, товарищ капитан, — вздохнув, возразил Цибрук,

— А знаете, Виктор, — сказал на это Боридько, — когда Суворов спросил одного из своих солдат, каково расстояние от Земли до самой дальней звезды на небе, тот, не задумываясь, ответил: «Три суворовских перехода». Нам нужно всего лишь стать суворовскими солдатами, и тогда для нас ничто не будет далеким.

Вернувшись в землянку, Виктор долгое время силился припомнить весь разговор с командиром, но мысли упорно путались вокруг одной фразы: «Нам нужно всего лишь стать суворовскими солдатами, и для нас ничто не будет далеким».

Части Красной Армии неудержимо шли вперед. Далеко позади остались и родина Цибрука, до которой ему так и не довелось дойти, и близкие сердцу Боридько сады Полтавщины, где вместо серенькой, уютно примостившейся к холму школы бывший ее директор нашел только груды обгоревшего кирпича да огромный, усыпанный пеплом пустырь, а вместо своего дома — только исковерканную огнем детскую когда-то никелированную кровать. Все осталось позади. Части Красной Армии неустанно шли вперед — на Запад.

Грудь командира-учителя украшали ордена Александра Невского, Красного Знамени Монгольской Народной Республики и Красной Звезды.

Много героев воспитал он в своей боевой семье. Глубокое знание военного дела и умение обучать солдат особыми приемами, основанными на сугубо индивидуальном подходе, — все это сделало его самым любимым и уважаемым офицером в части.

Ранней весной 1944 года подразделение Боридько одним из первых подошло к берегу Днестра. От студеной, еще подернутой льдом воды веяло прохладой. Мосты были взорваны. Боридько собрал своих танкистов.

— Хлопцы, — с задушевной теплотой обратился он к ним, — враг разрушил переправы, но это его не спасет. Русский человек и под водой пройти сумеет. Недаром же в песне поется: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим». Законопатим в наших танках все щели и форсируем реку вброд. Как думаете, проскочим?

— Проскочим! — дружно ответили танкисты.

И через полчаса воды Днестра забурлили, расступаясь перед погружающимися в них танками Боридько.

Так, не зная устали и не ведая преград, шли воспитанники Боридько на Запад. Ни пронизывающий мокрую одежду ветер, ни тяжесть маршей, совершаемых по трое суток без отдыха в условиях весенней распутицы, — ничто не приводило воинов в отчаяние. Перед ними был никогда не унывающий, волевой командир, чье слово бодрило их в тяжелые минуты

Грудь командира-учителя украшали ордена Александра Невского, Красного Знамени Монгольской Народной Республики и Красной Звезды.

Много героев воспитал он в своей боевой семье. Глубокое знание военного дела и умение обучать солдат особыми приемами, основанными на сугубо индивидуальном подходе, — все это сделало его самым любимым и уважаемым офицером в части.

Ранней весной 1944 года подразделение Боридько одним из первых подошло к берегу Днестра. От студеной, еще подернутой льдом воды веяло прохладой. Мосты были взорваны. Боридько собрал своих танкистов.

— Хлопцы, — с задушевной теплотой обратился он к ним, — враг разрушил переправы, но это его не спасет. Русский человек и под водой пройти сумеет. Недаром же в песне поется: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим». Законопатим в наших танках все щели и форсируем реку вброд. Как думаете, проскочим?

— Проскочим! — дружно ответили танкисты.

И через полчаса воды Днестра забурили, расступаясь перед погружающимися в них танками Боридько.

Так, не зная устали и не ведая преград, шли воспитанники Боридько на Запад. Ни пронизывающий мокрую одежду ветер, ни тяжесть маршей, совершаемых по трое суток без отдыха в условиях весенней распутицы, — ничто не приводило воинов в отчаяние. Перед ними был никогда не унывающий, волевой командир, чье слово бодрило их в тяжелые минуты

М.С. Пинский

ковника И.И. Гусаковского и следовавшая за ней 27-я Гвардейская мотострелковая бригада наступали на г. Гнезно, 40-я — в направлении Клочев, Витково, 45-я — на Видну. 44-я Гвардейская танковая бригада встретила сильное сопротивление противника, которое все более возрастало по мере ее приближения к Гнезно. Особенно упорно гитлеровцы обороняли шоссе, ведущее к этому городу из Ловича. Сильные опорные пункты были ими созданы почти во всех населенных пунктах вдоль дороги. Одна за другой следовали контратаки пехоты с танками.

Но остановить наших воинов противнику не удалось. Так, при подходе к одной из деревень гитлеровцы безуспешно контратаковали танковый батальон майора Ф.П. Бо-

Митинг в батальоне гвардии майора М.С. Пинского, идущем в передовом отряде. На этом митинге гвардейцы принесли торжественную клятву Родине и с честью выполнили ее

ридько. В этом бою особо отличилась группа танков под командованием замполита батальона капитана В.И. Дорофеенкова. В частности, экипаж «тридцатьчетверки» парторга роты лейтенанта З.С. Муляра уничтожил танк «пантера», зенитно-пулеметную установку и двадцать семь солдат и офицеров противника. Другой наш танк, управляемый коммунистом механиком-водителем старшиной Б.А. Быковым, уничтожил вражескую пушку, бронемашину и три грузовика.

Еще более ожесточенный бой был у следующей деревни. Подступы к ней оказались сильно укрепленными. Разведчики, высланные командиром М.С. Пинским, вскоре доложили, что в деревне до двухсот фашистских солдат и офицеров, а на ее восточной и

Танки передового отряда вошли в прорыв

южной окраинах установлено по четыре противотанковые пушки. Слабее была вражеская оборона с запада. Майор Пинский повел главные силы батальона в обход деревни. На ее восточных подступах оставил лишь танковый взвод лейтенанта Пелевина. Его задача состояла в том, чтобы выждать момент, когда гитлеровцы, обнаружив обход, повернут свои пушки на запад. Тогда лейтенант Пелевин должен был атаковать их и уничтожить.

Маневр полностью удался. Удар с двух сторон был неожиданным для врага. Придя в себя, гитлеровцы попытались организовать оборону, но их сопротивление было сломлено.

Путь на Гнезно был открыт. Полковник И.И. Гусаковский не сомневался в том, что

И.И. Гусаковский

гитлеровцы будут яростно оборонять этот город, являвшийся важным узлом коммуникаций врага в западных районах Польши. Но, к удивлению командира бригады, наши танки при подходе к Гнезно не встретили противника. Царившая в городе тишина была явно подозрительной. Не готовит ли враг ловушку, надеясь уничтожить наши танки после того, как они втянутся в узкие улицы? Это предположение подтвердилось. В городе притаились значительные силы фашистов и специальные отряды, вооруженные фаустпатронами. Стало ясно, что первыми в бой за город должны вступить автоматчики. Наши воины, благодаря местным жителям, мелкими группами быстро проникли в город и нашли те здания, в кото-

рых затаились фаустники и пулеметчики. Схватка была короткой, но яростной.

В то время, когда автоматчики уничтожали фаустников, в город ворвались танкисты. Наступая с двух сторон, батальоны А.А. Карабанова и Ф.П. Боридько довершили полный разгром вражеского гарнизона. Большую часть его они уничтожили, а остатки поспешно отошли на запад.

Бригада перешла в преследование отступающих гитлеровцев. Однако ее части были сразу же контратакованы подоспевшими крупными силами врага. Поэтому полковник Гусаковский отдал приказ закрепиться в Гнезно и подготовиться к отражению вражеских попыток отбить город. Такие попытки были предприняты в тот же день, но успеха не имели.

Между тем, разведчики 2-го танкового батальона, ведя поиск, обнаружили к северу от Гнезно фашистский аэродром с самолетами. Майор Пинский доложил об этом командиру бригады и, получив приказ захватить аэродром, скрытно повел к нему свои танки с мотопехотой. В коротком бою были уничтожены охрана аэродрома и зенитная батарея. Взорвав фашистские самолеты, батальон захватил большой склад горючего, которого хватило для дозаправки танков и автомашин не только бригады, но и всего корпуса.

За смелость и отвагу при освобождении Гнезно и захвате аэродрома многие воины бригады были награждены орденами и медалями. Командиры танковых батальонов Ф.П. Боридько и М.С. Пинский были удостоены звания Героя Советского Союза.

Сестра

Посвящается медицинской сестре Надежде Петровой. Однажды в трудную минуту боя она первой выскочила из окопа и увлекла за собой подразделение в атаку. После войны Надя Петрова вышла замуж, стала Жуковой. Живет в Одессе.

*Где-то бой вдали грохочет,
Смерть беснуется, хохочет.
А в палатке белоснежной,
Над бойцом склонившись нежно,
Тихо девушка стоит.
Сердце воина горит,
Шепчет он: — Нет сил, жара,
Подойди ко мне, сестра.
— Я, голубчик, возле вас, —
Молвит девушка тотчас, —
Не волнуйтесь, знайте, верьте,
Не отдам вас в лапы смерти.
И бойцу не тяжки муки,
Потому что чьи-то руки
Пот со лба обтерли ватой.
К голове, огнем объятой,
Приложили влажный бинт,
Стало легче — воин спит.
Но не дремлет до утра
Медицинская сестра.*

Всегда впереди

— В пятый раз пошла рота в атаку на дот, — рассказывал гвардии младший лейтенант Деркач, присев на предложенный ему бойцами стул. — Дот этот был одним из ключевых в «Линии Маннергейма». Каждый метр на подступах к нему простреливался пулеметным огнем с трех сторон. Стоял сорокаградусный мороз, но воины сбрасывали с себя телогрейки — тяжело было ползти по глубокому рыхлому снегу.

И вот, когда уже оставалось не более пятидесяти метров до дота, кто-то крикнул: «Убит командир!» Рота залегла. Что делать дальше? Кто будет командовать?

Тут-то, презрев смерть, под шквальным пулеметным огнем и встал в полный рост солдат, которого знали в части как лучшего разведчика.

— Слушай мою команду! — крикнул он товарищам. — Гранаты к бою! Справа, слева, по одному, короткими вперед!

Снежное поле ожило. Один за другим стали вскакивать бойцы и пристраиваться к бесстрашно бегущему вперед солдату.

Это был Федор Акимович Липаткин. За подвиг, благодаря которому был взят сильно укрепленный дот белофиннов и пробита брешь в обороне противника, он был удостоен звания Героя Советского Союза и направлен в офицерскую школу. А через год грянула Великая Отечественная война. Получив офицерское звание, Липаткин вновь отправился на фронт и в дни берлинской эпопеи совершил свой второй героический

подвиг, о котором на следующий же день было написано в газете «Комсомольская правда».

Младший лейтенант вынул из планшетки аккуратно сложенную пожелтевшую от времени вырезку и прочитал: «Танки свернули на улицу. Гвардии капитан Федор Акимович Липаткин выпрыгнул из своей тяжелой машины. Он быстро на ходу сбросил кожанку. На груди его сверкнули ордена и Золотая Звезда Героя Советского Союза... В руке он нес красное полотнище. Автоматчики из десанта несли дровко».

— Вот с того балкона хороший вид на Шпрее, — сказал командир и пошел по лестнице наверх.

— Так был поднят первый советский флаг над Берлином, — пояснил младший лейтенант и показал бойцам вырезанный из той же «Комсомольской правды» большой фотоснимок, на котором был запечатлен этот исторический момент водружения советского флага над одним из крайних домов Берлина.

— Как видите, ваш командир в бою был всегда впереди, — заключил Деркач. — Его примеру должны следовать и мы с вами. Всюду и везде быть только первыми — вот что должно стать нашим постоянным девизом!

Беседа эта состоялась более года тому назад, когда в роту прибыли молодые бойцы, не участвовавшие в боях и незнакомые еще с традициями гвардейского подразделения. О том, как завоевывалась боевая слава роты, более подробно рассказал в тот же день мо-

лодым бойцам ветеран части помпотех Муковоз.

— Машина старшего лейтенанта Грустнева первой ворвалась в укрепленное гитлеровцами село, — припоминал, сидя в тесном кругу воинов, очевидец жарких сражений. — Вражеским снарядом был поврежден мотор танка. Подбросив свежие силы, немцы задержали остальные танки, двигавшиеся вслед за Грустневым. Вырвавшийся вперед экипаж оказался в окружении. Со всех сторон гитлеровцы стали подбираться к советской машине. Но не думали сдаваться отважные танкисты. Грустнев вынул из танка пулемет и двое суток отбивался от наседавших на него со всех сторон фашистов. Он и умер, не отняв заокостеневших пальцев от гашетки пулемета. Отважному офицеру посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Один за другим вставляли в захватывающем рассказе ветерана части героические подвиги танкистов, беспредельно любивших Отчизну и проливших за нее свою горячую кровь. Чувство большой гордости за своих старших товарищей разгорелось в сердцах молодых патриотов, и каждый из них в тот же день дал торжественное обещание Родине быть достойным громкой славы своих предшественников и славы своего командира.

Сапер Алексей Кальченко

В эту ночь немцы были особенно назойливы. Сапер гвардии рядовой Кальченко взял автомат и зорким взглядом окинул складки впереди лежащей местности.

Над его головой пролетела болванка. Понесся рокот фашистского «тигра». Он выполз откуда-то снизу и, спрятавшись в ближайшей ложбинке, открыл методичный огонь.

Поразить его из танков было очень трудно, так как видна была лишь одна башня.

— Кто возьмется уничтожить «тигра»? — обратился к бойцам командир.

— Я! — громко крикнул Кальченко. Быстро вскочив, он мигом предстал перед своим командиром.

— Что тебе нужно?

— Три противотанковые гранаты! — решительно ответил Кальченко.

— Возьми, да смотри, постарайся вернуться живым! — по-отечески сказал командир и пожал ему руку.

Болванки свистели все чаще и чаще. Немцы бросились в атаку. Пули взвивали снежные вихри. Фигура Кальченко долго мелькала, скрываясь и вновь появляясь среди рвущихся мин и снарядов.

Заметив бегущего среди огня сапера, немцы сосредоточили по нему весь свой огонь. Но ничто не сломило богатырской воли русского воина. Казалось, что смерть отступила перед ним. Ползком он добрался до вражеского танка. Раздался короткий, резкий взрыв, и «тигр» умолк навеки.

Вернувшись, Кальченко коротко доложил:

— «Тигр» уничтожен!

Но это было лишь только началом его беспримерных подвигов. С того дня он превратился в страстного охотника за немцами. Каждую ночь он, отпросившись у командира, уходил в город, и слух о смертоносных выстрелах неуловимого русского солдата не раз бросал в дрожь патрулирующих по городу немцев.

В одну из своих ночных «экскурсий» Кальченко заметил в ярко освещенном окне большого дома мелькающие тени немецких солдат и офицеров. Подобравшись ближе, он насчитал в этой квартире более двадцати гитлеровцев. Вынув из сумки гранату, Кальченко привязал к ней двухсотграммовую толовую шашку и, выбрав удобный момент, бросил ее.

Бесстрашным бойцом по праву гордятся бойцы не только его подразделения, но и вся часть.

ВЫСТОЯТЬ — ЗНАЧИТ ПОБЕДИТЬ!

Плакат А. Вязникова

Это было 7 июля 1943 года в боях за Советскую Украину. Пулеметный взвод комсомольца гвардии старшего сержанта Ивана Трофимовича Зинченко оборонял свой участок. 56 немецких танков пошли в атаку на наши передовые позиции. Как свечки, горели тогда фашистские машины. Две из них поджег отважный Зинченко. В трудную минуту боя, когда силы храбрецов иссякали, а нужно было во что бы то ни стало не пропустить врага, Зинченко с гранатами в руках и за поясом бросился под немецкий танк и взорвал его. Это решило исход боя: остальные вражеские танки повернули обратно.

Зинченко погиб смертью героя ради Победы. Вечная слава ему, верному сыну Родины!

Два Мишки

Посвящается славным минометчикам
Михаилу РОГОВУ и Михаилу БОЙКО

Туманы бродят хмуро
Над волнами Амура,
И ветры ледяные над палубой шумят.
Два друга — оба Мишки —
Веселые парнишки
На вахте неустанно в бушлатиках стоят.
Знакомо им и море,
Не страшно им и горе, —
Когда они на пару, ничто их не берет!
А коль порой, быть может,
Тоска кого заглохнет,
Другой лишь усмехнется и другу пропоет:
— Ты канонир, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!
И так они служили,
Но изредка тужили,
Что нет их там, где бились за счастье, за народ.
Пойдем-ка мы в солдаты,
Условились ребята,
С морфлотцами простились и прибыли на фронт.
Свистят и рвутся мины
В степи необозримой,
Грохочет беспощадный, неистовый буран.
Извели ребята
Всю долюшку солдата:
И привкус едкой гари, и боль горячих ран.
Но где бы ни бывали —
Нигде не унывали
Два друга неразлучных — два Мишки моряка.

И если где случалось,
Им смерть в бою встречалась,
Один споет другому, прищурившись слегка:
— Ты был моряк, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты солдат, Мишка, — солдат не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!
Но вот в разгаре схватки
Заметили ребятки,
Что раненный осколком пал навзничь командир.
Один берет винтовку
К плечу на изготовку,
Чтоб немец командира, подкравшись, не добил.
Другой пополз к герою
И вынес с поля боя.
Осталось до траншеи один лишь шаг шагнуть,
Решил он приподняться
И стал в окоп спускаться,
Да злая вражья пуля
Вонзилась Мишке в грудь.
И хоть моряк был Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Прощаясь с другом, Мишка плачет,
Как он не плакал в жизни никогда!
И вот на поле боя
Теперь уж их не двое.
Один остался Мишка, но бьется за двоих,
Он мстит врагу за друга,
В нем ярость дышет вьюгой,
Бесстрашен Мишка в битвах, вдвойне он смел и лих.
Фашисты наседали
И Мишку окружали,
Осталось им до Мишки две сотни лишь шагов.
Фашистов больше роты,
Но Мишка с минометом
Один отбил атаку, сдержал герой врагов.

Он видел бурю в море,
Он знает скорбь и горе,
В руках теперь у Мишки отличный миномет.
И коль, порой, случится,
Что тяжко станет биться,
Припомнит Мишка друга и сам себе споет:
— Ты был моряк, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты мстишь за друга — пусть враг заплачет,
Но ты не дрогнешь, не отступишь никогда!

Бесстрашный Янко

В эту ночь обер-лейтенант Вейдман был особенно нетерпелив. Перед самым его носом еще с вечера на столе стояли две бутылки отличного коньяка, «организованного» им у какого-то румынского офицера. Коньяк было тем более драгоценным, что ради него обер-лейтенанту пришлось выбросить присланные ему в подарок от жены перчатки ввиду того, что в момент «организации» коньяка они оказались запачканными румынской кровью, чем несомненно вызвали брезгливое отношение своего «чистокровного арийского» обладателя.

Нетерпение у Вейдмана вызывал также зажаренный поросенок и гуска, «организованные» в этом селе. Но ко всему этому нельзя было прикасаться ранее 12 часов ночи. И только с наступлением нового года можно было вволю предаться чревоугодию.

Вейдман давно уже приготовил себя к этой трапезе и еле сдерживал потоки слю-

В.М. Гинтовт

ны, заполнявшей его беззубый рот. Вот он уже потянулся за первым бокалом, как вдруг все усиливающееся дребезжание стекол заглушил отчетливый гул мчавшегося по деревне танка.

«Русские!» — вырвалось из дрожащих уст Вейдмана. «Но как мог пройти русский танк, если на подступах к селу сделан ров, преодолеть который просто немыслимо? Не родился еще такой фокусник!» — пытался было успокоить себя обер-лейтенант, но выстрел из пушки оборвал его мысли. Теперь уже было ясно, что такой «фокусник» нашелся.

Витольд Гинтовт родился в простой крестьянской семье. Юные годы провел на по-

лях Белоруссии. Был одним из лучших трактористов, гордостью всего района. Придя в армию, он стал первоклассным механиком-водителем, которого друзья за мужество и отвагу прозвали бесстрашным Янко.

Будучи мастером вождения, он одержал десятки блестящих побед, исключительных по мастерству и хитрости маневров на поле боя. Вот, что было за плечами этого черночубого юноши с добродушной улыбкой на смуглом скуластом лице.

«Мы им еще покажем!»! — задорно подбадривал своих друзей Янко перед каждым новым сражением, и действительно показывал образцы отваги и мужества.

Однажды наши пехотинцы наткнулись на сильную оборону немцев и вынуждены были залечь, так как подступы к переднему краю простреливались противником с трех сторон из всех видов оружия. Бесстрашный Янко прорвался на танке к траншеям немцев, проутюжил их и, раздавив гусеницами более полусотни гитлеровцев, обеспечил успех нашим пехотинцам.

Вот и теперь именно бесстрашный Янко сумел преодолеть без выстрела четырехметровый эскарп, вихрем ворваться в село и посеять панику среди собравшихся уже было пировать немцев.

Всю ночь по деревне металась обалдевшие гансы и фрицы, но их повсюду, как топот Медного всадника, преследовал грозный гул машины Янко. Под ее гусеницами встретил Новый год и слюнявый обер-лейтенант Вейдман, а вместе с ним еще не один десяток гитлеровцев. Оставшиеся в живых

разбежались, забыв захватить с собой даже ремни, которые они сняли с себя, готовясь к сытному ужину. Вместе с ремнями они «забыли» более семидесяти автомашин, около двадцати повозок с военным имуществом, два продовольственных склада и два склада с запасными частями для автомашин. Но все это кажется мизерно малым в сравнении с теми цифрами, которые составляют общий боевой счет героя. О многом могли бы рассказать эти цифры: о знойных июльских сражениях 1943 года, где отважный Гинтовт неоднократно своей хитростью и умением маневрировать побеждал противника, в десятки раз превосходящего его по силам; о пыльных дорогах августовского рейда по тылам неприятеля, где грозный танк Гинтовта наградил могилами не одну сотню застигнутых врасплох немцев; о трескучих морозах и выюгах зимнего наступления, где бесстрашный Янко прокладывал путь на Запад! Имя героя стало гордостью всей необъятной страны. Его комсомольский экипаж получил звание лучшего, которое с честью пронесли танкисты по полям суровых сражений как символ беспримерного героизма.

Грудь бесстрашного Янко украсили ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, Славы 3-й степени и медаль «За отвагу». За проявленный героизм Родина удостоила его высшей награды — Витольду Гинтовту было присвоено звание Героя Советского Союза.

Честь и слава богатырю!

МЕСТЬ

Посвящается кавалеру ордена Славы гвардии
старшине Николаю АЛТУХОВУ

Тусклый свет коптилки льется,
Нары в мутной полутьме,
В тесной печке пламя бьется.
Кто-то просит пить во сне,
Кто-то вспомнил горы, море,
Кто-то немцу смерть сулит.
Лишь один, объятый горем,
Над столом, склоняясь, сидит.
Молча держит, не читая,
Он в руках своих листок.
Тяжела ты, весть лихая
Материнских горьких строк.
— Что не спишь, знать, занедюжил? —
Друг участливо спросил. —
Иль письмо плохое дюже
Из деревни получил?
Скрытый ты, браток, уж очень,
Рассказал бы все друзьям.
— Мне рассказывать нет мочи,
На, прочти, — поймешь и сам.

Взял товарищ лист измятый,
Стал читать:
«Сынок родной!
Расскажи друзьям-солдатам
О своей беде большой.
Расскажи, что псы немые
Ворвались к тебе домой,
И у всех глазищи злые,
Автоматы за спиной.
А жена твоя, Варюша,

Дочь держала на руках.
Тут же Толик был, Ванюша...
Охватил их лютой страх.
Вдруг один горбатый, рыжий
Подошел к твоей жене
И сказал при всех, бесстыжий:
«О, зер гут! Сойдет вполне!
Только выбросить гаденыш...»
Варя стала умолять:
«Ты не смеешь, ты не тронешь!»
Рыжий рявкнул: «Отобрать!»
Подскочили два солдата,
И, схвативши дочь твою,
Потащили вон из хаты...
Я, как мертвая, стою,
А жена, рванув сорочку,
Преградила немцам путь.
«Не пуцу, отдайте дочку!»
Рыжий выстрелил ей в грудь.
«Ви просила свой зверенка —
На ж, возьми его с собой!»
И подняв при нас ребенка,
Бросил об пол головой!»
— Да! — сказал товарищ тихо.—
Только ты крепишь, дружок,
Нынче нам с тобою лихо,
Завтра им настанет срок!

Срок настал. Уж бой грохочет.
В шквальной ярости свинца
Смерть беснуется, хохочет,
Жажда мести жжет сердца.
В бой идут бойцы рядами,
Все вперед — за шагом шаг.
Но в лощине, за кустами
Притаился подлый враг.

-
- Кто возьмется уничтожить? —
Командир спросил бойцов.
— Есть желающий, быть может?
— Есть! — ответил Алтухов.

Пулемет врага неистов,
Но герой сквозь ад прополз.
Видит он в кустах фашиста —
Сердце яростью взялось:
Может, он, такой же рыжий,
Кровь детей и жен на нем,
Так же, может быть, бесстыже
Он врывался в чей-то дом,
Так же, кровь с руки стирая,
Ухмылялся волком злым.
Помоги ж мне, месть святая,
До него дойти живым!
Сила ярости горючей
Проложила мести путь,
И свинец, смертельно жгучий,
Прострочил фашисту грудь.
Мститель встал над полем брани
И вскричал: «Друзья, за мной!»
И пошли бойцы рядами
На священный грозный бой.
Для врага был час тот жутким.
Беспощаден гнев отца!
Бьет в упор за кровь малютки
Он восьмого подлеца,
Битва злится, как пучина,
Трепещи, кровавый враг,
Мсть идет к тебе лавиной,
Смерть твоя у нас в руках.

Два ноября

(По полям минувших сражений)

Приход почтальона, как и всегда, был встречен восторженно и шумно:

— Ну, Антоша, кому сегодня в своей сумке счастье принес?

— Говори сразу, мне пять или десять? — наперебой спрашивали бойцы вошедшего в казарму экспедитора — смуглолицего сержанта с большой, оттопырившейся на боку кожаной сумкой.

— Сегодня только одному Прокофьеву, — внушительно ответил экспедитор. Понимались вздохи.

— Ну, читай, — произнес подошедший к Прокофьеву ефрейтор с белыми, как лен, коротко подстриженными волосами. — Солдатский закон знаешь? Все письма — вслух!

— Да-да, вы уж, товарищ сержант, пожалуйста, не нарушайте воинских порядков, — поддержал ефрейтора еще кто-то из бойцов, и Прокофьев вынужден был сдать.

— Ну что же с вами делать, садитесь, слушайте... Письмо от друга. Вместе от самой Москвы до Берлина прошли.

— Ну читай, читай. Интересно, что пишет, — вновь поторопил беловолосый ефрейтор, и Прокофьев, легонько прокашлявшись, начал:

«Здравствуй, боевой друг Саша!

Вот я уже и дома. Надел гражданский костюм, но чувствую себя в нем как-то неудоб-

но. Привыкли ремнем затягиваться — все кажется, что мешок на тебе висит. Привычка — вторая натура.

Вчера весь день бродил, как принято говорить, по полям минувших сражений.

Вспомнил ноябрь 1941 года, село Малеево, лес, наполовину выстриженный осколками, воронки от бомб и снарядов. Жаркими были те боевые денечки. Сейчас уже, конечно, и следов от всего того почти не осталось.

С трудом нашел ту просеку, которую прорубали, чтобы выйти к немцам с фланга. Как сейчас помню, весь день металась мы на своих БТ по опушке леса, пытаясь прорваться вперед по проселочным дорогам, но огонь противника был таким, что проскочить через него не представлялось возможным.

И вот приехал наш полковник: «Как так, говорит, орлы-дальневосточники — и не можете прорваться? Просеку прорубите, коль дорогами пройти невозможно».

А что значило прорубить просеку под таким огнем, когда кусты пулями, словно косой траву, косило? Но лихой был у нас командир. Сам взял топор и направился к лесу. Ну, сам понимаешь, тут уж ребятам и смерть не страшна стала.

За какие-нибудь 2—3 часа прорубили мы двухкилометровую просеку и как обрушились на немцев с фланга, так и погнали их назад. Это была наша первая победа.

Долго бродил я по этой просеке. Всех товарищей вспомнил. Много их погибло в этом лесу: Федоров Степа, Фомичев Андрияша, Артамонов Петя... Прекрасные были ребята.

Достал я в деревушке кусок фанеры, написал на ней: «Здесь, защищая столицу, смертью храбрых пали прекрасные сыны нашей Родины...» Перечислил всех, кого вспомнил, и фанеру прибил к дереву у самой просеки.

Да, Саша, тяжелым был ноябрь 1941 года. И каким счастливым будет для людей вот этот ноябрь!

Недавно я прошелся по московским предприятиям. Жизнь, Саша, бьет ключом. Ты помнишь Москву, затемненную, оцетинившуюся против врага баррикадами и эскарпами, и суровую, словно одетую в солдатскую шинель. А теперь, в этот ноябрь, она будет сверкать миллионами электрических лампочек, сотнями прожекторов, фонтанами фейерверков.

Москва, ноябрь 1945 года. Жизнь торжествует, Саша. Мы с тобой завоевали право на эту жизнь, и мы будем жить. Демобилизуешься — приезжай ко мне. Теперь нас ждут танки.

Твой друг Федор Нечаев».

В родном селе

В ленинскую комнату гвардии старшина Пономарев вошел как раз в тот момент, когда бойцы, собравшиеся у стенда «Боевой путь части», разговорились об Октябрьском празднике и при этом вспомнили ноябрь 1941 года.

— Да, невеселым был тогда для меня Октябрь, — сказал Пономарев, присев на массивные поручни большого кожаного кресла.

— Вышли мы, помню, на исходные позиции. Впереди лес, а за лесом мое родное село — Борисовка. Сажу в окопе на патронном ящике и думаю: жива ли еще моя мать? И вдруг слышу, командир роты спрашивает: «Желающие идти в разведку есть?» — «Есть», — гаркнул я во все горло и уже не помню, как очутился перед командиром.

С наступлением сумерек пошли мы втроем. Со мною еще два паренька были — омские. Хорошие ребята. Убили их «кукушки». В те времена немцы залезали на деревья и целыми сутками просиживали там, подкарауливая наших разведчиков. В меня тоже стреляли, но не попали...

Прошел я через лес, подобрался к деревне. Вижу — немцы чуть ли не на каждом метре с автоматами сидят. Нет, думаю, без хитрости не проскочить мне в деревню.

А справа, у самого леса, мельница стояла. Дед мой работал на ней — Степан. Пошел я к деду. Он, конечно, как увидел меня, так и слова вымолвить не смог от неожиданности. Ну, а мне не до разговоров было. Схватил я у него первый попавшийся под руки тулуп, шапку. «Айда, — говорю, — дед, в деревню. Патрулям скажешь, слепой, мол, а парень — поводырем при мне».

Пошли мы. Но немцы, конечно, забрали нас. Скинули с меня шапку, а я коротко подстриженный. Ясное дело — солдат. Деда-то отпустили, а меня в комендатуру поволокли.

Только я, как чувствовал, что с «поводырем» номер не пройдет, и прикинулся глухонемым и придурковатым.

Привели меня в комендатуру. Комендант такой обходительный. Выслушал он патрулей и приказал кого-то вызвать. Минут через пять вбегает в хату наш районный врач, Павловной ее звали у нас на селе. Как, значит, немцы-то пришли, так она к ним переводчицей пристроилась.

Узнала она меня и, слышу, рассказывает по-немецки, что я родом из этого села, слухом и речью не обижен, и что через два дома живет моя мать.

У немца от злости аж нос вытянулся. Подошел он ко мне, да как заорет что-то по-своему. Павловна-то, змея, тут как тут и переводит мне — открой, мол, рот, а я стою, как будто не понимаю. Тогда офицер давай мне жестами растолковывать. Ну, делать нечего, пришлось понять. Раскрыл я рот и вдруг от боли чуть не взвыл. Немец мне в язык ручку с пером всадил — испытывал не вскрикну ли, но я стерпел, не застонал даже.

Вызвал комендант двух солдат и отдал им какое-то приказание. Они вместе с Павловной вышли. Через четверть часа распахивается дверь, и в комнату вталкивают мою мать. Вот, думаю, встретились. Верите ли, до этого на все готов был — отрубай мне

руки, ноги, не пророню ни одного слова, а тут аж в глазах потемнело. Смотрю на мать, а она на меня, и остолбенели оба.

А Павловна так схибно спрашивает ее:

— Это ваш сын?

Мать посмотрела на нее, на меня и спокойно отвечает:

— Нет, не похож, матушка!

— Врешь! — истерично завопила та.

— Зачем же я врать-то буду, — еще спокойнее отвечает ей мать, — я ведь совести-то своей никому не продавала.

— Что ты хочешь этим сказать? Что я продала, что ли? — захлебываясь от злости, закричала Павловна.

— А об этом ты сама своему сыну расскажешь. Вот подрастет он у тебя еще немного, ты и расскажешь! — отрезала ей мать, и та еле удержалась, чтобы не упасть в обморок. Схватила за голову, пробормотала что-то по-немецки, вроде того, что она, мол, обозналась, и, как ошпаренная, выскочила из хаты.

Мать мою тоже вытолкали за дверь, а со мной разные «фокусы» проделывать стали. И прикладом меня били, и кинжалом тыкали. Все надеялись, что не вытерплю я — вскрикну, но потом, видимо, решили, что я и в самом деле глухонемой и дурковатый. Отпустить же, однако, не отпустили. Раздели меня чуть ли не догола и заперли в сарай (вернее не заперли, а просто задвижку закрыли и патрулю наказали присматривать).

Ночь холодная была. Немец по двору ходит, каблуками постукивает, и больше —

ни звука. Тишина мертвая. Что тут будешь делать. Скрипни дверь — услышит. Не вырваться, думаю, мне из этой западни.

И вот уже совсем замерзать стал, ни руки, ни ноги не слушаются. Вдруг слышу, в сарае через дорогу куры всполошились. Вот, думаю, чудо, откуда же куры могли взяться? Дед мне дорогой сказал, что кошки живой в селе не осталось — всех гитлеровцы передушили, а тут — куры. Немец-то, чувствую, тоже насторожился. Послушал, послушал, потом припер мою дверь еще какой-то палкой и сам рысцей к тому сараю.

Я попытался было встать, да тело, словно чужое. Кое-как на корточках приподнялся и слышу, кто-то подбежал к сараю, отбросил палку, раскрыл двери и шепчет: «Василий, айда за нами!»

И что бы вы думали, кто это сделал? Ребята из нашего села, а сынишка той самой Павловны за командира у них был. Историю с курами он и придумал.

От этих ребят я потом точно узнал, где и что у немцев расположено, с ними передал матери записку и в ту же ночь вернулся в часть.

Вот как довелось мне праздновать Октябрь 1941 года. Зато уж через десять дней, когда мы ворвались в это село, я отпраздновал два праздника разом — и Октябрьский и первую нашу победу.

11 ноября 1945 г.

Так он сражался за Родину

Вряд ли можно было подумать, что в этом белокурое юноше с открытым, по-детски смеющимся лицом, кроются отвага и воля чудо-богатыря. Кто из его близких друзей от души не смеялся над тем ребячьим восторгом, с которым Геннадий читал — обязательно вслух — письма из далекой таежной Сибири от своей матери. «Милый Геша, — писала старушка, — у нас все хорошо. Огородик мой удался на славу. Скорей добивайте фашистов. Жду я тебя, мой милый сыночек, как солнышка».

В эти минуты он становился буквально ребенком. Не менее восторженно читал он письма от своей любимой Танюши. Она писала, что все девушки его родного края не покладая рук работают на полях и заводах для того, чтобы обеспечить фронт всем необходимым для победы, что она сама с утра до ночи вяжет снопы...

В чемодане Геши бережно хранились все ее письма, которые он получал еще будучи курсантом военного училища, а в левом кармане гимнастерки в специальной картонной обложке как зеницу ока берег Геннадий ее фотографию. Свидетелем многих подвигов был этот портрет.

Еще под Москвой, когда Геннадий был командиром танка БТ и героически отстаивал родную столицу, преграждая путь лавинам бронированных фашистских чудовищ, его грудь украсил орден Красной Звезды. Далее судьба его сложилась так, что он попал в пехотную часть.

Целыми днями ползал он по передовой с автоматом в руках, не упуская ни одной возможности сходить в атаку или в разведку.

Вскоре Воеводин был назначен заместителем командира разведроты по политчасти. Бессчетное количество раз ходил в разведку, выполняя самые сложные боевые задания. Из одной «экскурсии» в тыл неприятеля этот белокурый худенький юноша собственноручно приволок двух чистокровных арийцев, за что был вторично представлен к награде и скоро получил еще один орден Красной Звезды.

Весной этого года он снова попал в танковое подразделение. Благодаря своему упорству Воеводин быстро изучил танк Т-34 и был назначен командиром взвода.

Враг бросил в атаку свои лучшие отборные части. Воеводин находился в засаде. В панораме танка ему хорошо был виден бугор, волнистое море ржи, голубое лазурное небо. Вот появились три «тигра».

— Вперед! — командует Воеводин.

Танк идет на сближение. Несколько метких выстрелов, и густые клубы черного дыма окутали две вражеские машины, а третья повернула вспять. Атака отбита, но враг открыл ураганный огонь из артиллерии.

— Справа пушка, — докладывает Воеводину радист.

— Заряжай осколочно-фугасным! — командует Воеводин своему башнеру. Выстрел — и пушка взлетает на воздух.

Но вот на бугре появилось уже более пятидесяти «тигров». В самый разгар боя был

ранен командир роты. Воеводин берет на себя командование ротой и, хитро маневрируя на поле боя, отбивает три атаки чуть ли не в десять раз превосходящего по силе противника.

Бой разгорается все сильнее и сильнее. Через горы трупов своих головорезов и кладбище обгоревших танков немцы лезут на наши позиции. Воеводин, как всегда, на самом ответственном участке. «Тигры» пытаются обойти его ложиной. Воеводин, внезапно атакуя их сбоку, подбивает три бронированных чудовища. Шедшие позади «тигры» успели направить жерла своих пушек на танк Воеводина.

— Что будем делать? — спрашивает Воеводина башенный — младший сержант Тялуев.

— Биться до последнего! — отвечает командир.

Несколько «тигров», рыча, ползут на добычу, они, видимо, хотят взять советских танкистов живьем.

— За Родину, Леша! — с каким-то азартом крикнул вдруг Воеводин. — Заряжай!

Искры сыпались то от одного, то от другого «тигра». Долго кипела горячая схватка. Но вот что-то сильно ударило в броню. Танк охватило пламя. Геша погиб, но назад не отступил ни шагу. Так сражался и так погиб герой Геннадий Воеводин. Вечная слава ему!

Так говорит народ

Береги страну как зеницу ока.

Разлученный с возлюбленной плачет семь лет,
разлученный с Родиной плачет до смерти.

В бою рождаются герои.

Народ — это священное место, а уходящий
от народа — потерянный человек.

Смерти бояться — на свете не жить.

Не дается тем победа, кто от клятвы от-
ступил.

Кто любит свою Родину и советский народ,
тот подлинный патриот.

Человек без Родины — соловей без песни.

Трус умирает тысячу раз, а герой только од-
нажды.

Лучше смерть славная, чем жизнь позорная.

Плохой сын — имя хорошего отца срамит.

Г.И. Богданенко

Григорий Богданенко

Многое припомнил Григорий в эту темную ночь. И серый, слегка накренившийся над логом дом, где он провел свои детские годы, и студеную воду Десны, которая каждый год заливала этот лог до самого порога хаты, цветущие сады Черниговщины и уютившееся среди них родное село Крихаев. Вспомнил он и свою юность, шумные улицы Киева, мелодичные звуки оркестра в раскинувшемся над самым Днепром многолюдном парке, и те напряженные дни, когда шумный веселый Киев вдруг ошетинился против врага бесконечными рядами колючей проволоки, эскарпов, баррикад и траншей.

Тогда поезд умчал его в далекую Грузию. Там он был зачислен в запасной полк и направлен на курсы механиков-водителей.

Теперь, в эту весеннюю ночь, он мчался уже по просторам украинских степей. И чем больше счастливых дней воскресало в его памяти, тем сильнее пробуждалась в нем ненависть к тем, кто растоптал это счастье, тем больше он ощущал непримиримую потребность мстить и мстить.

Далеко позади сверкали разрывы — там грохотал неумолкающий бой. Три боевые советские машины пробирались по глубоким тылам противника, стремясь незамеченными выйти на стратегически важную шоссейную дорогу и отрезать единственный путь отхода отступающей группировке немцев.

В черноте ночи неясно выступили контуры небольшой деревушки. Машины остановились.

— Необходимо произвести разведку села! — сказал командир взвода Брыков.

Танкисты постучались в крайнюю хату. Из нее, пристально всматриваясь в темноту, вышла старушка.

— Немцев много в селе? — спросил ее Богданенко.

— А вы кто такие будете?

— Русские солдаты! — ответил Григорий.

Старуха от неожиданности явно растерялась.

— Голубчики вы мои, солдатики вы мои ридни! — произнесла взволнованная женщина.

— Так много ли немцев-то в селе? — снова спросил Богданенко.

— Много, сыночек, много! — ответила старуха. — Поди уж третий день мимо нашего села-то едут и едут. А там вон, — она показала рукой на противоположный край села, — они своих «тигров» вкопали, семь штук, и пушек много.

Командир взвода тотчас принял решение стать в засаду. Танки быстро рассредоточились и приготовились к отражению возможных атак неприятеля.

Под утро на усиление засады прибыло еще четыре наших танка, и в полдень разгорелась жестокая схватка. Семь вражеских «тигров» со всех сторон поползли к засаде. Гвардейцы решили перейти в контратаку. Танк Богданенко первым вырвался вперед и, смело маневрируя на поле боя, вышел во фланг наступающим «тиграм».

В стане врага произошло замешательство. Этим воспользовались гвардейцы, и скоро на бугре уже запылали четыре вражеские машины. Остальные откатились обратно, но тотчас предприняли новую, еще более яростную атаку. Гвардейцы вновь отбросили врага и удержали занятый рубеж до подхода наших основных сил. Задача была выполнена отлично. Враг не пробился сквозь ряд гвардейцев и оказался в прочных тисках наших подразделений.

Танк Григория Богданенко двинулся дальше. Теперь ему предстояло одному из первых преодолеть две большие водные преграды и стремительным броском ворваться в город, навести панику среди оставленного там немцами гарнизона и парализовать его сопротивление. Успех этой операции во

многим зависел от мастерства механика-водителя. И Григорий Богданенко сумел добиться победы. Его машина успешно форсировала реки и быстро помчалась вперед, делая резкие зигзаги то вправо, то влево, ускользая от вражеских снарядов.

Появление советского танка на улицах города было столь ошеломляющим для немцев, что они, бросив все, поспешили было спастись бегством. Но немногим удалось улизнуть из-под меткого огня грозной машины Богданенко.

Город вновь стал советским. Грудь богатыря Григория Богданенко украсили орден Ленина и Золотая Звезда. Имя его вписано в славный список Героев Советского Союза — лучших сынов Украины!

Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды было присвоено механику-водителю танка старшине Г.И. Богданенко в период Проскуровско-Черновицкой операции войск 1-го Украинского фронта в последние дни марта 1944 года. Это же высокое звание было присвоено посмертно старшине А.А. Худякову, павшему смертью героя в боях за Черновцы.

Александр Худяков

Самолет делал плавные крены то вправо, то влево, словно вальсируя под звуки неуловимой небесной мелодии. Летчик пристально всматривался в проплывающий под самолетом пейзаж живописной местности.

Слева бесконечной вереницей тянулись Уральские горы, справа — зеркальной змейкой струилась река, по берегам которой зелеными коврами раскинулись пастбища. А дальше шли поля башкирской пшеницы.

Самолет резко пошел на снижение и через несколько секунд приземлился у деревни. Сельские ребята гурьбой высыпали из крайней улицы к крылатой машине. Впереди оказался рыжеволосый парнишка. Добежав до самолета и увидев летчика, паренек восторженно вскрикнул:

— Так это же брат Сашки!

Но Сашки среди ребят не было, и паренек побежал за ним. Вскоре он вернулся к самолету с высоким черночубым парнем по имени Сашка. Братья бросились в объятия и поцеловались.

Эта встреча с братом оставила неизгладимый след в памяти Александра Худякова. Когда он смотрел на голубые петлицы брата-полковника, в нем пробуждалось чувство гордости и даже некоторой зависти. В десятый раз он повторял тогда свою просьбу:

— Возьми меня к себе в часть. Уж если не летчиком, так хоть шофером стану.

— Возьму, — успокаивал брат. — Когда призовут тебя в армию, тогда и возьму!

И наконец это случилось.

...После медицинского осмотра Александр в последний раз подошел к столу призывной комиссии. Ему задали вопрос, в каком роде войск он желает проходить службу.

— В авиации, в полку своего брата! — без заминки ответил он.

— Но состояние вашего здоровья не позволяет вам быть летчиком, — возразил ему пожилой военврач.

— Я хочу знать машину и могу быть кем угодно! — упорно настаивал на своем Александр.

Призывная комиссия пошла на уступки, и Александр получил назначение в авиационную часть.

С этого дня началась его новая жизнь.

Боец Худяков быстро овладевал военными навыками. За короткий срок он изучил автомашину и стал отличным шофером. Но сердце рвалось в небо. Все свободное время он проводил на аэродроме.

Годы действительной службы промчались быстро. Александр так свыкся с военной жизнью, что и не собирался уходить из армии. Он остался на сверхсрочную.

Службу нес исправно, был требовательным к себе, но главного — стать летчиком — он все-таки не добился. Неумолимые врачи запретили ему «идти в воздух». Но во время Великой Отечественной войны Александр нашел свое счастье в другом. Судьба привела его к танку, и он стал механиком-водителем.

Холодные волны реки плескались о берег. Ветер трепал выбившиеся из-под кожного шлема черные как смоль волосы. Александр грузно ступал на мокрый песок, выбирая, где лучше провести танк. Ни свистящие пули, ни воюющие снаряды не смущали его спокойствия. Выбрав удобный участок для переправы, гвардии старшина Худяков с прежним спокойствием принялся конопатить все щели в машине.

Ему, лучшему механику-водителю, доверили выбрать место для переправы и первому проложить путь через две водные преграды. Он сознавал эту ответственность и готовился к делу с особой тщательностью. Подготовив танк, он завел мотор и двинулся к речке.

Рассекая волны, машина шла к противоположному берегу. Еще несколько тревожных мгновений — и танк вышел на сушу. Следом за ним двинулись остальные машины.

Танк Худякова помчался по равнине вперед. Внезапно врываясь в села, занятые противником, он сеял панику среди немцев. Но вдруг в машине сильно запахло гарью, блеснул огонь.

— Горит трансмиссия! — крикнул командир экипажа гвардии лейтенант Леднев.

— Пробуйте потушить, я сбавлю скорость, — ответил Худяков.

Экипаж энергично принялся за дело. Через несколько минут огонь был потушен, и танк вновь громил банды гитлеровцев.

Около трехсот фашистов нашли себе могилу под гусеницами танка Худякова в эту весеннюю ночь. И в последующих схватках с врагом танк Александра также успешно истреблял гитлеровцев и их технику.

Родина высоко оценила бессмертный героизм гвардии старшины Александра Худякова, удостоив его высшей награды — звания Героя Советского Союза.

Март 1944 года. При освобождении города Черновцы от гитлеровских оккупантов отличилось отделение автоматчиков под командованием сержанта Юнуса Юсупова. Вступив в город, они узнали от местных жителей, что неподалеку томится в тюрьме группа патриотов. Юсупов понимал, что при отступлении гитлеровцы постараются расправиться с заключенными патриотами. И он принял решение атаковать тюрьму. Освобожденные с огромной радостью встретились со своими избавителями и тут же присоединились к ним.

С их же помощью сержант достал у местных жителей красное полотнище и, неся его как знамя, повел отделение к зданию, где до оккупации помещался городской Совет депутатов трудящихся. Над ним развевался ненавистный фашистский флаг. Юсупов быстро взобрался на крышу дома. И вот уже сброшен флаг со свастикой, а на его месте под ликующие крики «Ура!» взвилось красное знамя.

25 мая 1944 г.

Лейтенант Азаров

27 июля 1944 года Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта за освобождение Львова и Станислава, на следующий день — за овладение Перемышлем и Ярославлем, а еще через пару дней передовые части нашей армии вырвались к Висле и, форсировав ее, заняли на западном берегу небольшой плацдарм. Враг бросил большие силы, чтобы отрезать и уничтожить прорвавшиеся войска. Шли ожесточенные бои. Наши воины героически отражали натиск противника. Гитлеровцы, прорвавшись на подступы к огненным позициям батареи лейтенанта А.Н. Азарова, бешено рвались вперед. Это была уже их третья контратака за день. Первые были отражены гвардейцами-артиллеристами. Теперь же врагу удалось приблизиться к ним почти вплотную — фашистов отделяло от батареи не более ста метров.

Но именно это расстояние стало непреодолимым для врага. Ряды контратакующих таяли на глазах. Буквально по трупам своих солдат гитлеровцы подбирались к батарее с двух сторон, но так и не смогли прорваться сквозь стену огня. Тогда они разделились на две группы, одна из которых начала обходить артиллеристов с тыла. Но гвардейцы картечью, гранатами, огнем автоматов уничтожили группу обходивших. Разъяренные фашисты вновь полезли с фронта, одновременно выкатив пушку на прямую наводку. Однако наши артиллеристы и на этот раз опередили противника. Первым же снарядом вражеская пушка была уничтожена вме-

сте с прислугой. Ни на шаг не отступили артиллеристы с лейтенантом Азаровым.

...24 апреля 1945 года. Форсирование реки Шпрее. На указанном участке первым под прикрытием ночной темноты переправился 3-й мотострелковый батальон с противотанковой батареей лейтенанта А.Н. Азарова. Противник обнаружил наших воинов, когда они уже преодолели реку, и обрушил на них сильный огонь артиллерии и минометов. У самого берега гвардейцев встретили пулеметные и автоматные очереди. Но враг спохватился поздно. Выскочив на берег, мотострелки с ходу вступили в бой. Их поддержали артиллеристы, в считанные минуты развернувшие свои пушки. Шаг за шагом батальон оттеснял гитлеровцев от берега, очищал от них дом за домом. Тем временем враг перешел в контратаку. С особым упорством фашисты пытались прорваться к батарее Азарова. На ее огневые позиции наступали две роты пехоты с пятью танками и артиллерией. В ожесточенном бою им удалось вывести из строя несколько наших артиллеристов, в том числе двух командиров взвода. Лейтенанту Азарову пришлось непрерывно переходить от орудия к орудию, ставя задачи расчетам, а нередко и самому вести огонь. Воодушевленный своим командиром личный состав батареи героически отразил натиск врага.

За стойкость и мужество командование наградило весь личный состав батареи и многих автоматчиков орденами и медалями. Лейтенанту А.Н. Азарову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Долг зовет

Григорьев снял со стены планшет и еще раз одернул на себе аккуратно заправленную под ремень гимнастерку.

На левой стороне ее чуть повыше грудного кармана сверкали орден Ленина, два ордена Славы и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

О чем рассказать молодым солдатам в этот предпраздничный день, Илья Леонович Григорьев продумал еще накануне. Много поучительного и интересного припомнил он из своей боевой биографии. Но в памяти продолжали воскресать все новые и новые подробности военных лет. Вот и сейчас это свежее майское утро напомнило ему весну 1942 года. Тогда он открыл личный счет мести врагу, а полтора года спустя вписал в свою памятную книжку уже двухсотого гитлеровца. В армейских газетах появились крупные заголовки: «Привет снайперу Григорьеву — первому на нашем фронте кавалеру ордена Славы!», «Бейте фашистов, как Григорьев!»

Почти одновременно получил Илья письма от своих четырех братьев. Они служили в разных частях и подразделениях. Петр был танкистом, Роман — разведчиком, Иван — радистом, Никита действовал в партизанском отряде.

Самым коротким было письмо Романа. «Нашим девизом, — писал он, — стали слова великого Сталина: «...Бить врага без промаха, как бьют их наши славные снайперы...» Горжусь тем, что мой брат с честью носит это высокое звание».

Рассматривая присланную братом открытку, Илья заинтересовался помещенным на ней рисунком. На рисунке был изображен молодой улыбающийся боец. За спиной у него висела снайперская винтовка. В левой руке он держал пять отстрелянных гильз, а в правой — раскрытую памятную книжку с пометкой «уничтожено пять солдат противника». Подпись под рисунком гласила: «Что ни патрон — то гитлеровец!»

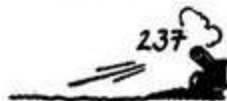
Много удачных «охот» имел уже к этому времени на своем счету Илья, но искусство, к которому призывал с открытки ладный улыбающийся солдат, для Григорьева было еще не всегда доступным.

«...Бить врага без промаха...» — ни на минуту не забывал Григорьев сталинского наказа. «Но все ли я сделал, чтобы выполнить этот боевой приказ?» — спросил себя молодой снайпер и задумался.

...В этот день Григорьев вернулся с «охоты» позже, чем обычно. Восемь гильз выложил он на стол перед своим командиром, и лишь одна из них не приумножила боевого счета Ильи. Семь врагов за день — это был отличный результат в борьбе с «зарывшимся в землю» противником.

— Вот что значит поражать цель с первого выстрела, — сказал тогда Григорьев своим товарищам, и все подразделение снайперов взяло себе за правило: не допускать ни одного промаха.

Умело выслеживал и истреблял врагов снайпер Илья Григорьев. Его опыт перенимали другие. Так и зародилась на фронте школа знатного снайпера — «фронтowej

стрелковый университет», как называли ее потом однополчане Григорьева. 135 метких стрелков-«охотников» воспитал Илья в этой фронтовой школе.

В армии Григорьев вступил в партию и дал клятву высоко нести честь коммуниста.

На третьем году боевой жизни он вписал в свою памятную книжку знаменательную для него цифру «301», после чего вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Высокую награду вручил ему в Кремле Михаил Иванович Калинин.

Вскоре наши войска форсировали Неман. Во время одного из сражений Илья был тяжело ранен. В шестой раз. Уверно служившей ему «снайперки» осколками мины вдребезги был разбит оптический прицел и сильно помят ствол. Но не суждено было знаменитой винтовке исчезнуть из оружейных списков полка. От товарищей Григорьев узнал, что она долгое время хранилась в боевой гвардейской семье. На прибитой к ней медной табличке была выгравирована надпись: «Выполняя долг перед Родиной, Герой Советского Союза Григорьев метким огнем из этой винтовки истребил 328 гитлеровцев, в том числе 67 офицеров и 18 снайперов».

Но и после демобилизации он был верен своему долгу: передавал богатый боевой опыт молодежи, обучал сложному снайперскому искусству.

Первое «Ура!»

От времени этот вырезанный из журнала фотоснимок пожелтел, но как он дорог каждому из бойцов подразделения!

Что на нем запечатлено? Взглянув даже мельком, нетрудно понять, что дело происходит в Берлине у так называемой колонны Победы.

— Но чем так густо усыпано небо? — недоуменно спросите вы. И вам не без гордости ответят:

— Это подброшенные в воздух, может быть, не по одному разу простреленные в боях шлемы славных танкистов нашего подразделения.

Под снимком краткая подпись: «Первое «Ура!» в честь взятия Рейхстага».

Часто собираются у этой реликвии молодые воины.

Вот и сейчас с затаенным дыханием слушают они воспоминания участника тех событий, трижды орденоносца, гвардии старшины Летучева.

— Я был в экипаже Героя Советского Союза гвардии майора Пинского, — не спеша рассказывает старшина. — Ночь на 1 Мая. Берлин в огне. От пожаров светло и душно, как при ярком закате августовского солнца. В грохоте стрельбы и канонады не всегда можно было расслышать не только что тебе говорят, но даже что кричат на ухо. Пинский сам достал из машины приготовленное нами еще накануне красное знамя, и знаком приказал мне вынуть его из чехла. Я понял, что

Через Шпрее. Берлин, апрель 1945 года

предстоит последний и решительный штурм Рейхстага.

Но с нетерпением ожидаемая команда «вперед» все еще не поступала. Убедившись, что в танке воздух меньше насыщен гарью, я опять залез в машину и прислонил отяжелевшую голову к холодной броне башни. И вдруг броня танка так задрожала, что моя голова запрыгала, как мячик. Оказывается, началась мощная подготовка из всех видов артиллерии, находившейся к этому времени в городе.

Вставал рассвет. Это был рассвет Победы. В голове колонны взвился красный флажок.

— Идем в атаку, — крикнул мне на ухо Пинский. И сердце забилося так часто, что мне не стало хватать воздуха. Я, кажется,

Танкисты корпуса вышли на окраины Берлина

очень широко раскрывал рот. Пинский даже рассмеялся.

— Ты что, — говорит, — как карась на сковородке дышишь. Не в таких переплетах бывал — не волновался, а теперь вдруг и рот разинул.

— Не от страха это, товарищ майор, — говорю я, — а оттого, что дожить довелось до такой великой минуты.

Двинулись в атаку. По каждому дому приходилось бить из пушки, но продвигались все-таки быстро. Улицы горели сплошным гигантским костром. Над машиной бесновались языки пламени.

И вдруг приказ: «Прекратить огонь». Наступило затишье. Из уст в уста передавались всего лишь два слова: «Берлин капитулиру-

ет». Никто не спрашивал, как и откуда узнали.

Однако, как стало известно потом, этими первыми переговорами немцы пытались просто выиграть время. Опять был отдан приказ открыть огонь. И Берлин задрожал от невиданной по мощности артиллерийской пальбы. Это было похоже на извержение вулкана. Чтобы вам легче было представить себе, что это был за огонь, могу сказать, что только на одном километре фронта у Унтер-ден-Линден стояло свыше пятисот советских орудий, и все они били до тех пор, пока стволы не накалились чуть ли не докрасна. День почернел.

К самому Рейхстагу наши танки пробиться все еще не могли, но мы уже видели это серое, объятые огнем, здание. Над ним реял изрешеченный пулями советский флаг. Раненые пехотинцы рассказывали, что знамя водрузил один из разведчиков. Когда он забрался на крышу Рейхстага, немцы стали поливать его свинцовым дождем. Но солдатгерой чувствовал себя под пулями спокойно. Прикрепив знамя, он крикнул бойцам своей роты: «Ну как, всем видно?» И радостно засмеялся, первым подбросив вверх свою пилотку, которую, говорят, на лету растрепало автоматной очередью.

Бои в самом Рейхстаге продолжались всю ночь. Утром 2 мая из подземелий Рейхстага с белым флагом в руках вышло более 700 гитлеровцев, но мелкая перестрелка в здании все еще не прекращалась.

— Мы подъехали вплотную к колонне Победы. — Продолжал рассказывать Лету-

чев, — гвардии старшина Алякин стремглав пустился к памятнику и вскарабкался чуть ли не на самую его вершину. Как увидели солдаты рядом с крылатой фигурой Победы машущего шлемом советского танкиста, так и грянули, не сговариваясь, дружное «Ура!», которое не смолкало часа два. Вот это-то «Ура!» и запечатлено на снимке, который вы видите, — закончил старшина. И воины вновь устремили свои взоры на пожелтевший, ставший уже святыней части, документальный фотоснимок.

1 мая 1946 г.

Из истории части

Утром 21 апреля 1945 года в штаб армии поступила следующая телеграмма командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Г.К. Жукова: «1-й Гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы... Пошлите от каждого корпуса по одной бригаде в Берлин...»

Осуществление этой ответственной и почетной задачи полковник А.Х. Бабаджанян возложил на самую прославленную бригаду корпуса — 44-ю Гвардейскую танковую во главе с дважды Героем Советского Союза полковником И.И. Гусаковским.

В середине дня бригада приступила к выполнению задачи. Сломив яростное сопротивление гитлеровцев, 22 апреля она ворвалась в Уленхорст — восточную окраину

А.Х. Бабаджанян

Берлина. Здесь и произошло знаменательное событие — был водружен Государственный флаг СССР над зданием штаба фольксштурма в Берлине.

Второе красное знамя было поднято над самым высоким зданием Карлсхорста войсками 1-го танкового батальона 40-й Гвардейской танковой бригады под командованием майора Б.П. Иванова. Батальон первым ворвался в этот пригород.

...Шли жестокие кровавые бои. Гитлеровцы внутри города создали девять секторов обороны, насчитывающих до четырехсот железобетонных дотов, многие из которых имели стены толщиной 2,5 метра, а перекрытия высотой до 3 метров. Это были настоя-

шие крепости, вмещающие гарнизоны численностью до тысячи солдат и офицеров. Многочисленные зенитные батареи, расположенные на крышах прилегающих зданий, защищали их от бомбардировок. Много танков и орудий стояло наготове в укрытиях на всех улицах, перекрытых к тому же тяжелыми баррикадами. Подвальные помещения многих зданий соединены бетонированными переходами, позволяющими врагу скрытно маневрировать силами. Но не было такой силы, которая смогла бы сдержать могучий натиск Красной Армии, несшей на своих знаменах освобождение человечества от фашизма, и не было меры доблести и героизму советских войск.

И вот, наконец, частям 2-го Гвардейского танкового корпуса в 6 часов утра 2 мая было приказано прекратить огонь. Спустя четыре часа они соединились с выдвинувшимися в центральную часть Тиргартена войсками 5-й ударной, 2-й и 3-й Гвардейских танковых армий. Здесь, на парковой площади Гроссерштерн, куда первыми вышли воины 11-го Гвардейского танкового корпуса, водрузившие над ней красный флаг, стихийно возник митинг войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Воины-победители радостно обнимали и целовали друг друга, в воздух взлетали фуражки, пилотки. Неумолчно гремело и перекатывалось по площади могучее «Ура!»

Берлин пал. Пришла долгожданная Победа...

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

*Они были на Параде Победы в Москве.
На снимке: (слева направо) кавалер ордена Красной Звезды, ордена
Славы 3-й степени и медали участника Отечественной войны
гвардии старшина Засухин И.С., кавалер двух орденов Красной
Звезды, медали «За отвагу» и медали участника Отечественной
войны гвардии старшина Маршев А.И., кавалер ордена Славы 3-й
степени, медали «За отвагу» и медали участника Отечественной
войны гвардии сержант Чернышенко В.Ф.
Фото Б. Исполатовского*

Задумчивая беседа с друзьями

Почти месяц прошел с того знаменательного дня, когда мимо Мавзолея у стен Кремля неиссякаемым потоком мощи прошли храбрейшие из храбрых воинов нашей великой армии-победительницы, перед всем миром утвердившей свою неодолимую силу.

Давно уже смыло дождями начертанные на брусчатке Красной площади белые кружки и полоски. Участники Парада разъехались по своим частям. Вернулись к нам и наши посланцы. В их жизни вновь наступили исполненные упорной работы над собой солдатские будни. Но впечатления, вынесенные ими с Парада, не изгладятся из их памяти никогда. Неисчерпаемы и захватывающи их рассказы о своем пребывании в родной и любимой столице.

В одно из наших подразделений мы прибыли в тот момент, когда только что закончились занятия, и бойцы, ожидая команды на построение, толпились еще в классе. Одни обсуждали пройденную тему, другие о чем-то спорили, но одна из групп, тесным кружком обступившая последние три парты, вела необычайно оживленную и, как видно, захватывающую всех беседу. В центре этой группы мы увидели трех воинов в новых темно-зеленых мундирах. Это и были как раз те храбрейшие, которым довелось участвовать в историческом Параде победителей.

Так встретила нас Москва

— Встретила нас Москва так, что нет слов и передать вам, — восторженно рассказывал всем известный в части гвардии сержант Владимир Чернышенко. — Приехали мы уже под вечер. Москва — в огнях, как невеста в жемчужном наряде. Ну сами понимаете, каким отрядным было для нас это зрелище. В сорок первом-то году она,

матушка, в темноте по ночам стояла, а теперь — море огней; на всех платформах радио играет — сразу чувствуется праздник. Поезд наш остановился у семафора — главный путь был занят. До вокзала оставалось метров восемьсот. Высыпали мы все на ступеньки, не терпится нам — скорее в город попасть хочется. Только видим — народ к нам сбегается. Узнали, что фронтовики приехали, и прямо по шпалам к нам с цветами и с подарками. Обнимают нас, целуют... А тут еще кто-то баян вынес, растянул меха... и прямо тут же, на полотне железной дороги, такие танцы начались, что пыль столбом поднялась. Песни запели, игры затеяли. И получилось все это как-то непринужденно. Никто об этом и не думал. Просто захлестнуло всех такой радостью, что удержу не было. Целый час мы отплясывали у семафора.

Потом подъехали к станции. Там нас уже с оркестром встретили. Построились, пошли по Москве. Сначала шли по 20 человек в шеренгу, да столько народу сбежалось, что хоть дома раздвигай. Все движение остановилось. Перестроились по десять — не помогло. Подали команду построиться по пять человек, тогда уж только кое-как добрались до места. Привели себя в порядок. Ну, думаем, первый вечер проведем в казармах — сил наберемся. Но где там... По всем телефонам, со всех концов Москвы — нам приглашения: в оперу, в балет, в кино, на заводы, в институты. Хоть на части разрывайся. И там хорошо, и там весело... И вот, как началось это с первого дня, так

и продолжалось до самого отъезда. Я уж и припомнить всего не могу, где я только не был, чего я только не видел! И в театрах, и в музеях, и на заводах, и в институтах... Артисты, профессора, стахановцы, журналисты — все поздравляли нас, показывали свои достижения, как будто мы эксперты какие.

А достижений в Москве и не перечесать. Входишь, например, на фабрику — чисто-та, как в концертном зале, и люди в этих цехах на 300 процентов норму выполняют. Дисциплина, порядок — любо-дорого посмотреть.

Мы видели Сталина

— А вот, если бы Парад вы видели, хлопцы! — подхватывает гвардии старшина Александр Маршев.

— Выстроились все, как по ниточке, словно срослись друг с другом. Тысячи людей на площади — и ни малейшего шума. Тишина какая-то особая, торжественная. Стоим и со Спасских ворот глаз не спускаем. Знаем, что вот-вот появится Сталин, и так хочется увидеть его, что лишний раз моргнуть боишься. И вот, ровно в 9 часов 55 минут вышел товарищ Сталин в сером плаще, в маршальской фуражке, как всегда простой и спокойный. На трибунах грянула овация. Поднялся Иосиф Виссарионович на Мавзолей. Вместе с ним поднялись Молотов, Калинин, Ворошилов, Каганович, Андреев, Микоян, Жданов,

Хрущев, Берия, Маленков, Шверник, Вознесенский.

Спасские часы отсчитали десять ударов. На площадь выехал маршал Жуков, принял рапорт Рокоссовского, поздоровался с войсками и, поднявшись на трибуну Мавзолея, произнес поздравительную речь. По окончании его речи оркестр заиграл Гимн Советского Союза, грянули победные залпы. Затем была подана команда к церемониальному маршу. И вот тут-то началось такое, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать. Два часа непрерывным потоком двигались через площадь отборные части Красной Армии: и пехотинцы, и танкисты, и артиллеристы, и конники... Грудь у всех в орденах, шаг чеканят так, что сердце радуется. И нет предела твоей гордости за свою армию, за Родину и за Сталина. Так и хочется крикнуть на весь мир: смотрите, мол, какой стала наша Россия. Нет теперь силы, способной одолеть ее. Тяжелую годину войны пережила она, но не отступила перед врагом, дружно поднялась на защиту своей Отчизны, выпестовала в огне боев свою армию и победила. Победила навсегда. Для внуков и правнуков завоевала право на счастливую жизнь.

И сделал все это гений Сталина — вот этого простого человека, что в сером плаще стоял на Мавзолее. В тяжелых переплетах приходилось мне бывать, братцы, за годы войны. До боли обидно было прощаться с погибшими товарищами, но я не плакал. А тут — хотите верьте, хотите нет — комок подступил к горлу, от радости хотелось зап-

лакать. Как вспомнил я ноябрь 1941 года, когда по этой же Красной площади проходили бойцы в измазанных окопной глиной полушубках, когда от Кремля до передовой было не более 30 минут езды, и фашисты подтягивали уже к Москве свои дальнобойные орудия, а наша любимая столица ощерилась против них баррикадами и словно надела на себя солдатскую шинель. Как вспомнил я все это да как подумал, что сделано за четыре года войны, так у меня и дух перехватило, и сразу понятным стало, почему нас так везде встречали.

Вечером, после парада

— А уж встречали так, что на улице проходу не было, — вступил в разговор гвардии старшина Засухин.

— Вечером, после парада, пошел я погулять по набережной. Слышу около моста «Ура!» кричат. Подошел поближе. Вижу — там толпа целая. Подхватила нашего танкиста на руки и вот подкидывает его вверх. С него, бедного, даже шлем свалился. Стесняется парень, умоляет не трогать его, а его и слушать никто не хочет. «Слава победителям!» — кричат они и подкидывают танкиста. Ну я, конечно, в сторону подался, а то, думаю, из такого «окружения», пожалуй, скоро-то и не вырвешься.

Прошел квартала два — опять такая же сцена. Куда тут деваться? И посмотреть-то хочется на Москву... Залпы гремят, ракеты по небу, как пчелы, летают, музыка везде

играет, шумно, весело... Э-э, да что там и говорить... За всю свою жизнь я не видел ничего подобного. Рассказывать обо всем, так и месяца не хватит. Одним словом, хорошо было! — неожиданно закончил старшина.

И зачарованные рассказами товарищей бойцы, вспомнив видимо о том, что долго засиделись за разговорами, вдруг дружно направились к выходу, продолжая восхищаться всем, что довелось им услышать от своих друзей об историческом Параде победителей в нашей славной столице Москве.

ПРОЩАНИЕ СО ЗНАМЕНЕМ

Вещи были собраны еще накануне, все необходимые дорожные документы лежали в грудном кармане гимнастерки рядом с красной партийной книжечкой. Теперь Джиоев сидел в тесном кругу боевых товарищей и, разговаривая с ними, так внимательно к ним присматривался, будто бы для него в каждом из них раскрывался целый неизведанный мир.

Было ли в поведении его друзей что-либо новое? Нет, он уже давно изучил все их привычки и особенности, но теперь они приобретали для него особое значение. Как и в предыдущие вечера, старшина много говорил о своей родной Осетии, об исхоженных в свое время кавказских дорогах, о заветной мечте вернуться в покосившуюся над кручей саклю, но думал, как это ни странно, не о том, что пришло наконец время сбыться его мечте, а о том, что завтра ему навсегда придется расстаться с этими, столь дорогими для него людьми.

Когда он рассказывал о знойном небе Кавказа, невольно вспоминал о крещенских ночах, проведенных вместе с сидевшими вокруг него друзьями под одной, заледевшей на морозе плащ-палаткой.

Близость разлуки подступала к горлу комом горечи. Вечерние сумерки сгущались. В казармах потухли огни. Пора уже было расставаться. Все встали. Поднялся с места

и Джюев. Воцарилось молчание. Каждый стоял, потупив взор, стараясь скрыть от товарищей вдруг навалившуюся на сердце тяжесть расставания. Первым гнетущую паузу нарушил старшина Цибуля.

— Конечно, — проговорил он, — привычка — дело большое. Ну да ничего... Дома новые друзья появятся. С нами-то ведь ты невзгоды за невзгодами переживал на войне, а с теми будет веселее. Заживешь новой жизнью и забудешь своих фронтовых приятелей.

— Нет, не забуду, — прервал его Джюев. — Никогда не забуду. Вот ты говоришь — невзгоды. Да, бед за время войны мы пережили много, но и радостей не меньше. Может быть, и наскучили каждому из нас фронтовые эпизоды, но об одном случае я вам все-таки расскажу.

— Дело было в небольшой деревушке Журава, — начал Джюев. — Весь день бушевала пурга. Снег шел такими хлопьями, что в ста метрах уже не было видно человека. Находясь в разведке, мы сбились с пути и въехали в расположение немцев. Глянув через триплекс, я увидел наставленные в упор на нашу машину стволы трех пушек. Хотел было сообщить об этом командиру танка, но тот уже крикнул механику-водителю:

— Коля, гусеницами их. Полный газ!

И через несколько мгновений под нашим танком заскрежетало железо. Не дав опомниться гитлеровцам, мы передавили все их пушки и, заручившись всеми необходимыми для нас сведениями, благополучно вернулись в подразделение.

Назавтра двинулись в наступление. Пурга все еще не унималась. Мы смяли засаду гитлеровцев, ворвались в село и обратили в бегство целый батальон вражеской пехоты. К вечеру деревня была полностью очищена от неприятеля. К нашей машине собралась вся рота. Нам пожимали руки и говорили: «Спасибо, хлопцы».

Но вот пурга утихла. Немцы темной массой двинулись в контратаку. И это бы ничего... Но в небе появилось более десятка юнкерсов, а в селе ни одной зенитки. В разных переплетках пришлось побывать. Друзья нас расхваливали за храбрость... И вот, пожалуйста, — все идет насмарку. Такая досада взяла меня, что волосы готов был рвать на себе. И вдруг — мысль: а что если из танка открыть огонь по стервятникам? Я уже было и рот раскрыл, чтобы сказать об этом, да спохватился. Засмеют, думаю, это ж только разоблачать себя, цель немцам указывать. Сел и молчу. Командир мой был легко ранен и лежал на боеукладке. А меня так и подмывает открыть огонь из пушки.

Взял предельный угол возвышения, открыл клин затвора и смотрю через канал ствола. Вот пошел в пике один самолет, за ним — другой, третий. Захлестнула меня злоба. Не помня себя, схватил шрапнельный снаряд, зарядил пушку, поймал в перекрестье прицела одного стервятника, выстрелил... И чтобы вы думали? Вспыхнул юнкерс, как свечка. Я еще два выстрела сделал. Моему примеру последовали и другие танковые экипажи. Таковую пальбу открыли мы по юнкерсам, что они удрать-то еле сумели, не то что пикировать.

Сколько же тут было радости, если бы вы только видели! До хрипоты кричали мы «Ура!» всем экипажем, и не потому, что сами живы остались — нам предстоял еще бой с наземной группой противника, и надежды на жизнь, прямо скажу, у нас почти не было, так как машина наша стояла на самом опасном месте. Но каждый из нас знал, что с наступающей на село пехотой и артиллерией врага рота справится, и мы радовались тому, что удалось все же отстоять обреченную уже было на гибель нашу маленькую победу, за которую благодарили нас товарищи.

Вот такой радости, которая сильнее страха перед смертью, в своей довоенной жизни я не испытывал, и друзей, с которыми мне довелось пережить подобные минуты, я, конечно, никогда не забуду. — Джигоев умолк.

Долго, может быть, просидели бы еще в раздумье воины, но горнист проиграл «отбой», и собеседники, поочередно пожав отъезжающему товарищу руку, разошлись по своим местам.

В полдень отъезжающим были устроены торжественные проводы. Командир подразделения объявил, что слово предоставляется демобилизованному старшине Джигоеву.

На трибуну вела небольшая пятиступенчатая лесенка. Но как сильно забилося сердце, когда старшина стал подниматься по этим ступенькам. Это было хорошее, вызванное тор-

жественностью минуты, волнение. Сейчас он должен был сказать товарищам свое прощальное слово. Речь была обдуманна заранее, но когда Джюев окинул взглядом строй аплодирующих ему гвардейцев, все придуманные слова вылетели из головы, захотелось сказать что-нибудь более простое и более душевное. И он сказал:

— Боевые друзья! Будьте все свидетелями моей последней солдатской клятвы. Буду не только помнить свою боевую семью и каждого

из вас в отдельности, но и посвящать вам все свои производственные успехи, все свои трудовые победы. С вами я завоевывал право на свое счастье, помня о вас, буду и строить его.

Гром рукоплесканий заглушил последние слова Джюева. Еще раз взглянув на строй знакомых ему воинов, старшина спустился с трибуны, чеканным шагом подошел к знамени, опустился на колени и крепко поцеловал краешек увенчанного тремя орденами гвардейского стяга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Война закончилась полной и безоговорочной победой над врагом. А вершили ее наши советские люди — и в тылу, и на фронте, не жалея ни сил, ни самой жизни, совершая героические подвиги в этой жестокой, кровопролитной битве во имя освобождения родной земли, своего народа, народов всей Европы от нашествия коричневой чумы. Пусть немногие, уцелевшие материалы, рассказывающие об этих подвигах, послужат примером для молодежи, чтобы новое поколение защитников Родины помнило и гордилось славными сыновьями и дочерьми Отчизны, сражавшимися под знаменами 1-й Гвардейской танковой армии, которой командовал дважды Герой Советского Союза, гвардии генерал-полковник танковых войск М.Е. Катуков.

Много выросло здесь отважных командиров, отмеченных за боевые подвиги высокими правительственными наградами и удостоенных звания Героя Советского Союза. Командир самой прославленной — 44-й Гвардейской танковой бригады этого корпуса, гвардии полковник И.И. Гусаковский и командир 1-го Гвардейского полка, гвардии полковник И.Н. Бойко стали дважды Героями Советского Союза. Бригада была награждена орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, орденами Кутузова, Суворова, Богдана Хмельницкого, а также двумя

орденами МНР — орденом Красной Звезды Монгольской Народной Республики и орденом Сухэ-Батора. Корпус был дважды удостоен высоких наград — ордена Красного Знамени и ордена Суворова, получил наименование Прикарпатско-Берлинского, а главное — Гвардейского.

Испытанные и закаленные в боях гвардейцы посылались в самые трудные места, на самые опасные участки войны, чтобы решить судьбу операции, исход сражения, и тем самым приблизить долгожданную Победу! 1-я Гвардейская танковая армия в составе 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов прошла с боями не одну тысячу километров, с честью и достоинством пронесла знамя гвардии, завершив свои боевые операции в самом центре фашистского логова — Берлине. Много воинов сложили свои головы на этом длинном, тернистом пути. Светлая память и вечная слава героям!

*Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мертвым, и живым.
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья!..*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ПОГОВОРКИ ДЕРЖИТ РЕЧЬ	11
Парень с русскою душой	11
Про Сашу Растеряхина	14
О военном займе	16
«Болтовне положь конец!»	18
Про солдатскую кашу	20
Про неряху-разгильдя	22
«Спишем все за счет войны!»	24
О зиме подумай летом	26
О людях незаметных профессий	28
Про немецкие сводки	30
Про Смекалкина Сашу и Отвагина Пашу	31
Будь суворовским солдатом!	33
НА ТАРАН!	37
ИВАН БРОНЯ ВЕДЕТ БЕСЕДУ	89
Множь счёта своих побед!	89
Бей фашистов по-гвардейски	91
Сталина приказ — это Родины наказ	91
Мсти немцу	93
Встретим немца-подлеца жгучей лавою свинца!	94
Громи врагов, как Рясный иль как Мадыров, стоек будь!	95

Ты — суворовский солдат, так не ведай же преград!	97
Слава сталинским бойцам!	99
Святыня	99
Отомсти врагу!	100
Воину-богатырю	100
За слезы матери	101
Ты слышишь, воин, гром орудий?	101
Сотни сталинских орудий	102
Таганрог наш!	102
Вновь Черновицы за нами!	102
Баллада о солдатской любви	103
Три огненных года	105
Фронтальная дружба	106
Вперед, на Запад!	107
Залей врага дождем свинца!	107
Наш путь — вперед!	108
За свободу родной Украины!	109
Иди без усталости вперед!	110
Беседы бывалого воина	114
Смелость, находчивость, расчет	114
Выстоять, отбить — это значит победить!	116
Дума о знамени	118
Без бесед — солдата нет!	120
Раз машину в рейс ведешь — все равно, что в бой идешь	120
О водителе машины	122
О старшинах	123
Кто проворней — тот сильнее!	126
В быстроте залог победы!	126
Спорт — брат родной подготовки боевой	128
Кто проворен да смышлен, тот в бою вдвойне силен	129

Наказ солдатам	132
Проявляй в учебе рвенье	132
Честь солдата береги	134
Сохраняй добро народа	136
Будь честным, доблестным в труде!	138

НАШИ ГЕРОИ

Письмо друзьям	141
Боевая слава	
«Революционной Монголии»	143
Сталинская похвала	152
Отец и сын	156
Из истории части	160
Майор Орехов	167
Из истории части	169
Во имя Родины.	173
Рождение героя	177
Сыны Украины в борьбе за Родину	184
Учитель	187
Из истории части	193
Сестра	199
Всегда впереди.	200
Сапер Алексей Кальченко	203
Выстоять — значит победить!	205
Два Мишки	206
Бесстрашный Янко.	208
Мечь	212
Два ноября	215
В родном селе	217
Так он сражался за Родину	222
Так говорит народ	225
Григорий Богданенко	226
Александр Худяков	230
Лейтенант Азаров	234

Долг зовет	236
Первое «Ура!»	239
Из истории части	243
Говорят участники	
Парада победителей	246
Задуманная беседа с друзьями	246
Так встретила нас Москва	247
Мы видели Сталина	249
Вечером, после парада	251
Прощание со Знаменем	253
Заключение	258

Валентин Иванович ЖЕЛТОВ родился 31 декабря 1918 года в Калуге. После окончания театральной студии второго МХАТа был призван на военную службу на Дальний Восток. Мечтал посвятить себя театру, но война нарушила его планы. Был автоматчиком, минометчиком, танкистом. Победу встретил военным корреспондентом. Верность профессии литератора сохранил и в послевоенные годы. В.И. Желтов — писатель, публицист, автор множества очерков и рассказов, повестей и пьес. В 2000 году, уже после смерти писателя, вышел в свет его роман «Океан жизни».

ISBN 5-94736-026-8

9 785947 360264